

Национальная Академия наук Республики Таджикистан

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша

На правах рукописи

УДК

Хакимова Замира Гайратовна

**ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОСМЕТИКИ И
ПАРФЮМЕРИИ ТАДЖИКОВ (IV ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ДО Н.Э. – ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА XX В.)**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель: доктор исторических наук

Иброхимов М.Ф.

Душанбе – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень сокращений и условных обозначений	3
Введение	4-22
Глава 1. Генезис и начальные этапы развития косметики и парфюмерии таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XIX в.)	23-92
1.1. Генезис косметических и парфюмерных традиций в Центральной Азии (IV тысячелетие до н.э. – бронзовый век)	23-41
1.2. Косметика и парфюмерия в эпоху древности	41-64
1.3. Развитие косметики и парфюмерии в VI - первой половине XIX вв.	64-92
Глава 2. Развитие косметических и парфюмерных традиций в конце XIX - первой половине XX века	93-148
2.1. О роли косметики в достижении эстетического идеала у таджиков (по материалам дореволюционных русских авторов)	93-112
2.2. Эволюция традиций в области косметики и парфюмерии в конце XIX - первой половине XX века	112-136
2.3. Торговля косметикой и благовониями	137-148
Заключение	149-152
Библиографический список	153-177
Приложение 1. Отраслевая терминология по косметике и парфюмерному делу таджиков	178-182
Приложение 2. Иллюстрации	183-207

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

в.	- век
вв.	- века
г.	- год
гг.	- годы
до н.э.	- до нашей эры
кн.	- книга
колл.	- коллекция
р.	- река
РАН	- Российская Академия наук
ред.	- редактор
РТ	- Республика Таджикистан
РФ	- Российская Федерация
погр.	- погребение
сост.	- составитель
тыс.	- тысячелетие

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Улучшение своей внешности – естественная потребность человека, реализуется она в той или иной мере каждым индивидуумом. Это стремление особенно проявляется в женщинах, для которых щеголять и наряжаться, продолжительное время сидеть перед зеркалом и заниматься макияжем – любимое дело. Влечение выглядеть красивой и привлекательной у женщин развивается уже с детских лет.

У таджиков, как и многих других народов, забота о своей внешности как личная субъективная потребность, сложившись в традицию еще в глубокой древности, развивается в течение многих столетий. Наряду с тем, у мусульманок стимулом для самоукрашения служили не только естественные факторы, но и религиозные требования. Составители известного этнографического сочинения, посвященного дореволюционному образу жизни жительниц Ферганской долины, супруги В. и М. Наливкины отметили, что «шариат советует женщине заботиться о том, чтобы нравилась мужу», для чего рекомендует ей употреблять разные косметические средства. Для мусульманки забота о своем внешнем благообразии и привлекательности воспринималась как обязанность нравственная¹.

Не брезгают пользоваться косметикой и многие мужчины, причем и эта традиция имеет глубокие исторические корни. Источники свидетельствуют, что в древности мужчины пользовались косметическими красками наравне с женщинами.

Сбор материалов по зарождению и поэтапному развитию народных традиций и средств косметики и парфюмерии позволяет выявить вклад этого народа в эволюцию отрасли, достоверно указать на наличие внутренних или привнесенных корней этих традиций, а также дать более объективную

---

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы / В. П. Наливкин, М. Наливкина. – Казань, 1886. – С. 104.

оценку цивилизационному развитию общества, в рамках которой этот народ сложился и развивался.

Косметика наряду с украшениями, прической и другими соответствующими атрибутами, является составной частью костюмного комплекса - одного из главных составляющих материальной культуры каждого народа. Изучение материальной культуры в целом и каждой ее составляющей в отдельности было и остается актуальной задачей исторической науки. Необходимость выполнения новых исследований по истории и культуре таджикского народа становится еще более очевидной в условиях, когда Таджикистан уже три десятилетия развивается в как полноправное, суверенное государство. Новые знания по истории и культурным традициям народа позволяют наметить пути дальнейшего строительства им национального государства с опорой на сохранение и подчеркивание своей самобытности.

С другой стороны, изучение национальных парфюмерно-косметических традиций таджиков важно в связи с тем, что эти атрибуты народного костюма, обладают этнокультурной спецификой¹. Социально-политические изменения, происходившие в среднеазиатском обществе на разных исторических этапах, каждый раз обуславливали новую волну синтеза культур. В частности, приобретение Таджикистаном государственной независимости обусловило активное развитие связей его граждан с народами других государств. Как следствие, мы становимся свидетелями проникновения в материальную культуру таджиков отдельных элементов культуры других народов. В этих условиях представление обществу научно обоснованных знаний по культуре национального костюма в целом и парфюмерно-косметическим традициям в частности позволяет внести определенный вклад в дело защиты чистоты национальной культуры.

---

¹ Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: Дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – С. 20.

Степень изученности проблемы. Выполненный диссертантом историографический обзор по теме показал, что работы, затрагивающие вопросы истории зарождения, становления и развития косметических и парфюмерных традиций в районах исторического сложения и проживания таджикского народа, имеют разрозненный характер. Данная тема, связанная с важной составляющей материальной культуры народа, еще не становилась предметом специального историко-этнографического исследования.

Вместе с тем, различные вопросы, имеющие отношение к разрабатываемой теме, нашли отражение в опубликованных фундаментальных и коллективных трудах, научных статьях и монографиях. Существующую литературу автор настоящей работы группирует следующим образом:

В первую группу входят фундаментальные издания по истории этого таджикского народа, в которых дана обобщающая оценка национальной материальной культуры, в том числе в аспекте косметики и использования благовоний. Над составлением этих работ, с привлечением археологических, письменных, художественных и других видов источников, трудились В. В. Бартольд¹, Б. Г. Гафуров², Б. И. Искандаров³, Р. М. Масов⁴, Б. А. Литвинский⁵, Н. Н. Негматов⁶, А. Мухтаров¹, Ю. Якубов², И. В. Пьянков³ и другие выдающиеся историки.

¹ Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. – М., 1963-1977. – Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – 1963. – 755 с.; Т. 2 (1). Общие работы по истории Средней Азии. – 1963. – С. 5-650; Т. 2(2). Работы по общим проблемам Средней Азии. – 1964; Т. 3. Работы по исторической географии. – 1965; Т. 4. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. – 1966; Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. – 1971; Т. 8. Работы по источниковедению. – 1973.

² Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – Душанбе: Ирфон, 1989. – Кн. 1-2.

³ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Душанбе: Дониш, 2012; Он же. Средняя Азия и Индия (торговые, культурные и политические связи). Краткий очерк. – Душанбе: Дониш, 1993 и др.

⁴ Масов Р. М. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе, 2005; История таджикского народа: В 6 т. / Отв. ред. Р.М. Масов. – Душанбе, 1998-2013.

⁵ История таджикского народа / Под ред. Б. А. Литвинского и В. А. Ранова. – Душанбе, 1998.

⁶ Негматов Н. Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. – Гиссар, 1992; Он же. Таджикистан на пути к урбанизации // Культура первобытной эпохи Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1982; Он же. Государство Саманидов: таджики в IX-XIV вв. (тадж.). – Душанбе: Ирфон, 2010 и др.

Вторую группу составляют опубликованные труды ученых, изучавших наиболее ранние, имеющие отношение к энеолиту – эпохе древности, материальные следы использования в Центральной Азии косметики и парфюмерии. Это - монографии и научные статьи известных археологов В. И. Сарияниди⁴, И. Н. Хлопина⁵, Е. Е. Кузьминой⁶, А. А. Аскарова⁷, Б. Я. Ставиского⁸, И. Б. Шишкина⁹, Б. А. Литвинского¹⁰, Ю. Д. Баруздина, Г. А. Брыкиной¹¹, В. Д. Жукова¹² и др.

¹ Мухтаров А. Гиссар: Очерки истории конца XV – XX вв. (тадж.). – Душанбе: Адиб, 1995; Он же. История Ура-Тюбе (XV – XIX вв.). – М., 1998; Он же. Из истории культуры Мавераннахра. – Душанбе, 2001. – 154 с.; Он же. Пестрые страницы истории (тадж.). – Душанбе: Деваштич, 2007 и др.

² Якубов Ю. Таджики: Об этногенезе (тадж.). – Душанбе, 1994; Он же. Древняя история таджикского народа: Эпоха ариев (тадж.). – Алматы: Атамура, 2000; Он же. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе: Дониш, 2006; Он же. Государство Каянидов (тадж.). – Душанбе: ЭР-граф, 2012 и др.

³ Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). – Душанбе: Дониш, 1972; Он же. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. – М.: Вост. литература, 1997; Он же. История таджикского народа. – Т. 1: Древнейшая и древняя история. – Душанбе, 1998 (соавтор); Он же. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2013 и др.

⁴ Сарияниди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. – М., 1976. – Вып. 1. – С. 21-86; Он же. Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977; Он же. Древности страны Маргуш. – Ашгабад, 1990; Он же. Гонур-депе. Город царей и богов (туркм., рус., англ.). – Ашгабад, 1995; Он же. Некрополь Гонур и языческое владычество (рус., англ.). – М., 2001; Он же. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб (рус., англ.). – Ашгабад, 2002; Он же. Маргуш. Тайна и правда великой культуры (туркм., рус., англ.). – Ашгабад, 2008; Он же. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М., 2010; Он же. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. / В. И. Сарияниди, Н. А. Дубова // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 5. Исследования Гонур Деде в 2011-2013 гг. – М., 2014. – С. 92-111.

⁵ Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа – Л.: 1964; Он же. Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении. – Л.: Наука, 1969; Он же. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. – Л.: Наука, 1983.

⁶ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. – М., 1966.

⁷ Аскаров А. А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1970. – №. 122. Археологическое изучение Средней Азии. – С. 64-66; Он же. Сапаллитепа. – Ташкент: Фан, 1973; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1977; Он же. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана) / А. А. Аскаров, Б. Н. Абдуллаев - Ташкент: Фан, 1983.

⁸ Ставиский Б. Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 80. – М., 1960. – С. 101-102.

⁹ Шишкин И. Б. У стен великой Намазги. – М.: Наука, 1977.

¹⁰ Литвинский Б. А. Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. – Душанбе, 1962; Он же. Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972. – 258 с.; Он же. Украшения из могильников Западной Ферганы. – М., 1973; Он же. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М., 1978; Он же. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. – М.: Наука, 1985 и др.

¹¹ Баруздин Ю. Д. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия) / Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. – Фрунзе, 1962.

¹² Жуков В. Д. Обследование городища Старая Кува // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 80. – М., 1960. – С. 80-84.

Ряд опубликованных археологами работ специально посвящены исследованию среднеазиатских находок древних косметических и парфюмерных сосудов и инструментов в аспекте их формы, материала, декора, ареала распространения, классификации и некоторых других характеристик. В этом контексте укажем на две работы В. И. Сарияниди, в которых лейтмотивом выступает анализ художественных аспектов оформления бактрийских флаконов. Для сравнений и обобщений опытный исследователь проводит параллели с искусством Маргианы, Ближнего Востока, Индии¹. Объект исследования В. А. Алёкшина – археологические коллекции металлических косметических аппликаторов с навершием в виде лопаточки, найденные в различных памятниках Центральной Азии и Среднего Востока. Однако указанные предметы рассмотрены им не в аспекте их прямого назначения, а прежде всего, как надежный источник для датировки строительных горизонтов Алтын-тепе – крупнейшего поселения эпохи энеолита и бронзового века на юго-востоке Туркменистана².

В третью группу тематической литературы мы включаем публикации, специально посвященные изучению косметических артефактов. Речь идет о отдельных статьях Б. А. Литвинского, А. Бенуа, Н. Н. Ершова, Н. Г. Горбуновой, М. С. Первашовой. Так, материалы по находкам косметических наборов составляют содержание целой главы в четвертом томе монографического издания Б. А. Литвинского по археологическому изучению могильников Западной Ферганы³. Этногенезу косметики у азиатских народов посвятила публикацию главный реставратор отдела древностей Востока музея Лувр Аньез Бенуа. В ее работе выполнен обзор косметических сосудов («контейнеров») эпохи бронзы и выдвинуты версии

---

¹ Сарияниди В. И. Косметические флаконы из Бактрии // Советская археология. – М., 1979. – № 1. – С. 255-260; Он же. Два уникальных флакона из Бактрии // Вестник древней истории. – М.: Наука, 1992. - № 3/202. – С. 81-89.

² Алёкшин В. А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Древние культуры Евразии. – СПб., 2010. - С. 34-43.

³ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. - М., 1978. – С. 127-140.

по составу и назначению сохранившихся внутри них веществ. Это - тщательно проработанная статья, однако ее материал не затрагивает территорию исторического сложения и развития таджикского народа, а связан с Ближним Востоком и северо-восточной частью Африки¹.

Изучению археологических находок образцов косметического инструмента из камня – сурмасанга в аспекте их использования в традиции таджикского народа посвятил одно из своих исследований известный знаток материальной культуры таджиков Н. Н. Ершов. Привлеченные им источники характеризуются широкой хронологией, границы которой охватывают период от эпохи энеолита до начала XX столетия².

Исследователь Н. Г. Горбунова, анализируя географию находок античных сурмасангов, выдвинула гипотезу о том, что место появления косметического прибора, состоящего из графита и каменной палочки, связано с Ферганой³. Классификации и описанию косметических и других предметов туалета, распространенных в пределах раннесредневекового Тохаристана, посвятила специальную статью молодой историк М. С. Первашова. В ней также рассмотрены вопросы, связанные с генезисом и семантикой указанных предметов быта, старинные образцы которых обнаружены археологами в пределах Узбекистана, Южного Таджикистана и Северного Афганистана⁴.

К четвертой группе можно отнести литературу, в которой парфюмерно-косметические традиции таджикского народа рассматриваются исследователями в контексте изучения его костюмного комплекса в целом. Это работы С. А. Яценко, Г. М. Майтдиновой и других ученых в области

¹ Бенуа А. Некоторые мысли о косметике на Ближнем Востоке в III тысячелетии до н. э.: контейнеры и содержимое (англ.) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. - Т. 3. – СПб.: Алетейя, 2010. - С. 312-321.

² Ершов Н. Н. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков // Доклады АН ТаджССР. – Вып. 3. – Душанбе, 1952.

³ Горбунова Н. Г. Древний Ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма. Сборник статей. – М.: Наука, 1981. - С. 178-184.

⁴ Первашова М.С. Классификация и характеристика предметов туалета раннесредневекового Тохаристана // 10 корпус. – № 2. – Елец, 2016. – С. 72-75.

истории материальной культуры. С. А. Яценко в рамках докторской диссертации выполнено фундаментальное исследование, посвященное изучению костюмов ираноязычных народов древности. В ней автор подробно останавливается на обзоре каждого элемента костюмного комплекса, вкратце освещая данный вопрос в отношении разных этнических групп¹.

Ценные материалы по применению косметики в быту таджиков зафиксированы во втором томе фундаментальной монографии Г. Майтдиновой по истории национального костюма. Приведенные в ней сведения имеют этнографический характер и относятся к середине XX века. Автор специально указывает на сохранение архаических традиций в использовании местной (среднеазиатской) косметики, однако, к сожалению, не освещает вопрос о генезисе и этапах развития этих традиций².

В целом, нужно констатировать, что древний период развития косметики и парфюмерии в работах таджикских исследователей материальной культуры практически не находит отражения.

Косметические и парфюмерные традиции жителей Средней Азии не могли остаться вне поля зрения русских исследователей, активно изучавших в конце XIX – начала XX века этнографию региона. Сведения, приведенные в их публикациях, используются нами как источниковый материал, поэтому целевой обзор этих трудов выполнен в разделе о привлеченных источниках.

Пятая группа включает монографии О. А. Сухаревой, З. А. Широковой, А. Х. Хамиджановой и других ученых, составленные на основе изучения этнографии таджиков, населяющих конкретные районы. Так, одна из наиболее известных исследователей таджикского костюма, этнограф О. А. Сухарева в своей монографии «История среднеазиатского костюма

---

¹ Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – Дисс. ... д-ра. ист. наук. – М., 2002; Он же. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М.: Восточная литература, 2006.

² Майтдинова Г.М. История таджикского костюма: В 2 т. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. - С. 138; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. – С. 231-235.

(Самарканд, 2-я половина XIX - начало XX веков)», в разделе об украшениях, фиксирует внимание на женские обычаи украшения бровей. Она анализирует связь кокошника с естественной формой женских бровей, исследует причину и истоки традиции подведения бровей растительной краской¹.

Бесспорную ценность представляют материалы, собранные З. А. Широковой при написании раздела «Одежда» для первой части трехтомника «Таджики Каратегина и Дарваза». Вопросы, имеющие отношение к разрабатываемой проблеме, освещены ею в подразделах «Косметика» и «Гигиена» указанной книги². Сведения по косметике таджиков содержатся также в других монографиях этого автора³.

Сведения по использованию косметики жителями Горной Матчи, переселенных в долину Дальверзина, приведены в монографии А. Х. Хамиджановой⁴. Такие сведения можно обнаружить и в некоторых других трудах по этнографии таджиков.

Данная тема не нашла отражения в тексте «Альбома одежды таджиков», составленного З. А. Широковой в соавторстве с Н. Н. Ершовым. Вместе с тем, составители прекрасных цветных иллюстраций к этой работе Ю. П. Гремячинская и Х. А. Жаба, по мере возможности постарались передать основные нюансы использования таджичками декоративных косметических красок, особенно в свадебном костюме⁵.

Шестая группа включает статьи, затрагивающие отдельные аспекты настоящей темы. В частности, А. Мардоновой опубликована статья, посвященная традициям косметического использования хины в быту

---

¹ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). - М.: Наука, 1982. - С. 118-119.

² Широкова З.А. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 188-189.

³ Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - Душанбе: Дониш, 1976. - С. 123-127; Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. - Душанбе: Дониш, 1993. - 199 с.

⁴ Хамиджанова А.Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. - Душанбе: Дониш, 1974. - 180 с. - С. 146-147, 160.

⁵ Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. - Душанбе, 1969.

населения отдельных районов Горного Таджикистана (Гиссар, Рашта) и у таджикоязычной группы эрони, живущей в Бухарской области¹.

Вопросы косметики затронуты в одном из разделов монографии М. У. Бобомуродовой, посвященной этнолингвистическому анализу терминов по женским украшениям таджиков. В нем приведены многочисленные отраслевые термины и описаны обряды, основанные на использовании основных косметических средств. В то же время, текст данной работы имеет более филологическую ценность, нежели историческую².

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках реализации перспективного плана научно-исследовательской работы Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН РТ на 2016-2020 гг. на тему «История взаимоотношений оседлого и кочевого населения Средней Азии в средневековье и новое время (политика, экономика, культура)».

Актуальность настоящей темы обосновывается также соответствием поставленных задач исследования «Перечню приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Республике Таджикистан на 2015-2020 гг.» (Постановление Правительства РТ от 4 декабря 2014 г., № 765). В частности, среди приоритетных направлений исторического исследования (п. 4.1) указано на «всестороннее изучение истории древнего периода региона с учетом предпосылок и процессов становления этногенеза таджиков». Кроме того, в части исследований культурологического характера (п. 4.7)

---

¹ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области // Этнография Таджикистана. Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1985. - С. 106-115.

² Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям (тадж.). – Душанбе, 2014.

рекомендуется проведение «исследования материальной и духовной культуры нации».

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение истории и традиций применения косметики и благовоний в быту таджиков и их предков.

В число задач исследования входят:

- выявление хронологии и характера генезиса косметических и парфюмерных традиций в пределах Исторического Таджикистана (Центральной Азии) на основе изучения и систематизации тематического материала, накопленного археологической наукой;

- классификация и описание парфюмерных и косметических инструментов и сосудов, находивших применение в районе исторического расселения таджикского народа на разных этапах истории этого народа;

- отслеживание исторической эволюции парфюмерно-косметических материалов и приемов в регионе в границах хронологической рамки исследования;

- выявление локальных и общих черт в пользовании косметическими и ароматизирующими материалами в разных районах проживания таджиков.

- накопление и систематизация сведений об отражении косметических и парфюмерных традиций в мировоззрении таджикского народа;

- выяснение отношения к использованию косметических и ароматизирующих материалов в разных религиях, исторически господствовавших в обществе таджиков и их предков, как фактора, повлиявшего на развитие соответствующих традиций;

- составление словаря отраслевых терминов;

- составление иллюстративного альбома по истории и традициям использования таджиками косметики и парфюмерии.

Источниковедческая база работы. Разработка данной проблемы предусматривала сбор и анализ материалов в весьма широких рамках хронологических границ исследования, с учетом чего привлечены источники разного вида. Их можно разделить на следующие категории:

1) археологические материалы, которым уделено первостепенное внимание при рассмотрении вопроса, связанного с генезисом косметических традиций. Находки косметической тары и примитивных инструментов для нанесения косметического средства, а также материалов такого назначения в виде порошков или твердых тел позволили проследить хронологию и географию их распространения.

2) памятники изобразительного искусства. Автором по теме были изучены монументальные рельефы¹, скульптура, изображения на предметах торевтики и расписных оссуариях и др. Важным источником, позволяющим наглядно выявить факты и характер применения косметики, оказались костюмы персонажей, представленных в росписях древних и раннесредневековых архитектурных памятников Согда, Тохаристана, Хорезма выявлены на основе произведений книжной миниатюры. Ценности данным иллюстрациям добавляет тот факт, что они позволили выявить элементы регионального своеобразия в использовании косметики представителями разных слоев общества. Специфика разрабатываемой темы обусловило, кроме того, использование старинных фотографий, а также портретов жителей региона, графических и живописных сцен с людьми, выполненных работавшими в Средней Азии, художниками².

---

¹ Например, на отдельных рельефах из Персеполя легко различается окраска бород древнеперсидских царей.

² Туркестанский альбом. Часть этнографическая. 1871-1872 гг. – Ташкент: Изд. Туркестанского генерал-губернатора, 1872; Прищепова В. А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 1. – СПб., 2007. – С. 223-260; Она же. Традиционная культура народов Центральной Азии по фотоколлекциям Музея народоведения в собраниях МАЭ (1920-1930-е гг.) // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 2. – СПб., 2009. – С. 323-374; Она же. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. - СПб.: Наука, 2011; Длужневская Г. В. Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане // Туркестан в старых фотографиях и керамике. – М.: Государственный музей Востока, 2007. - С. 9-26 и др.

3) старинные письменные источники научного содержания, содержащие ценные материалы по теме. Пролить свет на истоки появления древнейших парфюмерно-косметических традиций позволяют сведения, зафиксированные в трудах М. Табари, А. Фирдавси, О. Хайяма и др. Несмотря на их мифологическое содержание, в археологических материалах эти сведения, все же подтверждаются¹.

Географические сочинения средневековья позволяют собрать сведения об используемых в далеком прошлом косметических материалах и благовониях, районах их распространения и способах применения². Весьма ценные сведения о косметических и ароматических качествах различных растений, веществ и минералов приведены в сочинениях по медицине знаменитого средневекового таджикского ученого, врача и философа Абуали ибн Сино³.

4) древняя религиозная литература. В частности, отдельные сведения по культуре косметики и применению ароматизирующих материалов в древности и раннем средневековье встречаются в письменных источниках, освещающих основы зороастрийского вероучения. С этой позиции в настоящей работе использованы материалы таких произведений, как «Авеста»⁴, «Бундахишн»⁵, «Книга о праведном Виразе»⁶.

5) поэзия и проза классиков таджикской литературы Рудаки, Саади, Хафиз, Низами, Сайидо и др. Их ценность заключается, прежде всего, в том, что они позволяют выяснить хронологические рамки использования в

¹ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. – Тегеран, 2001; Фирдавси А. Шахнаме: В 9 т. (тадж.) – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 2007; Омар Хайям. Навруз-наме (тадж., рус., англ.). – Душанбе: Адиб, 2012.

² Худуд ул-Олам («Пределы мира») – Душанбе: Адиб, 2008 (тадж.); Аджайб ад-дунья («Чудеса мира») // Серия «Памятники письменности Востока». – М.: Наука, 1993 и др.

³ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные главы. – Ташкент: Фан, 1993.

⁴ Авеста // Литература Древнего Востока. Иран, Индия (тексты). – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 4-40.

⁵ Древние памятники письменности (тадж.). – Т. 1. – Душанбе: Бухоро, 2014.

⁶ Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе («Арда Вираз намаг») и другие тексты. – М.: Восточная литература, 2001.

границах целого тысячелетия различных отраслевых терминов и время возникновения отдельных специальных обрядов¹.

б) мемуары и дневники путешественников в Среднюю Азию. Для выявления парфюмерно-косметических пристрастий местной аристократии эпохи развитого средневековья заслуживают внимания сведения из дневника де Клавихо о характере прически жен Тимура, окраске их лица и волос². Мимолетные заметки по теме обнаруживаются в мемуарах и очерках русских и европейских авторов, посетивших Среднюю Азию в конце XIX – начале XX веков. Это – труды А. Д. Гребенкина³, А. А. Семенова⁴, А. А. Бобринского⁵ и др.

7) публикации, освещающие более подробно вопрос о косметических и парфюмерных традициях жителей региона. В их числе статья аптекаря И. И. Краузе «О косметических средствах туземцев Туркестанского края». В ней указаны основные косметические материалы, применяемые женщинами в Средней Азии (усма, сурма, упо, эйлик, таш-калы), и способы их употребления⁶. Ценные материалы по теме зафиксированы в «Очерке быта женщины туземного оседлого населения Ферганы», авторы которого В. и М. Наливкины несколько лет изучали откровенные и скрытые стороны быта жителей этого региона⁷.

¹ Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.): В 2 т. (тадж.) – М.: Сов. энциклопедия, 1969.

² Клавихо. Дневник путешествия ко дворцу Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. – СПб., 1881.

³ Гребенкин А. Д. Таджики // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. - М., 1872. – Вып. 2. – С. 1-50.

⁴ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903.

⁵ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908.

⁶ Краузе И. И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 2. – С-Пб., 1873. – С. 447-449.

⁷ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. - Казань: Тип-я Императ. Унив-та, 1886.

Позже сведения, собранные И. И. Краузе и супругами Наливкиными, были любезно заимствованы доктором Н. П. Шишовым в его очерках по этнографии сартов и таджиков¹.

8) средневековые таджикско-персидские словари, являющиеся замечательным источником, позволяющим отследить генезис парфюмерно-косметических традиций². Материалы указанных словарей, наряду с этнографическими данными, оказали существенную помощь и при составлении автором словаря отраслевых терминов, который приводится в приложении к диссертации.

Нужно особо подчеркнуть значение письменных источников для изучения истории народной парфюмерии. Очевидно, для разработки этого вопроса художественные источники практически бесполезны. В данной области исследования мало пользы приносит и археологическая наука, так как находки материальных следов использования благовоний ограничиваются лишь сосудами для их хранения и применения, чего для формулирования заключений, естественно, недостаточно.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- в аспекте изучения истории материальной культуры таджиков выполнено глубокое и целенаправленное исследование истории парфюмерно-косметического искусства таджикского народа;

- изучены хронология и характер генезиса парфюмерно-косметических традиций в пределах Исторического Таджикистана (Центральной Азии) на основе сбора и систематизации тематических материалов археологической науки;

---

¹ Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. - Ч. I (Этнография) // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. - Ташкент, 1904. - Т. 11. - С. 143-146; Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. - Алматы, 2006.

² Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (тадж.). - Душанбе: Адиб, 1993, 2004. - Т. 1-2.; Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (тадж.). - Душанбе: Адиб, 1987-1989. - Т. 1-3; Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления («Чароги хидоят»). - Душанбе: Ирфон, 1992 (тадж.) и др.

- выполнена классификация и даны описания парфюмерно-косметических инструментов и сосудов, находивших применение в быту таджиков и их предков на разных исторических этапах;
- отслежена историческая эволюция парфюмерно-косметических материалов и приемов в регионе в границах хронологической рамки исследования;
- выявление локальные и общие черты в пользовании косметическими и ароматизирующими материалами в разных районах проживания таджиков.
- накоплены и систематизированы сведения об отражении парфюмерно-косметических традиций в мировоззрении таджикского народа;
- определено отношение в разных религиях, исторически господствовавших в обществе таджиков и их предков, к использованию косметических материалов и благовоний для умащения тела;
- составлен, соответствующий зороастрийской культуре, идеал женской красоты;
- составлен словарь отраслевых терминов;
- составлен иллюстративный альбом по истории и традициям использования таджиками косметики и парфюмерии.

Методологическая основа исследования. В качестве важнейшего методологического посыла выбрана необходимость изучения истории и традиций в области материальной культуры народа в контексте многогранных сношений с социально-историческими обстоятельствами и культурной сферой. Диссертантом использованы методы сравнительно-исторического и структурно-видового рассмотрения, а также логико-исторической реконструкции.

В процессе работы над диссертацией опорой для автора послужили важнейшие положения и достижения современной исторической, археологической, этнографической и искусствоведческой науки. Вместе с

тем, основу исследования составили личные разработки автора работы, которые реализованы в строгом соответствии с принципами историзма и комплексного подхода к решению установленных задач исследования.

Хронологические рамки диссертационной работы. Начальной временной границей исследования принято IV тысячелетие до н.э., когда, по данным археологической науки, в Центральной Азии начали зарождаться и распространяться традиции использования парфюмерно-косметических средств. Верхний предел хронологических рамок настоящей работы ограничивается первой половиной XX века, когда начался процесс интенсивной замены парфюмерно-косметической продукции кустарного происхождения на материалы фабричного производства. Как следствие, после этого традиционные благовония и косметика заметно утратили присущее им прежде магическое значение в материальной культуре народа, его жизненном укладе и семейно-бытовой обрядности.

Географические границы исследования. Границы исследования охватывают всю Центральную Азию, которая включает пределы современных среднеазиатских государств Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркмении, а также Южный Казахстан, Восточный Иран, Афганистан, Пакистан, Северную Индию, Северо-западный Китай. Такой территориальный выбор обосновывается тем, что на просторах указанных регионов происходило становление и развитие таджикского народа и, соответственно, его материальной и духовной культуры.

Предмет и объект исследования. Предметом исследования являются вопросы, связанные с историей и традициями использования парфюмерно-косметических материалов в быту таджиков и их предков.

Объект исследования составляют традиционные ароматизирующие и косметические материалы, сосуды для их хранения и транспортировки, а также инструменты для использования. Такие предметы туалета, в широком

смысле этого слова, как зеркала, гребни, ножницы, пинцеты, ухвертки, в работе не рассматриваются.

Основные положения, выносимые на защиту:

- в Центральной Азии истоки зарождения традиций, связанных с использованием косметики и ароматизирующих материалов проявляются уже в древнейший период (в неолите), что зафиксировано в материалах археологической науки;

- основные материалы традиционной косметики и природные благовония, их положительные и отрицательные потребительские свойства, были освоены в регионе уже в эпоху раннего средневековья;

- заключение археологической науки о зарождении парфюмерно-косметических традиций в неолитический период находит свое отражение и в народной мифологии, зафиксированной в материалах древней религиозной литературы, эпических поэмах иранских народов, исторической литературе и средневековых ученых трактатах.

- положения зороастризма не способствовали развитию косметических традиций и, в то же время, обряды этой религии предполагали широкое использование благовоний. Соответствующие каноны религия ислама послужили существенным фактором для развития косметики и парфюмерии;

- развитию в национальной культуре и быте традиций, связанных с использованием косметических и парфюмерных материалов широкого ассортимента, способствовали торгово-экономические связи районов исторического компактного проживания таджиков с соседними и отдаленными регионами;

- устойчивость народных традиций косметики и парфюмерии особенно ярко проявилась в конце XIX – первой половине XX веков, когда интенсивное внедрение в культуру и быт жителей Средней Азии европейских

инноваций слабо отразились в этой области материальной культуры таджиков;

- сохранившаяся до наших дней, преемственность многовековых традиций в области использования народных средств косметики и природных благовоний является проявлением сформировавшегося феномена национальной косметики и парфюмерии.

Личный вклад соискателя состоит:

- в систематизации материалов археологии для выяснения вопросов, связанных с генезисом косметики и парфюмерии в пределах географических границ исследования;

- в тематическом изучении материалов народной мифологии и оценке их соответствия с заключениями археологической науки;

- в анализе материалов памятников письменности, художественных источников, а также этнографических сведений для разработки вопроса о формировании и развитии традиций в области народной косметики и парфюмерии;

- в апробации результатов проведенного исследования на различных конференциях и подготовке основных публикаций по отдельным вопросам выполненной работы.

Научное и практическое значение работы. Содержание и основные положения работы, ее материалы могут быть использованы при изучении истории материальной культуры таджикского народа и других народов Центральной Азии; при подготовке обобщающих трудов по истории, истории материальной и художественной культуры и искусства; при разработке учебных пособий и методических указаний для вузов соответствующего профиля; при составлении отраслевых словарей.

Материалы исследования могут стать значимым подспорьем в научно-исследовательской практике историков, этнографов, культурологов.

Практическая значимость работы состоит также в возможности использования полученных результатов исследования для создания этнографических комплексов и музейных экспозиций по традиционной косметике и парфюмерным материалам.

Апробация и внедрение. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно–практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан. Отдельные части исследования были апробированы в учебном процессе и научных работах кафедры дизайна костюма и искусства моды Технологического университета Таджикистана.

Диссертация обсуждена на заседании отдела Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН РТ (протокол № ____ от “ ____ ” _____ 2020 г.).

Апробация диссертации. Основные положения диссертации отражены в 13 публикациях автора в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах международных и республиканских научно-практических конференций, из них 4 - в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура, содержание и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав по три параграфа в каждой, заключения, библиографического списка, терминологического словаря по косметике и парфюмерному делу таджиков (приложение 1) и альбома иллюстраций по теме (приложение 2). Текст работы со словарем и иллюстрациями составлен на 207 страницах. Библиографический список содержит 212 наименований работ, в том числе 83 письменных источника и 129 исследований, а также список опубликованных работ автора.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС И НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОСМЕТИКИ И ПАРФЮМЕРИИ ТАДЖИКОВ (IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э. - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

1.1. Генезис косметических и парфюмерных традиций в Центральной Азии (IV тысячелетие до н.э. – бронзовый век)

Термин «косметика» (от греч. «космет» - украшать) выражает знания о средствах и методах улучшения внешности человека, а также сами эти средства и способы. Косметика подразумевает уход за кожей, волосами и ногтями, а также полостью рта, с целью придания свежести и красоты лицу и телу.

Отражение следов использования косметики в археологических материалах. При всем том, научную ценность представляют, прежде всего, древнейшие материальные следы существования этих областей искусства. Мы выше писали про археологические образцы каменных, бронзовых и костяных сурмасангов бронзового века из Египта, Греции, Рима, Индии, Месопотамии. Встречаются они и среди артефактов Парфии, частью которой был восток Средней Азии. Следовательно, в Средней Азии первые образцы косметического набора, состоящего из каменного стерженька и куска графита, стали применяться еще в эпоху бронзы¹.

Изобразительные источники свидетельствуют, что в Центральной Азии начали пользоваться косметикой уже в каменном веке. Небезынтересен вопрос об окружностях и ёлочных фигурах, нанесенных на отдельные части женских тел, которые представлены на терракотах из Геоксюра. Нужно принять во внимание, что на найденной здесь единственной мужской статуэтке таких изображений нет. Богата расписанными знаками статуэтка из

---

¹ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – С. 132-133.

обожженной глины, найденная в Ялангач-тепе на Геоксюре 3 (рисунок 1.1.1, слева и внизу). Она датируется IV тысячелетием до н.э. и олицетворяет, вероятно, богиню плодородия (рисунок, слева). На ней левая половина тела на участке от бедра вниз покрыта тремя крупными окружностями - двойными и одной одинарной, меньшего диаметра, с точкой в центре каждой. В этих местах на правой половине тела мы видны только одинарные окружности, всего девять, опять же с точками в их центрах, а также «ёлочку». На тыльной стороне этой фигурки, на участке чуть ниже пояса, показаны еще две одинарные окружности с точкой посередине, симметричные относительно тела¹.

На другой женской терракоте из Намазги (рисунок 1.1.1, справа) нарисованными окружностями покрыта часть тела выше пояса до шеи, причем как спереди, так и сзади².

Пока нет единого мнения относительно этих знаков: их считают магическими символами, солярными знаками и даже первобытным календарем. Неизвестно, такие символы наносились только на статуэтках или же таким образом в эпоху позднего энеолита расписывали свои тела женщины в реальности. Во втором случае можно вести речь о нанесении красок на участки женского тела, которые, однако, должны быть скрыты от постороннего глаза. Другими словами, говорить здесь о стремлении улучшить внешность посредством красок вряд ли приходится.

На нескольких составных статуэтках из Бактрии, в том числе на знаменитой каменной фигурке “Женщина в каунакесе” (начало II тыс. до н.э.) можно видеть брови, соединенные вместе (рисунок 1.1.2). Не исключено, что такая связка достигалась за счет сведения краской. Справедливости ради, следует признать, что изображение бровей такой формы не может служить

---

¹ Хлопин И.Н. Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении. – С. 42, табл. XIV-XV.

² Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. – С. 146-147.

бесспорным признаком использования подкраски. Сходящиеся вместе брови вполне могут быть и естественными.

Следы украшения декоративными красками можно обнаружить и на лицах некоторых древних покойников. Типичный случай - окраска лиц умерших людей IX-VIII вв. до н.э. - мужчины и женщины, похороненных в могильнике Загунлук на Юго-Востоке Синьцзяна (рисунок 1.1.3). Данный конкретный пример показывает, что в Центральной Азии в конце бронзового века косметикой пользовались в равной мере и женщины и мужчины. Причем узоры наносились на лицо скорее не для устрашения, а с целью его украшения. Хотя не исключено, что изображенные знаки несут магическую функцию.

А теперь обратимся к вещественным находкам предметов парфюмерно-косметического назначения. Ими служат сосуды-контейнеры, их содержимое, а также инструменты для пользования косметическими материалами. Современная археологическая наука располагает богатым материалом по находкам на просторах Центральной Азии косметических принадлежностей эпохи энеолита - бронзового века. Обнаружены они во множестве и в разных среднеазиатских областях – Хорезме, Маргиане, Бактрии. В их число входят медные, бронзовые и стеатитовые флаконы для хранения и транспортировки косметических материалов, металлические или керамические булавки-аппликаторы (инструменты для доставания из флакона содержимого вещества). Естественно, некоторые из таких сосудов служили для хранения парфюмерии, однако нередки случаи, когда внутри флаконов для туалета обнаруживаются остатки красящего вещества.

Обзор древнейших вещественных следов существования косметики в регионе выполним по регионам.

Косметические сосуды, инструменты и материалы из Маргианы.
Многочисленная коллекция так называемых “косметических палочек” -

инструментов для нанесения краски на лицо, а возможно и на тело, найдено в женских погребениях и в заполнениях строительных горизонтов эпохи энеолита и бронзового века в пределах Туркменистана (рисунок 1.1.4). Они представляют собой металлические стержни длиной 13,5-19,5 см с каплевидным утолщением на одном конце и навершием в виде лопаточки на другом. Иногда стержень этого инструмента витой, штопорообразный. По форме косметическая палочка напоминает кинжал или булаву, но в отличие от этих предметов не имеет острия. Косметический инструмент такого вида имеет широкий арсенал распространения. На это указывают, в частности, бактрийские находки аппликаторов. В то же время, как показало исследование В.А. Алекшина, большая часть косметических стержней с навершием в виде лопаточки и каплевидным утолщением на конце найдена на древнеземледельческих памятниках Южно Туркменистана и датируется концом IV – рубежом III и II тыс. до н.э.¹

Особого внимания заслуживают находки из царского некрополя Гонура. По ним можно выяснить, какими предметами туалета пользовалась высшая аристократия Маргианы бронзового века. Так, большое художественное значение имеет найденная здесь косметическая лопаточка из слоновой кости. На ее поверхности тонко выгравирована сцена пожирания грифоном козленка или антилопу (рисунок 1.1.5). Основываясь на обнаружении этого и ряда других предметов из слоновой кости (гребня для волос, декоративных накладок и др.), В. И. Сарияниди указал на существование в конце III тысячелетия до н.э. тесных связей между Маргианой и Индией. В более широком смысле можно также говорить о наличии близких культурных традиций, свойственных цивилизациям Хараппы и Маргуша².

---

¹ Алёкшин В.А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки. – С. 34-43.

² Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. – С. 90-92, рисунок 34.

Очевидно, кругу знати в обществе Маргуш принадлежала и серебряная косметическая лопаточка, ручка которой имеет извилистую форму¹. Мастер придал инструменту вид змеи, голову которой изображает каплевидное утолщение на конце. Другой конец лопаточки уплощенный, овальной формы (рисунок 1.1.6).

В женских могилах Гонуртепа археологи выискали несколько косметических флакончиков, некоторые из них сохранились с крышками. В частности, бронзовый косметический флакон (рисунок 1.1.7) найден при раскопках Северного Гонуре, в погребении 4070 с похороненной женщиной 30-40 лет².

Среди таких находок присутствуют бронзовые образцы с аппликаторами (рисунок 1.1.8, слева). Поверхность тулова, иногда и горловины ряда из них украшены в технике рельефа (рисунок, справа). На одном из таких флаконов, граненном, с трех сторон изображены головы горных козлов, подвергшихся атаке драконов с широко разинутыми пастьми³.

Укажем также на тщательную полировку поверхности бронзовых флаконов, по которой затем выполняли гравированный декор (рисунок 1.1.9, справа).

Если в рельефных декорах бронзовых косметических сосудов зачастую использованы сцены зооморфного (иногда териоморфного) характера, то при декоративной гравировке их поверхности использован, как правило, растительный орнамент. Некоторые примеры орнаментальных узоров, украшавших бронзовые флакончики Маргианы, представлены на рисунке⁴

---

¹ Там же. – С. 184, рисунок 93.

² Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Работы Маргиансой археологической экспедиции в 2011-2013 гг. – С. 95.

³ Сарияниди В. Гонур-депе. - С. 193-195, 198, рисунок 63-64.

⁴ Сарияниди В.И. Некрополь Гонур и языческое владычество. – С. 56-57, 60-62, 72-73, рис. 26.

В Гонуре того времени были распространены косметические сосуды не только металлические. В этом аспекте упомянем о миниатюрном фаянсовом флакончике, имеющем узенькое горлышко, который найден в погребении 3130¹.

Несколько миниатюрных косметических сосудов Гонура сделаны из стеатита (рисунок 1.1.11-1.1.14). Их поверхность украшали нарезанием системы окружностей с вписанными центральными точками, сочетанием поперечных прямых и волнистых линий, иногда промежутков между прямыми линиями заполняли косыми насечками. На флакончике, окрашенном в черный цвет, прямоугольные боковые грани оформлены вырезанием крупных маков – тюльпанов (рисунок 1.1.12, справа).

Тюльпан в композиции с «изображениями гор» украшает также боковые поверхности косметического стеатитового флакона из Гонура, который имеет форму «модели здания» (рисунок 1.1.12, слева)².

Косметические краски хранили не только в флаконах. Для этой цели также употреблялись шкатулки, а также сосуды, по форме напоминающие ванночки. Такие предметы также выполнены высокого качества, имеют плоскую или рифленную поверхности. Ряд из них высечен из камня. В частности, стеатитовая шкатулка квадратной формы (рисунок 1.1.13) извлечена археологами из могилы 3245 Гонура с погребенной женщиной. Здесь помимо других предметов найдены также рифленные алебастровые сосуды, а также упоянутая выше лопаточка из слоновой кости в виде крылатого грифона, держащего в разинутой пасти антилопу. По мнению В. И. Сариниди, все эти предметы имели косметическое назначение³.

---

¹ Дубова Н.А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-депе. - С. 88.

² Фрибус А.В., Грушин С.П. Керамический сосуд с изображением «фасада храма» с юго-западной территории (раскоп 12) Гонур-депе. – С. 327-334.

³ Сариниди В. Гонур-депе. - С. 242-244, рисунок 102-104; Сариниди В. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. – С. 90-92, 276, рисунок 34.

Женщины из аристократических семей Маргианы пользовались богатым набором косметики, что подтверждается содержимым отдельных косметических шкатулок (рисунок 1.1.13).

Возможно, отдельные найденные “ванночки” использовались без крышки, в них высыпали декоративную краску непосредственно перед нанесением косметики (рисунок 1.1.14)

Немало предметов туалета эпохи энеолита и бронзы обнаружено и в Сумбарских могилах (на западе Туркменистана). В числе находок из этого могильника - косметические палочки и флаконы – один бронзовый и три глиняные. Внутри флаконов найдена белая зола – остаток от находившихся в них веществ. По всей видимости, бронзовые палочки оснащались деревянной ручкой. В два глиняных флакона были воткнуты стерженки. Все эти косметические принадлежности извлечены из женских и детских могил, а также из совместного захоронения женщины с ребенком¹, что указывает на появление традиции пользования косметикой преимущественно в женской среде.

Из числа других находок косметических флаконов из окраин Маргианы и смежных областей можно указать на одиночные экземпляры из Олтин-тепа (с вставленным бронзовым стержнем)² и Гиссара. Флакон с воткнутым в него аппликатором найден в Шах-тепа³.

В. И. Сарияниди, изучавший археологические образцы косметических флаконов, найденных в том числе с аппликаторами, в разных районах Азии, выдвинул версию о том, что Южный Туркменистан может являться одним из регионов происхождения таких миниатюрных сосудов. Здесь они получили распространение уже на рубеже IV-III тыс. до н.э. Для сравнения, такие

---

¹ Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. – С. 28, 54-55, рис. 6.

² Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. – С. 45, табл. XVI.

³ Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. – С. 53.

предметы, найденные в Иранском Хорасане, Северном Афганистане и долине Индии, датируются более поздним периодом (не ранее II тыс. до н.э.)¹.

Говоря о находках древнейших предметов, которых можно было бы идентифицировать в качестве сосудов для работы с красками, особенно косметическими, необходимо отметить, что нередко их назначение становится вопросом для споров. Так, применительно к терракотовым поделкам Джейтунской культуры известный археолог В. М. Массон пишет, что исследователи «в них видят и миниатюрные ступочки для румян, и какие-то «затычки для носа», и печати-пинтадеры», и даже игральные фишки и т.д.² Данная проблема, естественно, ограничивает возможности сбора анализа артефактов

Естественно, нас интересуют и материалы, которыми в косметических целях пользовались люди в бронзовом веке. Вещество, сохранившееся внутри одного из миниатюрных флакончиков Гонура с воткнутым в него аппликатором, было проанализировано в лаборатории Университета Беркли (США). Исследование показало, что это остатки порошка, напоминающего пудру. Содержимое другого флакона было изучено специалистами Московского госуниверситета, которые идентифицировали вещество как остаток полыни, масло которой имеет парфюмерное и косметическое значение³. Остатки косметических веществ в виде белой золы сохранились и внутри флаконов из Сумбарского могильника⁴.

Находки косметических принадлежностей из Бактрии. Образцы косметических стержней с навершием в виде лопаточки и каплевидным утолщением на конце из Бактрии найдены в Юго-восточном Иране

---

¹ Сарияниди В.И. Косметические флаконы из Бактрии. – С. 260.

² Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. - С. 34.

³ Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. - С. 105-109.

⁴ Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. – С. 28, 54-55, рис. 6.

(поселения Тепа Яхья, Шах-тепе), Южном Таджикистане (могильники Ранний Тулхар, Фархор¹), Северном Афганистане (поселения Шортугай и Дашлы 3) и на юге Афганистана (Мундигак)². Немало миниатюрных косметических лопаточек из бронзы, датируемых А. А. Аскарковым первой половиной II тыс. до н.э., археологами выискано в могильнике Заманбаба (Узбекистан, в низовьях Зеравшана). Заметим, что ряд археологов указывают на более раннее существование указанной культуры - конец III – начало II тыс. до н.э.³

Констатируя факт большой научной ценности косметических сосудов из Маргианы, вместе с тем нужно отметить, что медно-бронзовые, литые косметические флаконы древнейшего периода наиболее полно представлены в коллекции из Бактрии. К сожалению, многие из них были найдены в процессе хищнических раскопок и оказались не в музеях, а в антикварных лавках (рисунок 1.1.15).

Общее описание и классификация миниатюрных сосудов косметического назначения, исходя из формы и декора, выполнена известным археологом В.И. Сарианиди.

В бактрийской коллекции косметических флаконов есть много экземпляров с протомами животных. Так, один из образцов украшен выступающими головками быков с небольшими ушами и загнутыми внутрь рогами (рисунок 1.1.17, слева).

Из тулова другого флакона горельефно выступают головы горных козлов или баранов с туго закрученными рогами (рисунок, 1.1. 17, справа). Косметический сосуд с точно таким украшением найден и в Буджнурде

---

¹ Кирчо Л. Б. Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н.э.). - С. 56 – 69.

² Алёкшин В.А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки. – С. 34-43, рис. 1.

³ Аскарков А.А.. К передатировке культуры Заманбаба. – С. 106.

(Иран), что указывает на типологическую и иконографическую близость бактрийских и хорасанских косметических сосудов.

В бактрийской коллекции косметических сосудов встречаются также так называемые териоморфные флаконы, отлитые в виде животных (рисунок 1.1.17-19). Изнутри полые, они оснащены наверху узкими горлышками. Эти сосуды изображают козлов и быков. Образец териоморфного косметического флакона найден и в Буджнурде, что указывает опять же на бактрийско-хорасанские культурные связи в эпоху бронзы¹.

Содержательностью и высоким качеством художественного исполнения характеризуются хранящиеся в музее американского города Санта-Фе два бронзовых косметических флакона из Бактрии в виде человека и сидящего оленя (рисунок 1.1.18, слева).

Териоморфными делали не только отдельные косметические флаконы, но и аппликаторы. Примером является аппликатор с навершием в виде головки горного козла с тяжелыми и круто изогнутыми рогами (рисунок 1.1.19). Из-за окисления материалов данный аппликатор оказался плотно соединенным с флаконом, будучи вставленный в его горло.

Флакон с воткнутым в него аппликатором выискан также в Дашлы 3 (Северный Афганистан)².

В бактрийской коллекции косметических флаконов числятся также два сосуда с рельефным изображением зооморфных сцен. Один из этих флаконов декорирован на горле, плечиках и тулове (рисунок 1.1.20). Горло сосуда украшено четырьмя одинаковыми изображениями обезьяны, сидящей на задних лапах и сложившей передние лапы на груди. На плечиках рельефно выполнена композиция из трех фигур орлов с распростертыми крыльями и распущенными хвостами. Центральное место в оформлении тулова флакона

---

¹ Сарияниди В.И. Косметические флаконы из Бактрии. – С. 255-260.

² Сарияниди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. – Рис. 34-8, 37-18,

занимает змея, поглощающая зайца. По обе стороны этой картины представлены изображения зайцев в движении, а также еще одной, сидящей, обезьяны.

Иконографической близостью с рассматриваемым косметическим сосудом характеризуется другой такой флакон из Бактрии, украшенный рельефной «сценой банкета» (рисунок 1.1.20). Центральным элементом композиции данного предмета выступает, сидящий в кресле, козел, которому прислуживают обезьяны¹.

Среди косметических сосудов из Северной Бактрии заслуживает внимания металлический флакон в виде миниатюрного графинчика, найденный в одной из могил Джаркутана (рисунок 1.1.22, слева). Химическое исследование остатков вещества в нем позволило определить, что это свинец. Значит, его применяли в качестве заменителя сурьмы во второй половине II тыс. до н.э. Плечико сосуда широкое уступчатое, слегка округленное, его горловина высокая и узкая, придонная часть конусовидная. Размеры флакончика: общая высота 7,5 см, высота горловины 3,2 см, диаметр донца 4,1 см, диаметр горловины 1,5 см².

Однако более стройными по сравнению с джаркутанскими образцами выглядят металлические флакончики из Сапаллитепа (рисунок 1.1.22, справа)³. Здесь всего выискано 12 штук миниатюрных косметических сосудов. Примечательно, что внутри всех флакончиков, подобно джаркутанскому сосуду для хранения косметического вещества, сохранились остатки свинца⁴.

---

¹ Сарияниди В.И. Два уникальных флакона из Бактрии. – С. 81-89.

² Аскарлов А. А. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). – С. 20, табл. XXXI-2.

³ Аскарлов А. А. Сапаллитепа. – Табл. 25, 1-4; Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – С. 74, табл. XXV, 1-3, 10-12; XXVI, 1-11.

⁴ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Табл. XXVI.

Среди других косметических флаконов, найденных в пределах Бактрии, можно указать и на многочисленные предметы такого вида из могил северной подгорной полосы Гиндукуша.

Вопрос о принадлежности флакончиков к косметическим сосудам затронут В.И. Сарияниди в его статье, специально посвященной изучению находок из Бактрии. Главным основанием для этого, на его взгляд, являются факты обнаружения многочисленных флаконов с воткнутыми в них аппликаторами¹.

В Бактрии, как и в Маргиане, найдено также немало шкатулок для хранения косметических сосудов и инструментов (рисунок 1.1.23). Одна из них имеет в плане квадратную форму и разделена внутри на четыре гнезда. Другой образец, который, вероятно, мог служить косметической ванночкой, изготовлен в форме сердца. Отметим также рельефный декор на наружных поверхностях этих сосудов.

Археологические исследования на могильнике эпохи средней бронзы Фархор показали, что в конце III – начале II тыс. до н.э. металлические косметические лопаточки наряду с бронзовыми зеркалами, булавами, украшениями и некоторыми другими предметами быта входили в состав женского погребального инвентаря². Вместе с тем, каменные косметические сосуды найдены здесь и из мужских могил³.

Также заслуживают внимания ступки из черного базальта (4 шт.), выисканные в Миршадинском оазисе Сурхандарьинской области, в поселении начала I тысячелетия до н.э. Биконические подставки-ступки очень тщательной полировки вместе с найденным здесь же пестиком служили для растирания косметических красок. Они датируются концом

---

¹ Сарияниди В. И. Косметические флаконы из Бактрии. – С. 260.

² Виноградова Н.М. Новые исследования могильника эпохи средней бронзы – Фархор в Южном Таджикистане. – Раскоп 2, погр. 7.

³ Кирчо Л. Б. Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н.э.). – С. 63 – 64.

бронзового века (X – VIII вв. до н.э.)¹, т.е. находили применение накануне основательного утверждения зороастрийской религии.

Находки косметических принадлежностей из Согда. Наиболее известным историческим памятником Согда является городище эпохи энеолита – бронзового века Саразм. Здесь археологами обнаружены остатки белил и черного порошка, очевидно сурьмы, а также тара для ее хранения. Они сохранились наряду с многочисленными деталями украшений в могиле “Принцессы Саразма”, жившей в эпоху энеолита. В других могилах этого поселения найдены также сосуды для изготовления и хранения сурьмы, а также костяные, каменные и бронзовые прутки для ее косметического использования. Эти находки, датируемые энеолитом – бронзовым веком, сегодня хранятся в фондах Республиканского историко-краеведческого музея имени А. Рудаки г. Пенджикента².

Находки косметических принадлежностей из Ферганы. До 2005 года считалось, что таковых находок не существует. Как отмечает В. И. Тимофеев, отсутствуют не только прямые, но и косвенные признаки, которые могли бы свидетельствовать о наличии у первобытных жителей Ферганской долины, в том числе неолитического периода и бронзового века, элементов производящих форм хозяйства³. Сказанное им, естественно, имело отношение и к настоящей теме.

Однако в 2005 году в результате археологических разработок на могильнике бронзового века Шагым в Восточной Фергане (Ошская область, Суйский район в Кыргызстане) были выисканы миниатюрные керамические сосуды красного и черного цветов, миниатюрный каменный сосуд с крышкой, а также несколько бронзовых стержней с лопатковидным утолщением на одном конце. Все эти предметы находились в двух

---

¹ Сагдуллаев А. С. В стране золотого огня. – С. 33, 36, рис.

² Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям. – С. 82.

³ Тимофеев В. И. Памятники каменного века Центральной Ферганы. - С. 67.

погребениях, причем вместе с ними найдено несколько бронзовых зеркал. Расположение этих вещей рядом с зеркалами является прямым указанием на их косметическое назначение. Ценность указанных артефактов определяется той реальностью, что позволяет считать на данный момент могильник северо-восточным пограничным пунктом для Бактрии, где зафиксировано распространение раннеземледельческой культуры и где найдены материальные следы использования косметики в бронзовый период¹.

Итак, приведенный обзор показал, что в Центральной Азии искусство косметики зародилось в IV тысячелетии до н.э. Это время, когда, согласно, исторической науке, зародились основные отрасли ремесла, когда происходили революционные изменения в материальной культуре человечества. Как выясняется, зарождающейся косметики в Центральной Азии происходило синхронно с Египтом и Ближним Востоком. Наиболее ранние контейнеры для хранения косметических материалов, пишет А. Бенуа, были из обожженной глины или вырезанными из камня. 3300-3100 гг. до н. – время, когда таким контейнерам стали придавать более сложную форму, в частности зооморфную. По большей части применялись образы птиц и ежа. Искусные ремесленники умели делать маленькие контейнеры с двумя или тремя отсеками, у каждого отсека была своя крышка. Это позволяло хранить в одном сосуде разные косметические материалы, чтобы можно было смешивать их во время использования. Образец такого контейнера, по форме изображающего ежа, найден в Сузах².

О генезисе косметики и парфюмерии в других древних цивилизациях Востока. Традиция раскрашивать лицо, признаваемое за косметический прием, известна еще по Древнему Египту. Известно, что еще в IV тысячелетии до н.э., во времена Древнего Царства, египтяне вывозили

---

¹ Аманбаева Б. Э. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан). - С. 256-263.

² Бенуа А. Некоторые мысли о косметике на Ближнем Востоке в III тысячелетии до н. э.: контейнеры и содержимое. – С. 314-315, фиг. 2.

косметические средства на основе оливкового масла из Финикии. Наиболее ранние материальные следы древнеегипетской косметики имеют отношение к 3 тыс. до н.э. Емкости с мазями, маслами и разными благовониями обнаружены в гробницах, возраст которых насчитывает более 4 тыс. лет. Сохранился папирус, на котором зафиксирован рецепт приготовления косметического средства. Древние египтяне мазали кожу маслами, смешанными с благовониями. Кожа становилась мягкой и отдавала приятный аромат. Для осветления и защиты от солнца кожу красили белилами. Египтяне в древности подводили глаза черной краской на основе сурьмы. Краска наносилась узкой линией от уголков глаз, которые зрительно увеличивались и приобретали «кошачью» форму. Встречалась и подводка глаз зеленой краской на основе малахита. В такой цвет окрашивали и ногти. Щеки красили румянами на основе высушенных тертых цветов.

Появление красок для волос, в том числе хны, также связывают с жителями Древнего Египта. Местные модницы, в частности дочери фараонов, применяли ее для крашения волос и ногтей¹. Великую Клеопатру считают автором первого рецепта приготовления косметических средств (пудры, белил, румян). В целом, колыбелью косметики считают именно Африку, где древнейшие племена раскрашивали лицо и тело накануне праздников, религиозных обрядов, походов, битв и т.п.²

Стерженьки из бронзы, близкие по форме каменные сурмасангам, длиной от 50 до 125 мм, найдены в Мохенджо-Даро. Эти предметы имеют один или два суживающихся конца. Эти артефакты служат свидетельством того, что на Востоке подведение ресниц и бровей сурьмой занимались еще в бронзовый век. Каменные, костяные и бронзовые экземпляры косметического инструмента такого назначения, обнаруженные в пределах

---

¹ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 107.

² Голан Л. Формула совершенства (Paperback).

Египта, датируются концом 3 тысячелетия до н.э. Находки подобных древних предметов зафиксированы и в границах Месопотамии, Европы (Греции и Рима).

Отражение вопроса о о генезисе занятия косметикой и использования благовоний в мифах и легендах. Немало материала об использовании косметических веществ содержат священные писания индуизма, в частности ведийская литература. В них упоминается мазь особого состава, с помощью которой в эпоху бронзы индийцы подкрашивали ресницы. В тексте отмечено, что это снадобье придает блеск глазам. Не исключено, что мазь получали на основе сурьмы. Есть также сообщение о том, что древние жители полуострова хранили свои косметические вещества в специальных коробочках и использовали косметику с помощью инструмента в виде стерженька. Эти предметы у состоятельных членов общества были из золота и серебра¹.

Применительно к теме генезиса парфюмерно-косметических традиций на территории исторического проживания таджиков и их предков, внимания заслуживает заметка А. Фирдавси о том, что первые рецепты благовоний были изобретены во время правления легендарного Джамшеда – четвертого правителя Древней Персии, основателя праздника Навруз:

Еще овладел он искусством, узнав

Ценимых людьми благовоний состав.

И мускус и амбру добыть удалось

И выжать душистое масло из роз.

Царь Джамшед осуществил разделение людей на сословия, исходя из вида занятия. Тем самым было положено начало специализации по профессиональному признаку. В том числе образовалось сословие ремесленников, появились, как следует из слов поэта, парфюмеры (аттор) и

---

¹ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – С. 132-133.

косметологи (машшота). Хотя в приведенных строках косметические средства напрямую не упоминаются, очевидно, что речь идет о них также¹.

В «Истории Систана» началом использования человеком парфюмерных материалов установлено еще более ранним временем. По сути, анонимный автор этого сочинения полагает, что к применению человеком благовоний причастен господь, поселивший прародителей человеческого рода в раю. Адам, пожелав близости с Евой, совершал омовение и употреблял благовония. Так же поступала и Ева, говорится в «Истории Систана»².

Нужно заметить, что А. Фирдавси придерживается мнения историка М. Табари, также считавшего изобретателем косметических красок и благовоний царя Джамшеда: “Он придумал мел (гач), свинцовые белила (сафедоб) и краски. Также изобрел базилику (испаргам) и такие благовония, как алоэ (уд), мускус (мушк), камфара (кофур)”³.

Такого взгляда придерживается и Омар Хайам в “Наврузнаме”. Джамшед “получил мускус, амбру, камфару, шафран, алоэ и другие благовония”, - пишет он⁴.

Таким образом, изобретателем искусства косметики и парфюмерии народная мифология считает легендарного царя Джамшеда, который, по подсчетам ученого-энциклопедиста А. Беруни, пришел к власти, по одной версии, в 3351 году до н.э., т.е. в эпоху энеолита Центральной Азии. В своем сочинении “Памятники минувших поколений” А. Беруни приводит и два других варианта этого события, согласно которым Джамшед возглавил иранские народы в XXVIII веке до н.э.⁵

¹ *Дигар буйҳоро хуш овард боз,*

Ки доранд мардум ба рӯяш ниёз.

Чу бону чу кофуру чун мушки ноб,

Чу уду чу анбар, чу равшангулоб. - Фирдавси. Шахнаме. – Т. 1. - С. 59-62.

² История Систана. – С. 73.

³ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари. – Т. 1. - С. 68.

⁴ Омар Хайам. Навруз-наме. – С. 135.

⁵ Беруни А. Памятники минувших поколений. – С. 113-117.

Выводы по первому разделу начальной главы:

В Центральной Азии люди пользовались косметикой и благовониями еще в древнейший период, о чем свидетельствуют материалы археологической науки. Существование в то время обычаев украшения лица и тела подтверждаются на примере терракоты и в окраске лиц некоторых погребенных. Для декоративной косметики находила применение сурма, в качестве ее заменителя мог служить свинцовый порошок. Есть свидетельства применения в тот период пудры, вещества на основе полыни. Косметический материал хранили в бронзовых, серебряных, стеатитовых, фаянсовых или глиняных флаконах, доставали его оттуда и использовали при помощи косметических палочек из меди, бронзы или слоновой кости. Помимо флаконов косметические вещества хранили в шкатулках и коробочках, стеатитовых или каменных. Нельзя отрицать вероятность применения в этих целях и деревянных палочек, которые не имели возможности сохраниться до нашего времени. Декоративной косметикой пользовались и мужчины и женщины, хотя находки косметических флаконов и палочек, как правило, из женских погребений указывает на то, что уже в те отдаленные времена косметика начинает устойчиво становиться принадлежностью женского костюма. В целом, изучение косметических флаконов бронзового века показывает с одной стороны высочайший уровень художественного развития бактрийской и маргианской торевтики и технического мастерства местных торевтов, с другой – косвенно указывает на высокое качество косметических материалов, которые хранились в этих сосудах.

Вопрос об истоках искусства парфюмерии в Центральной Азии освещается в народной мифологии, зафиксированной в древней религиозной литературе, эпических поэмах иранских народов, исторической литературе, хронологически охватывающей период от сотворения мира, а также ученых трактатах средневековья. В них изобретение техники изготовления ароматизирующих материалов связывается с именем легендарного царя

Джамшеда, который, согласно подсчетам Беруни, возглавил Древний Иран, по одной версии, в XXXIV, по другой – в XXVIII веке до н.э. Другими словами, археологическая наука подтверждает народные представления о происхождении этих отраслей.

1.2. Косметика и парфюмерия в эпоху древности

Скифо-ахеменидский период. Сформировавшиеся в Центральной Азии древнейшего периода традиции, связанные с умощением благовониями и украшением красками лица и отдельных частей тела, получили дальнейшее развитие в начальном периоде развития здесь государственности (VII / VI – IV / III века до н.э.).

Дамы из семей древнеперсидской аристократии пользовались различными видами ароматических и косметических средств, для чего они пользовались услугами специальных работниц. Как отмечает исследователь истории материальной культуры жителей этого региона С. А. Яценко, для нанесения на лица разных видов притираний представители знати пользовались услугами специальных служанок. В обязанности этих мастериц входило приготовление благовоний и косметических материалов, хорошее знание эффектов от их применения, а также приемов использования.

Родовитые жители держали у себя в комнате для гигиены набор флаконов с мазями из душистых трав и благовониями. Как правило, ими пользовались при купании. При этом, как отметил известный древнегреческий историк Геродот, особое внимание персами уделялось гигиене волос¹.

---

¹ Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 55.

Французский исследователь истории Древнего Ирана Филип Гюиз на основе привлеченных источников выявил, что в Мидии и Персии мужчины также широко пользовались макияжем. Они красили ресницы, наносили на кожу своего лица пудру, носили накладные парики и бороду. Душистые мази хранились во флаконах из алебаstra¹. Как видим, указанные аспекты костюмных традиций, которые историками связываются, как правило, с материальной культурой Древнего Египта, не были чужды и для государства Ахеменидов.

Большое значение придавали своей внешности и правители из рода Ахеменидов, о чем свидетельствуют отдельные сюжеты на рельефах царских дворцов в Персеполе и Сузах. Так, Ксеркс I и Дарий Великий декорировали красками свою естественную или накладную бороду. Окраска производилась таким образом, чтобы конец бороды, свисающий из-под подбородка, был оформлен пестрыми поперечными полосками (рисунок 1.2.1). Считается, что в державе Ахеменидов среди представителей царского рода обычай использовать косметику и благовония был внедрен еще при основателе этой династии Кире II².

Естественно, косметический уход за внешностью ахеменидского властелина была обязанностью специально назначенного для этого прислуги. На одном из рельефов Персеполя видим слугу, который, стоя за тронем Дария I, держит в руке флакон мази, а другой слуга, стоящий за ним, удерживает в правой руке полотенце, сложенное вдвое (рисунок 1.2.2).

Все это указывает на то, что в Центральной Азии профессия косметолога возникла уже в древности, в эпоху возникновения здесь первых государств. Логично, что деятельность первых косметологов не затрагивала

---

¹ Гюиз Ф. Древняя Персия. - С. 297-298.

² Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. - С. 55.

жизни широких слоев населения. Они занимались своей работой исключительно в аристократической среде.

Исследователи отмечают, что парфюмерно-косметические традиции Ахеменидов были заимствованы ими у мидийцев, в материальной культуре которых существовали такие обычаи, как применение румян, подводка глаз и т.п. Причем этим мужчины и женщины занимались практически в равной мере¹.

Данное мнение сложилось исходя из того факта, что история первой мировой империи берет начало с захвата Мидии в 550 г. до н.э.

Проявление элементов преемственности в области парфюмерно-косметических и других традиций при возникновении новых государств – обыденное явление. Добровольный или насильственный выход любого района из состава одного государства и его превращение в провинцию другой страны сопровождается синтезом культур. В этом контексте нет ничего странного в том, что отдельные традиции в области использования благовоний и косметических материалов жители ахеменидской Персии завезли с собой и в Среднюю Азию. Одновременно протекал и обратный процесс, когда древние оседлые бактрийцы и согдийцы, парфяне и маргианцы, хорезмийцы и ферганцы, а также кочевые массагеты и саки знакомили завоевателей с существовавшими здесь материалами для умощения тела, раскраски лица и приемами их использования.

Памятники письменности высоко отзываются о навыках древних жителей Средней Азии в области приготовления и использования красителей. В этой области высокое мастерство было присуще не только жителям с присущим им оседлым образом существования, но и кочевым племенам. Так, древнегреческие авторы Геродот и Страбон отмечали отменное красильное искусство персоязычных массагетов, родственных

---

¹ Там же.

древним хорезмийцам. Историк Геродот пишет, что они путем растирания и смешения с водой листьев определенного дерева, добывали очень прочную краску. С ее помощью массагеты рисовали на своей одежде изображения животных. «Эти изображения животных не смываются, а изнашиваются вместе с шерстью, как если бы они с самого начала были на ней вытканы», - отмечал Геродот¹. В свою очередь, географ Страбон отмечал, что массагеты придавали своей одежде пёструю раскраску, применяя не теряющие свежести краски².

Понятно, что приведенные сведения общего характера о высоком качестве красок, применявшихся в регионе в тот период, имеют отношение к текстильному искусству. Однако они косвенно показывают, что на таком же уровне в регионе обстояло дело и с красителями косметического значения.

Реконструкция женского костюма оседлых, преимущественно скотоводческих, племен иранской принадлежности на основе остатков одежды из Джетыясарских могильников (Южный Казахстан, Кызыл-Ордынская область, на границе с Узбекистаном) показала, что в Восточном Приаралье косметический набор подвешивали к кожаным поясам слева. Такие наборы выисканы практически в каждом женском погребении, включая захоронения маленьких девочек. Археологи выяснили, что внутри набора, помимо других туалетных принадлежностей, находился брусок мела, кусочек охры и, изредка, сурмасанг. Иногда вместо сурмасанга попадаются сигарообразные песчаниковые палочки для крашения ресниц сурмой. Для придания бровям нужной формы применялись бронзовые и железные щипчики – пинцеты с расширяющимися концами. Для приготовления косметических веществ к использованию служили створки крупных речных раковин. Парфюмерно-косметические материалы хранились внутри

---

¹ Геродот. История. – Т. 1. – Б. 203.

² Страбон. География. – Т. 11. – Б. 8, 7

сосудиков – из глины, дерева, бронзы. Для хранения мела служили деревянные сосудики с крышечкой, охру хранили в миниатюрных чашечках.

Образец косметического пинцета эллинистической эпохи (IV – III вв. до н.э.) археологи обнаружили внутри одной из могил бургулюкской культуры (в Ташкентской области). Пинцет сделан путем изгибания стального листа, его размеры - 4,3 см длины и 0,9 см ширины. На его рабочем конце заметны следы нитяной обмотки. Рядом лежали каменный сурмасанг и комочек графита. Сурмасанг темно-розового цвета, его длина 5,5 см, ширина основания 1,3 см. На его тупом конце имеется отверстие для подвешивания¹.

В сохранившихся письменных источниках конкретных сведений по вопросу заимствования парфюмерно-косметических знаний между жителями центральных районов Древней Персией и Средней Азии не зафиксировано, однако нет оснований сомневаться в том, что в этом аспекте восточная провинция Ахеменидской державы внесла свою лепту в развитие материальной культуры населения центральных районов империи. Данное мнение получает свое косвенное подтверждение по результатам сравнения отдельных материалов археологии, связанных с территориями современного Ирана и Средней Азии. Правда, по ним невозможно определить конкретное направление распространения конкретных косметических традиций, с востока на запад или наоборот.

В частности, на выполненных глазурованными кирпичами изображениях персидских воинов из дворца в Сузах охваченные лентой волосы на голове и борода показаны в синем цвете. В то же время, при обрисовке других элементов костюмов этих персонажей художник широко пользуется и такими цветами, как белый и черный – естественные цвета волос. Следовательно, при Ахеменидах персидские воины, или часть из них,

---

¹ Древняя и средневековая культура Чача. - С. 30

принадлежащих какому-то специальному подразделению, носили окрашенные в синий цвет бороду и волосы на голове (рисунок 1.2.3).

Существование данной традиции подтверждается и другими примерами. В частности, в синий цвет красили волосы и античные хорезмийские цари, о чем свидетельствуют их портреты (рисунок 1.2.4) из дворца в Казаклы-яткане / Акшахан-Кале (Каракалпакистан). Указанный исторический город служил столицей независимого Хорезма после выхода его из состава государства Ахеменидов в первой половине IV века до н.э. Кроме этого, правители Хорезма синим красителем подводили свои глаза и брови.¹

Говоря о древнем Хорезме, можно привести некоторые сведения и о косметических обычаях саков, которые наряду с массагетами, придерживались кочевого образа жизни. Эти племена, имеющие непосредственное отношение к сложению таджикского народа, получали косметические средства на основе коровьего или свиного сала. Согласно материалам С. А. Яценко, женщины у них для ухода за кожей пользовались белилами и румянами².

Обломок стеклянного инструмента, который, по мнению искусствоведов, в Древнем Хорезме использовался для украшения лица краской или для помешивания косметических красок, обнаружен в дворцовом комплексе Топрак-кала. Данный предмет археологами был извлечен из хума, найденного в Зале с кругами. Речь идет о фрагменте палочки из голубовато-зеленого стекла с разной толщиной двух концов. На более толстом конце палочки выполнено фигурное навершие³.

Помимо косметики, древние иранцы придавали большое значение татуировке. В украшении тел древних людей, погребенных в курганах

---

¹ Акшахан-кала (Казаклы-Яткан) [Электронный ресурс].

² Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 98.

³ Топрак-кала. Дворец. - С. 229.

Горного Алтая, присутствуют татуировки в виде изображений объектов космогонических мифов и мифических персонажей, в том числе волшебных зверей (рисунок 1.2.6). Среди представленных в татуировках фантастических зверей есть, например, грифон-олень-козерог - хищник с клювообразной пастью. Изображены также звери реальные, такие как тигр, горный баран, козерог. Особенно богато расписаны мумии, обнаруженные здесь в так называемых «царских» курганах: некоторые из них покрыты рисунками с ног до головы. Рисунки исполнены несмываемыми красками, их исполнение очень высокого качества¹.

С. А. Яценко считает, что саки наносили татуировку с помощью булавки, причем так поступали с разными частями тела. В связи с тем, что на изображениях тела персонажей покрыты одеждой, следы татуировки видны только на их лицах. Зачастую в произведениях изобразительного искусства татуировка лица передана в виде наклонных насечек. Саки наносили татуировку как на одну щеку, так и на обе².

Каноны религии зороастризма, активно пропагандировавшей ритуальную чистоту и гигиену, а также широкое использование в обрядах благовоний, естественно, затрагивали и темы, связанные с парфюмерией и косметикой. По этой причине отдельные сведения по данной теме оказались зафиксированными и в дошедших до нас зороастрийских текстах.

В частности, некоторое представление, а именно отрицательное, об отношении, господствовавшем в среде древних иранских племен к косметике, дает заметка из «Книги о праведном Виразе». В рамках одного из воспоминаний праведный Вираз рассказывает про увиденную его душой в аду «души женщин, из десяти пальцев которых текли кровь и гной, они сосали и пили их, а черви лезли в оба их глаза». Сопровождавшие душу

---

¹ Полосьмак Н. В. Пурпур и золото тысячелетий. - С. 46-48.

² Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 99.

Вирази боги Срош и Адур выразили ей причину происшедшего действия следующим образом: «Это души грешниц, которые красили (лица, руки и др.), использовали для украшения (себя) чужие волосы и обманывали (таким образом) набожных людей»¹.

Следует отметить, что данное сочинение на пехлевийском языке написано предположительно при последних Сасанидах. В его тексте нашли отражение, свойственные зороастрийской традиции, представления о загробной жизни. Такие суждения сложились в течение полутора тысячелетий существования учения Зороастра, причем большая часть этого периода приходится на эпоху древности. Как видно из приведенной заметки, культура зороастризма к женской косметике относилась негативно. Зороастрийской жрецы проповедовали в обществе, что женщину, которая в этой жизни пользуется красками для лица (румяна, белила, усма, сурма), рук и ног (хина), волос (хина и др.), пользуется париком, в загробном мире ожидают адские муки. Используя эти приемы, тем самым, она вводит других людей в заблуждение, что считалось непозволительным грехом.

Возможно, данное заключение, сделанное на основе только этого источника, не совсем корректно, однако в любом случае, оно напрашивается. На это же указывает тот факт, что в 5-ой главе “Яштов” Авесты, а именно “Ардвисур-Яште” (“Гимне Ардвисуре Анахите”) ничего не говорится об использовании косметических материалов покровительницей воды и плодородия Анахиты, представленной в образе юной стройной и прекрасной девушки. Это при том, что в тексте гимна дано описание предметов одежды богини и указаны их некоторые нюансы (платье из златоткани с высокой опояской, плащ со складками и расшитыми рукавами, шуба из бобрового меха, сандалии с невысокими союзками и тесемками). Также перечислены и даны описания украшений Анахиты: златокованные серьги с четырехгранной

---

¹ Пехлевийская Божественная комедия. - С. 123.

подвеской, ожерелье, кованная золотом семичастная диадема, украшенная самоцветами и с искусно сделанным кольцом посередине. Однако несмотря на столь конкретно данную характеристику костюма, позволяющей его успешную реконструкцию, как отмечалось, ничего не указывается про использовании красок для украшения щек, глаз, бровей, рук или их цветах¹. Отсюда следует, что зороастрийские жрецы (мубады), скорее всего, проповедовали людям не пользоваться косметикой.

Возвращаясь к теме о приравнивании зороастризмом факта применения косметики как греховного поступка, можно провести параллели с исламом, каноны которого не позволяют выполнение заупокойной молитвы по женщине, на теле которой есть следы от использования косметических красок. Существование такого запрета зафиксировано, в частности, у таджиков Гиссарской долины и Раштско-Дарвазской зоны. Для обоснования этого правила, мусульманские проповедники ссылаются опять же на подвержение в другой жизни таких женщин адским мукам. Якобы на том свете ангелы-опрашиватели удаляют краску с тела женщины, умершей в ритуальной нечистоте, самым мучительным образом. Так, они срезают следы от хины с рук и ног вместе с кожей².

Вместе с тем, шариат не запрещает женщине пользоваться косметическими красками. Более того, эта религия косвенно обязывает ее к этому, наставляя женщину прихорашивать себя и тем самым стать более привлекательной в глазах собственного мужа. Для этого ислам рекомендует, в том числе, использовать возможности косметических красок³. Естественно, здесь не идет речь о пожилых женщинах, готовящихся к уходу из жизни, и о смертельно больных женщинах. В отличие от этого, зороастрийская религия, как видим, не одобряла использование косметики в принципе.

---

¹ Авеста - С. 23, 32-33.

² Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 108.

³ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 104.

Так ли это или нет, - вопрос для специального изучения. В этом контексте заслуживает интерес сведение о желательных формах и оттенках частей лица и рук, которые у иранцев доарабской эпохи воспринимались как идеал женской красоты. Такая характеристика зафиксирована в другом сочинении VII века на пехлевийском языке - «Хосров, сын Кавада и его паж» («Хусрав-и Кубодон уд редаг-е»). В этой книге со слов пажа великого сасанидского императора Хусрава Парвиза отмечено, что у идеальной (лучшей) женщины ногти белоснежные, цвет щек подобен цвету граната, глаза миндалевидные, губы коралловые, влажные и свежие, брови дугой, зубы белые, косы черные, блестящие и длинные¹.

Что касается цвета ногтей, скорее всего, речь идет здесь об их естественном цвете, так как возможность использования белого красителя для придания ногтям белоснежного оттенка выглядит сомнительным. С этой зрения сведения обеих указанных источников совпадают, т.е. красить ногти не следовало. Однако что касается цвета губ, щек и кос, а также формы глаз и бровей, логично полагать, что для соответствия господствующему идеалу красоты многие представители прекрасной половины зороастрийского общества должны были прибегать к косметическим приемам. А наличие у них такого желания – факт безусловный. Таким образом, с одной стороны, господствовавшая у наших древних предков, религия запрещала применение косметики, с другой, - установившийся идеал красоты подталкивал женщин к этому.

Продолжая тему о дозволении и запрете в зороастрийской культуре приемов прихорашивания себя с помощью специальных красителей, обратим также внимание на один древний ритуал, связанный с материальной культурой таджиков. Речь идет о ритуальном обряде населения Западного Памира, связанном с жертвоприношением в честь праздника Иди Курбон.

---

¹ Пехлевийская Божественная комедия. - С. 154.

Исследователь А. Шоинбеков рассказывает, что накануне жертвоприношения производилось сурьмение глаз, как участников процесса, так и белого барашка перед его закалыванием. Хозяйка и другие желающие члены семьи подводили сурьмой свои глаза еще утром, сразу после совершения омовения и утренней молитвы. Согласно местным верованиям, если кто откажется сурьмить брови, змея ударит по его глазам своим хвостом¹.

В Рушане и долине Бартанга схожий обряд проводился в рамках мероприятий, связанных с проведением угощения по случаю вселения в новый дом. Правда, обряд этот проводился через несколько, но не более пяти, лет обживания дома. Баранов, выбранных для заклания, соответствующим образом подготавливали, что предусматривало, в частности, подведение сурьмой глаз, ресниц, бровей, а также проводили этим материалом черту от бровей до верхней губы, вследствие чего морде барана привалось сходство с лицом человека. Затем голову барана повязывали белой хлопчатобумажной чалмой, так как в этом обряде баран олицетворял человека. К слову, по отношению к быку, также выбранному для заклания, поступали другим образом, без использования сурьмы².

Существование такого ритуала связывается с зороастризмом и находит параллели с древним обычаем приношения в жертву животного белого цвета, который соблюдали не только на Памире, но и в Древнем Иране, Древней Индии, на Ближнем Востоке (в Месопотамии). Причем в Древнем Шумере в качестве жертвенного животного выступали и птицы (голуби)³.

Описанный ритуал весьма показателен и прямо указывает на то, что к косметической сурьме относились как к сакральному материалу. Его применение имеет связь с жертвоприношением, когда верующие изъявляют

---

¹ Шоинбеков А. Праздник Курбан в селе Тусиён Западного Памира. – С. 263.

² Мухиддинов И. Обычаи и обряды памирских таджиков, связанных с жилищем. Конец XIX – начало XX в. - С. 80.

³ Крюкова В. Ю. Жертвоприношение в традиционной практике ираноязычных народов Центральной Азии. – С. 26.

покорность исповедуемым богам или единому творцу мира и всего сущего и просят у них и у духов предков покровительства¹.

Генезис этого обряда происходил еще в древнейший период. Предки таджикского народа - кочевые племена саков и массагетов занимались церемонией жертвоприношения уже в бронзовом веке (III – II тысячелетиях до н.э.). Осуществлялось это в конце зимы – начале весны, т.е. во время выростания травы – главной пищи для скота. В этот же период обряд жертвоприношения существовал и в среде оседло-земледельческих племен, причем, как свидетельствует археологическая наука, в качестве жертвенного животного выступал не только мелкий скот, но и крупный рогатый. История показала, что данный обряд, зародившись, пустил устойчивые корни, когда его соблюдали вне зависимости от исповедуемой религии. Особого развития жертвоприношение получило в исламе, для которого выступает, как пишет историк Хамза Камол, в качестве «самого важного религиозного обряда». В этой религии есть специальный праздник – Иди курбон («Праздник жертвоприношения»), истоки которого, опять же, теряются в недрах зороастризма и протозороастризма.

В священных текстах Авесты рассказывается о том, что предводители Древнего Ирана приносили жертвы Анахите (богине воды и плодородия) и Веретрагне (богу войны) и другим зороастрийским богам. Они приносили в жертву целые стада овец и лошадей, что выполнялось на высокогорье и на склонах гор. В ходе обряда верующие приносили молитвы – оды Ахура-Мазде (верховному богу у древних иранских народов), Митре (богу солнца), Ардохшо и другим богам зороастрийского пантеона².

Итак, приведенные сведения – свидетельство того, что косметические материалы, в особенности сурма, в зороастрийском быту все же применялись. На это же указывают многочисленные образцы найденных

---

¹ Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. – С. 159.

² Там же. – С. 159-162.

древних сурмасангов в границах областей, где было распространено учение Зороастра.

А теперь обратимся к теме древнего искусства парфюмерии. Известно о широком применении в зороастрийской среде в качестве благовония камфары – кофур. Ее использовали с давних времен в культовых религиозных церемониях для очищения пространства от «злых духов». Особенно часто камфара использовалась в ритуалах индуизма, причем такие случаи встречаются и в наши дни.

В басне «Вавилонское дерево» («Драхт-и асуриг») на пехлевийском языке перечислены названия таких благовоний, как камфара, черный мускус и ароматная роза (пехл. «гули гетиг»). Сюжет этого сочинения составляет словесное состязание козы и дерева о том, кто из них полезнее для человеческого общества. Восхваляя себя, коза заявляет, что из ее кожи люди делают сумы, в которых хранят и носят разные вещи и вещества, в том числе камфару и черный мускус. Кроме того, в длинном списке своих добродетелей она указывает на то, что ее тело благоухает как ароматная роза – гулоб. Заметим, что это сатирическое сочинение имеет древнеиранское происхождение и устное бытование, а время и место его появления связывается с Парфией времен Аршакидской династии¹.

В “Бундахишн”-е в числе растительных благовоний, применявшихся в зороастрийской среде IX века, перечислены кундар, рошт, куст, сандал, колоквинт, ладан – палангмушк, кардамон – кокула, камфара – кофур, цитрон – бодинджбуй и другие этого вида, — называют. Как их общее качество отмечается, что корень, кора или древесина этих растений имеют аромат².

Одна из заметок в «Книге о праведном Виразе» указывает на то, что в древней зороастрийской практике парфюмерией пользовались не только женщины, но и мужчины, в том числе служители религии. В ней

¹ Пехлевийская Божественная комедия. - С. 20, 159.

² Древние памятники письменности (тадж.). – Т. 1. - С. 58.

рассказывается, что герой сочинения, готовясь к путешествию в загробный мир, вымыл голову и тело, облачился в новую одежду и надушился благовониями. Эти и другие действия он проделывал, находясь в Обители духа (храме огня) и в присутствии жрецов¹. И вообще, использование благовоний, как материала для достижения ритуальной чистоты, у зороастрийцев-огнепоклонников было явлением очень широко распространенным. Это касалось, в том числе, обряда погребения.

Абухамид ал-Газали в “Кимиёи саодат” (“Эликсир счастья”) в разделе о превосходстве духовного огня над огнем телесным приводит рассказ о злополучных похождениях сына некоего правителя в ночь после женитьбы. Вечером, выпив изрядно вина, пьяный принц в поисках вина вышел из дворца и добрался до помещения для погребения зороастрийцев. Подумав, что нашел свой дом, он вошел внутрь и увидел несколько спящих людей. Признав среди спящих одну, завернутую в чадру, за свою невесту, принц снял с нее чадру и почувствовал приятный запах. Прижавшись к надушенному телу этой женщины, он провел с ней целую ночь. На рассвете, придя в себя, опозорившийся принц увидел, что его ночной напарницей была мертвая мерзкая старуха, а приятный запах был следствием умащивания тела². Как видим, в этом рассказе одного из наиболее авторитетных исламских богословов отчетливо подчеркивается роль благовоний в погребальной культуре совершенно другой религии – зороастрийской.

В целом, применительно к использованию благовоний в зороастрийской среде наблюдалось самое благоприятное отношение. Без них не проходил ни один священный обряд, в особенности связанный с зажиганием и поддерживанием ритуального огня. Требовалось, чтобы в это время воздух был полон благоуханиями, которые следовало дополнить приятным

¹ Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. – С. 98.

² Хисматуллин А. А. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – С. 134.

ароматом, исходящим от тела мужчин и женщин - участников обряда. А это значит, что поклонники зороастризма также поступали и в обыденной жизни, считая благовония священными растениями и веществами и охотно применяя их для обработки одежды и умащивания тела.

Древнеиранские племена, населявшие Горный Алтай, наносили на лицо косметику в виде минеральной краски темно-малинового цвета. Краска, которая не была обычной охрой, наносилась, как правило, полосками. Зафиксировано нанесение краски надо лбом в виде трилистника и в виде двулистика у висков (курган 2 Быстровки 2). Рисунок двулистика представлен и на кушанских статуэтках из Согда. Косметическое значение имела и синяя краска минерального происхождения вивианит – она обнаружена в косметическом наборе, извлеченного из полуразрушенного кургана 1 Ак-Алахи 3 (Горный Алтай)¹.

Эпоха эллинизма. С подчинением пределов расселения предков таджикского народа греко-македонскими завоевателями в конце IV века до н.э. на этой территории активно распространилась культура эллинизма. Широкий размах принял синтез разных культур. Последствия этого процесса со всей очевидностью проявляются во всех областях искусства, включая моду, особенно в области женского костюма. Естественно, что изменения коснулись и традиций, связанных с пользованием косметикой и благовониями. На всю территорию эллинистического Востока стали проникать новые вещества для прихорашивания и умащения тела, привозимые из Древней Европы.

Кушанский период. Народ Кушанского государства (Большой Юэчжи) китайцем Вань Чженем (III век) описан как «красный» или рыжий и

---

¹ Полосьмак Н. В. Некоторые вопросы исследований материалов из «замерзших» могил Укока методами естественных и точных наук. – С. 123.

белокурый. Они имеют глубокие глаза и густые бороды, - сообщает в конце II века до н.э. Сым Цян¹.

Находки остатков белил, пудры, румян, сурьмы из могильника Тиллятепе показали, что косметика играла существенную роль в костюмном комплексе древней Бактрии. Сохранившиеся минеральные косметические краски имеют белый и розовый цвета².

В одной из могил рядом с останками покойницы, которую называли “Скифской царицей”, лежала пудреница, изготовленная из бивня слона, внутри которой сохранился порошок белого цвета – пудра. Здесь же археологи обнаружили плетеную корзиночку с полным набором косметических материалов. В их числе блестящая сурма в кристаллической форме, остатки румян в кусках ярко-розового цвета и остатки белил. Внутри туалетной корзиночки также лежали две коробочки, одна серебряная, другая из слоновой кости, железные щипчики с деревянной ручкой, палочка с заостренными концами, также из слоновой кости. Есть также плоские речные галечки для растирания красок. Как пишет В. И. Сарияниди, “налицо полный косметический набор, могущий удовлетворить самый взыскательный вкус не только древних, но и современной модницы”. А принадлежал он, молодой женщине, возраст которой около 30 лет³.

В других могилах Тиллятепе археологами обнаружено еще несколько парфюмерно-косметических принадлежностей – золотых, серебряных, фаянсовых, керамических, стеклянных сосудиков, плетеные корзиночки, маникюрные ножницы, остатки белил и румян и др. На основе находок

---

¹ Боровкова Л. А. Народы Средней Азии III – VI веков (по древним китайским и западным источникам). - С. 97-98.

² Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 220.

³ Сарияниди В. И. Афганистан: Сокровища безымянных царей. – С. 13.

отсюда археологи заключили также, что похороненные в Тиллотепа потомки юэчжийских завоевателей умащивали свои тела благовониями¹.

Использование косметических материалов нашло наглядно воплощение в идеальных образах кушанских богинь. Выясняется, что бактрийские женщины придавали разрезу глаз миндалевидную или раскосную форму, делали брови прямыми или дугообразными, иногда соединяя их на переносице, на щеки и лоб наносили искусственные родинки - мушки².

Для нанесения на лицо мушек пользовались красной или синей красками. При Кушанах так поступали и мужчины и женщины. На изображении Хувишки в профиль, представленного на одной из его монет, две искусственные родинки нанесены на край щеки в виде кружочка с точкой в центре. Женщины (терракота богини из Дильберджина) украшали мушками свое лицо на щеках и на лбу³.

Нанесенные на лицо рисунки обнаруживаются и на отдельных кушанских статуэтках из Согда. В изображениях представлены концентрические кружки и двулистки. В согдийских памятниках указанные знаки отмечены или на лбу, или по одному на обеих щеках. Цвет использованной краски не выявляется. С. А. Яценко выдвигает версию, что это – красная краска, которая наиболее характерна для ираноязычных народов древности⁴.

Археологические находки косметических инструментов. Среди них значительное число составляют экземпляры прибора из каменного сурмасанга и кусочка графита. Сурмасанг - это обтесанный каменный

---

¹ Там же. – С. 28, 30, 58, 66, 75.

² Сарияниди В.И.. Храм и некрополь Тиллятепе. – С. 50.

³ Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 220.

⁴ Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 238.

стерженек особой формы, заостренный с одного конца, длиной 4-9 см и толщиной менее 1 см. В этом качестве использовались также, но уже без обработки, камни обкатанной водой подходящей формы. Сурмасанг служит для нанесения на ресницы сурмы, извлекаемой из куска графита. Графит служил вторым составляющим косметического комплекта. Такой инструмент готовили не только из камня, для этого также использовались дерево или кость.

Многие образцы найденных сурмасангов имеют на утолщенном конце продырявленное отверстие. Через это отверстие продевалась нитка для подвешивания на груди ее хозяйки¹.

Ряд обстоятельств позволил Н. Г. Горбуновой выдвинуть версию о том, что косметический прибор такого типа возник в долине Ферганы, что можно расценить как спорное суждение. Здесь традиция использования для крашения глаз косметического прибора из каменного сурмасанга и кусочка графита распространилась с середины I тысячелетия до н. э., в то время, как на западе Средней Азии, такой комплект находил применение, как подчеркивалось, уже в эпоху бронзы.

Указанный исследователь основывается на факте большого числа (более 30 шт.), находок таких предметов античности в этом регионе, их глубокой древности, а также наличии открытых месторождений графита в 20 км от селения Ворух в Исфаре. Она указывает также на устойчивость традиции использования сурмасанга у горцев Западного Памира, куда, по мнению Н.Г. Горбуновой, его завозили из Ферганы².

Б. А. Литвинский и В. С. Соловьев высказали свои сомнения в справедливости такого вывода Н. Г. Горбуновой. По их словам, она отождествляет тип прибора с материалом, из которого изготовлен стерженок

---

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. – С. 253.

² Горбунова Н. Г. Древний Ферганский косметический прибор. - С. 180.

для нанесения на ресницы сурмы¹. Но, как видим, эти сомнения имеют отношение к традиции косметического применения этого материала, а не к возникновению косметического прибора рассматриваемого типа.

Только из могильников Северного Таджикистана выискано 60 сурмасангов античности, изготовленных из камня и, изредка, из керамики и кости (рисунки 1.2.8-1.2.10). Их длина варьирует от 38 до 93 см. Они односторонние (с одним тупым концом) и двухсторонние, на их рабочих концах видны следы графита. Обычно на тупом конце просверлено отверстие для подвешивания. Здесь же найдено 30 кусков графита, служивших парами для этих каменных инструментов. Иногда вместе с сурмасангом и обломком графита обнаруживается каменная пластинка – плакетка. Предполагают, что на поверхности последней производили смешивание графита с каким-либо другим красящим веществом непосредственно перед крашением бровей и ресниц².

Сурмасанг яшмовидной породы фигурирует в числе находок из могильника Дашти-Ашт в Таджикистане (северо-запад Ферганской долины). Находка датируется серединой I тысячелетия до н.э. Один конец этого косметического инструмента заострен, другой конец содержит отверстие (рисунок 1.2.10, слева)³.

Сланцевая косметическая каменная палочка обнаружена и в городище Кува (на дороге Ходжент – Ош). Ее извлекли вместе с погребенными костями и железного ножа из большого керамического горшка (хума), высотой 1,37 м и большим диаметром 0,9 м (рисунок 1.2.10). Данный погребальный инвентарь датируется III - II веками до н.э.⁴

---

¹ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине. – С. 210.

² Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – С. 127-129.

³ Древности Таджикистана. – С. 59-60, рисунок 152.

⁴ Жуков В.Д. Обследование городища Старая Кува. - С. 83, рис. 19-3.

Многочисленные находки древних каменных сурмасангов в Фергане позволили исследователям выполнить их классификацию (по форме, размерам, наличию отверстия и другим признакам)¹. Эту коллекцию значительно дополняют памятники, найденные в смежных с Ферганской долиной областях – Алае, Чаткале, Ташкентском оазисе, долинах Кетмень-тубе и Талас. В частности, палочки сурмасанг с кусочками графита, которые датируются первыми веками н.э., являются характерными предметами, обнаруживаемые археологами в женских погребениях из античных памятников Отрарско-Каратауской культуры в Казахстане (южные и северные отроги Каратау, в среднем течении Сырдарьи)². Тщательно отточенный сурмасанг (рисунок 1.2.10) найден в Актанском могильнике (в Пскентском районе Ташкентской области). Он считается сегодня наиболее ранним образцом инструмента такого типа и датируется VI веком до н.э.³

Два каменных «карандаша» вместе с кусками графита археологами добыты из погребений в Кенкольском могильнике (верховья долины Талас, на границе между Киргизстаном и Казахстаном). Находки датируются I - IV веками (рисунок 1.2.10). Длина сурмасангов 4-5 см, графитовые кусочки имеют характерные желобки, образовавшиеся вследствие многократного трения⁴.

Большое количество песчаниковых палочек для крашения ресниц и бровей сурмой зафиксировано в материалах каунчинской культуры (у г. Янгиюль в Ташкентской области, I в. до н.э. – VIII в.), а также в памятниках Древней Ферганы⁵.

¹ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – С. 127-133; Горбунова Н.Г. Древний Ферганский косметический прибор. - С. 178-184.

² Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – С. 186.

³ Горбунова Н. Г. Древний ферганский косметический прибор. - С. 178.

⁴ Кожомбердыев И. Новые данные о Кенкольском могильнике. - С. 73-74, рис. 15(7-9).

⁵ Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. - С. 118, 227-228; Яценко С. А. Костюм Джетыясарской культуры на фоне соседних народов. – С. 323.

Археологические находки тары для косметики и благовоний. Две бронзовые литые бутылочки выисканы в поселении Актепа II на юге Бешкентской долины (Шахритуский район Таджикистана, на расстоянии 6 км от известного комплекса источников Чилучорчашма). Они найдены в могилах, где выполнены захоронения в зороастрийской традиции. Данный факт указывает на принадлежность этих находок временам сасанидской оккупации правобережья Амударьи. Речь идет о IV-V веках, т.е. эпохе заката кушанского государства. Сосуды имеют одинаковые признаки изготовления - шаровидное тулово, узкую горловину и припаянное дно. Высота первой бутылки 10 см при диаметре тулова 5,3 см, у второго косметического сосуда высота составляет 7,1 см, диаметр его тулова 4,1 см (рисунок 1.2.11)¹.

Находками сосудиков IV – V вв. для хранения благовоний известен и древний Кабадиан (в долинах Кафирнигана и Бешкента). Среди них миниатюрные три бронзовые и одна стеклянная бутылочки из Ак-тепе. Такая же миниатюрная тара зафиксирована и для соседних с Кабадианом районов - Яванского городища (Гиссарская долина) и Зартепе (в долине Сурхандарьи) – кушанском городище Северной Бактрии².

Множество миниатюрных форм керамического содержания, идентифицируемых как парфюмерно-косметические сосуды, обнаружены и в другом городище Северной Бактрии кушанской эпохи – Мирзакултепе³.

Мы отмечали, что сурма в качестве краски для ресниц человечеством применялась еще в древнейший период. В древности верили в целебные, и даже волшебные свойства этого вещества, якобы улучшающего зрение. В этом контексте заслуживает внимания соответствующая заметка, зафиксированная в сочинении XII века «Аджаиб-наме» Мухаммада ибн Махмуда. Составитель этой энциклопедической книги пытается косвенно

---

¹ Древности Таджикистана. – С. 129, 143, рисунок 394-395.

² Седов А. В. Кабадиан на пороге раннего средневековья. - С. 70.

³ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. - С. 38-39, табл. 2

объяснить фактор, обеспечивший широкое распространение эллинистической культуры, в том числе на Востоке. По легенде, Александру Македонскому удалось обнаружить в горах место смерти знаменитого Кайхусрава и обнаружить там его припрятанный клад. Любопытно, что Мухаммад ибн Махмуд идентифицирует этого правителя из династии Каянидов и с царем Соломоном (Сулаймон), и с пророком Моисеем (Мусо). Якобы главный персонаж этой легенды, впоследствии ставший знаменитым полководцем Древнего мира, отдал все найденные сокровища своему визирю, сопровождавшему его в путешествии, а себе взял только мукхулу / сурмадон – коробку, в которой находился изумрудный стержень для нанесения сурмы. Когда Александр Македонский провел этим стержнем по своим глазам, они наполнились светом, позволившим увидеть все сокровища мира. Он собрал и присвоил себе эти богатства, что позволило ему завоевать весь мир, заключает автор «Аджаиб-наме»¹.

Следы использования косметики на произведениях изобразительного искусства конца эпохи среднеазиатской античности. Обращают внимание зрителя сведенные брови на антропоморфной маске (рисунок 1.2.5), покрывающей лицо персонажа, изображаемого глиняной статуэткой из хорезмийского городища кушанского времени Топрак-кала (III - IV века н.э.). Примечательно, что место соединения бровей на переносице наиболее толстое, а в направлении висков толщина линии бровей плавно уменьшается². Такая форма раскрашивания бровей присуща традиции таджичек, когда в прошлом они широко пользовались растительной краской усма.

Следы окраски четко видны на и лице персонажа, изображенного на золотой пластинке III - VI веков из Еркургана – бывшего Нахшаба (в 10 км к северо-западу от Карши). В частности, краской нанесены дугообразные

¹ Мухаммад ибн Махмуд ибн Ахмад Туси. *Аджаиб-наме*. - С. 344.

² Топрак-кала. Дворец (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции). – С. 87-88.

линии на веках, причем толщина этих линий вдвое меньше толщины бровей (рисунок 1.2.7). Кроме того, на левой щеке нарисована фигура наподобие солнца с исходящими лучами. Есть ли такое изображение на его правой щеке, неизвестно, так как персонаж представлен в профиль. Кроме того, на его лбу сохранились следы фигуры в виде многолучевой звезды. Предполагают, что персонаж олицетворяет божество с солярными знаками. Известно, что местное население в тот период исповедовало зороастризм¹.

Традиция нанесения на лицо искусственных родинок зафиксирована и на парфянских античных памятниках. Это, преимущественно, - крупные кружки с маленьким кружочком внутри. По большей части, их проставляли в верхней части лица, ближе к вискам.

Значительный интерес представляют многочисленные (более 60 экз.) погребальные маски III – I веков до н.э. с нанесенными татуировками, найденные в одном из захоронений Таджикистана. Отдельные маски выполнены путем выполнения слепки с лиц умерших, другие - смоделированы. Путем использования красок зеленого, красного и синего цветов на масках изображены рисунки в области лба, висков и щек (рисунок 1.3.11)².

Выводы по второму разделу первой главы:

В эпоху древности, как оседлые, так и кочевые предки таджикского народа в совершенстве знали секреты добывания и использования косметических красок и благовоний. В скифо-ахеменидскую эпоху в Центральной Азии появилась профессия косметолога – человека, который оказывал услуги по чистке кожи, нанесению масок и кремов, удалением волосок. Эти специалисты работали в условиях рабов и обслуживали элиту общества, в частности первых лиц государства. Похоже, использование косметики разрешалось лишь мужчинам. Согласно зороастрийским текстам,

¹ Древнейшие государства Средней Азии и Кавказа. – Табл. 137.

² Tamara Talbot Rice. Ancient arts of Central Asia. – P. 51-53, ill. 41.

использование косметики женщиной расценивалось как согрешение, грозящей попаданием в ад, подвергание там самым жестоким и невообразимым пыткам.

С другой стороны, зафиксированное в них описание идеала женской красоты наталкивает на мнение, что достичь ряда его требований (румяные щеки, красные губы, миндалевидные глаза, брови дугой) без применения косметических красок для большинства женщин было нереальным. Кроме того, в период зороастрийской древности в регионе широко применялся косметический прибор, состоящий из сурмасанга и графита, о чем свидетельствуют количество и география находок камней для подведения глаз сурмой. Факт ритуального применения данного вида косметики фиксируется и в пережитках зороастрийской религии, дошедших до наших дней в отдельных региональных элементах обряда жертвоприношения, ныне связываемого с мусульманством.

В отличие от косметики, использование благовоний в зороастрийской культуре встречало самое благостное отношение. Их применяли не только для умащения тела. Употребление благовоний было обязательным условием во время проведения основных обрядов этой религии. Большое количество и широкая география находок миниатюрной тары для хранения, транспортировки и использования благовоний и косметических веществ, указывает на то, что косметика и парфюмерия в эпоху Кушан в жизни населения Центральной Азии имели большое значение.

1.3. Развитие искусства косметики и парфюмерии в VI - первой половине XIX вв.

Раннее средневековье. В этот период в среднеазиатском обществе продолжали развиваться традиции использования косметики, как

женщинами, так и мужским населением. Белила и пудры на свинцовой основе, а также румяна, факт использования которых зафиксирован в Тиллятепе (обнаружение их остатков в погребениях), продолжали бытовать и в декоративной косметике раннего средневековья. Есть доказательство применения в это время для крашения бровей усмы.

В эпоху Сасанидов знатные мужчины, проживавшие на левобережье Амударьи, подводили глаза сурьмой, что отчетливо видно по изображению на погребальной вазе VI века н.э. высотой почти полметра из буддийской ступы г. Мерва. У главного персонажа живописного очерка в четырех сценах, представленного в декоре вазы, окрашены веки, а также от внешнего края его глаз в направлении ушей проведены по одной горизонтальной линии на расстоянии, примерно равном длине глаза. Кроме того, под глазом и отходящей от него окрашенной черте проведена еще одна линия, теперь уже красная (рисунок 1.3.1). Точно такую же окраску вокруг глаз мы видим и на персонаже, изображенном в третьей сцене, - лекаре, сидящем у изголовья умирающего главного героя картины. Следы косметики обнаруживаются и на глазах изображенной дважды (во время венчания и при ухаживании за умирающим супругом) спутницы жизни главного персонажа и другой, сидящей с ней рядом, женщины. Следовательно, в раннем средневековье у жителей восточных провинций империи Сасанидов традиция украшать лицо красками бытовала у лиц обоих полов. Хотя ваза найдена в буддийской ступе, ее назначение (в качестве оссуария) и тематика представленных на ней сцен соответствуют зороастрийским традициям¹.

В декоративной косметике широко использовали индиго – глубокого синего цвета. Ею красили веки. Эту краску тохаристанцы поставляли даже в Китай. Видимо, краской индиго проставлены пятна - тикка на лбу и на щеке женских персонажей живописи Дильберджина. Жёлтый цвет, а также синий

---

¹ Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. – С. 214-221.

и даже чёрный, считались подходящими для лица высокородных дам. Красные кружки проставлены на лбу и над верхней губой у некоторых персонажей росписи Балалыктепе. Используя местные виды растений и животных тохаристанцы, видимо, производили разнообразные духи. Известно, что из Тохаристана в Китай поступали душистые снадобья. Для ароматизации одежды широко использовался путчук или специальный корень, дающий летучее масло с неповторимым запахом фиалки. Из Кабадиана он вывозился на восток. В качестве пудры, видимо, тохаристанки, использовали мирдасант – окись свинца. Во всяком случае - это косметическое средство поставляли в танский Китай иранские народы. Считалось, что мирдасант полезен при пятнах на лице и очень часто входил в состав мазей для лица. Его широко применяли ещё бактрийские женщины¹.

Отдельные уцелевшие фрагменты глазурованной посуды X-XII веков из Афрасиаба содержат изображения молодых женщин или женских божеств, у которых брови и глаза подведены декоративной краской (рисунок 1.3.2). Так, у одной из них от края глаз в сторону висков выполнены длинные линии. Такими же линиями, выполненными в краске, с двух сторон заканчиваются брови, соединенные вместе на переносице. Кончики этих линий оканчиваются легким закруглением, что только подчеркивает женское обаяние и темперамент. Кроме того, с помощью краски верхним линиям бровей придана дугообразная форма, для чего серединная часть каждой брови заметна утолщена.

А на лице другого такого персонажа, изображенного на согдийской (из Афрасиаба) чаше XI века, заметны точки на щеках, по одной на каждой щеке, изображающие искусственные родинки². Такие же две родинки выполнены

---

¹ История одежды Средней Азии [Электронный ресурс].

² Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). - С. 60, 73, табл. LXXV.

мастером на щеках человека, в форме головы которого изготовлена крышка керамического оссуария V-VII вв., сохранившегося в Самаркандкой области.

В рассматриваемую эпоху сурму для окраски бровей в Средней Азии применяли повсеместно. На это указывает география находок сурмасангов с отверстиями: в Тохаристане, долине Ферганы (в курганах Иссык-Куля)¹, Уструшане, Согде, Хорезме. Хорезмийский каменный карандаш такого назначения V-VII веков был найден в одном из могил на Борижарском некрополе, расположенном в Казахстане, в среднем течении реки Арысь².

На западе Средней Азии, в пределах Восточного Ирана, сохранились многочисленные раннесредневековые стеклянные и бронзовые сосуды с черной тушью, с пробками и вставленными в них аппликаторами для нанесения макияжа. Употреблялись и румяна, но в значительно меньшем количестве, так как, вероятно, их привозили из Китая³.

Говоря о стеклянных сосудах, отметим, что согласно Китайской хронике начала V века, в Средней Азии эпохи поздней античности уже функционировало собственное стекольное производство и здесь были мастера, знающие технику изготовления стекла⁴.

Памятники письменности сообщают о доступности населению Средней Азии различных косметических и парфюмерных средств. Согласно Истахри, в эпоху активного распространения в Мавераннахре мусульманства этот регион служил перевалочным пунктом для торговли косметикой и благовониями. По его словам, в регион доставляли мускус из Тибета и от киргизов («хырхызов»), затем отсюда вывозили его в другие страны⁵.

---

¹ Горбунова Н. Г. Древний Ферганский косметический прибор. - С. 180.

² В ЮКО археологи закончили раскопки четырех погребений на Борижарском некрополе [Электронный ресурс].

³ Гюиз Ф. Древняя Персия. – С. 297-298.

⁴ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. – С. 65.

⁵ Истахри. Китаб масалик ал-мамалик («Книга путей государств»). – С. 17; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 66.

Историк первой половины XIII века Мухаммад Бекран сравнил по качеству эти и другие сорта мускуса. Он утверждает, что мускус из Тибета был лучше киргизского. Оба эти сорта уступали хотанскому, но были лучше кашмирского. Он также описал способ получения такого вещества: «Мускус образуется в пупке больших газелей, которых называют дабет ал-мушк (т. е. мускусное животное), у них на лбу есть рога. Мускус образуется из крови, которая собирается в пупке этого животного, [пупок начинает] чесаться, и [животное] трется пупком о камни, деревья и палки до тех пор, пока мускусный мешочек не отделяется от него и не падает, и тогда [пупок] перестает чесаться... И случается, что когда купцы разрезают мускусный мешочек, оттуда выливается кровь, еще не застывшая. И [если] купец продает мускусный мешочек с таким изъясном, ему имеют право [его вернуть]»¹.

В Согде эпохи арабского завоевания косметические средства из Китая были предметами особой роскоши. В 726 г. царь Бухары отправил посольство в империю Тан с множеством дорогих подношений и просьбой оказать помощь в защите от арабских захватчиков. В Китае была озвучена еще одна просьба бухарского правителя, содержащая перечисление ответных подарков от Сюань-цзуна. В числе этих товаров правитель Мавераннахра просил для своей жены Хатуна наряд и косметику².

Приступим к детальному обзору археологических следов раннесредневековой косметики и парфюмерии в пределах разных регионов Мавераннахра.

Северный Тохаристан. Среди археологических материалов раннесредневекового Тохаристана сурмасанги встречаются во множестве образцов, даже коллекциями. Зачастую из погребений, как правило, женских, их доставали вместе с графитом. Это значит, что местные женщины

¹ Мухаммад Ибн Наджиб Бекран. Джахан-наме. – С. 51.

² Шефер Э. Золотые персики Самарканда. - С. 265-266.

сообразно требованиям моды широко использовали декоративную косметику, т.е. подводили глаза и брови темной краской.

Упомянем, например, о бронзовом сурмасанге, найденном в Кафыркале - буддийском памятнике VI – VIII веков (Вахшская культура). Длина инструмента 11,5 см, ширина граней 1-1,4 см. На одном конце сурмасанга выполнено сквозное отверстие диаметром 2 мм, другой конец заострен¹.

Веки красили в синий цвет посредством индиго. На лбу и на щеке женских персонажей живописи храма Диоскуров в Дильберджине (VI – VIII века) видны пятна, проставленные таким красителем. Для косметики лица знатных дам предпочитались цвета жёлтый, синий, даже чёрный. На лбу и над верхней губой у некоторых персонажей росписи Балалыктепе (VI – VII века) фигурируют кружки, проставленные красной краской. В качестве пудры тохаристанки использовали, видимо, окись свинца. Известно, что в этот период иранские народы вывозили такое косметическое средство в танский Китай. Его добавляли и в состав мазей для лица.

В Тохаристане для хранения косметических и парфюмерных материалов использовались металлические, керамические и стеклянные флаконы. Среди многочисленных стеклянных сосудов, найденных на севере этой области, преобладают флаконы с шаровидным туловом и узким цилиндрическим горлом (рисунок). Флаконы изготовлены способом свободного выдувания из прозрачного стекла, бесцветного или зеленоватого оттенка. Наличие рельефного узора на стенках отдельных сосудов указывает на факт выдувания стеклянной массы в форму. Встречаются также флаконы, украшенные припаянными стекложгутами².

Косметические сосудики их Дальварзинтепе в Сурхандарьинской области имеют форму миниатюрных горшочков, кувшинчиков и небольших

¹ Литвинский Б.А. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине. – С. 106, рис. 38-10.

² Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. - С. 138, табл. 88/37-42, 58,60,62.

плошек. Часть из них изготовлена лепным способом, другая часть – на гончарном круге¹.

В Тохаристане стеклянные флаконы эпохи раннего средневековья найдены в таких памятниках, как Калаи Кофирниган (рисунок 1.3.4)², Мунчак-тепа (Южный Таджикистан, долина р. Кофирниган), Болалик-тепа. Они датируются VI-VII веками и подобны согдийским (из Пенджикента). Упомянем также о подобных стеклянных сосудах, выисканных в Ортадепеслик (в Туркмении)³.

По отдельным прямым или косвенным признакам можно выявить некоторые признаки использования косметики на отдельных персонажах, представленных в произведениях живописи и резьбы (по алебастру, дереву и др.). Так, со сведенными, очевидно, посредством краски, бровями изображено, представленное в роскошном одеянии, четверорукое божество их Синьцзяна (рисунок 1.3.5). Божества в представлении людей должны были выглядеть идеалами красоты, значит, к востоку от Средней Азии сведенные вместе брови считались одним из показателей изящества⁴.

Согд. Искусствоведы, основываясь на содержании и технике пенджикентских росписей, усматривают в изображении уже отмеченного здесь «синьцзянского» четверорукое божества очевидное согдийское влияние⁵. Это косвенный признак того, что и в вопросе косметики лица жители этих областей придерживались общих или, во всяком случае, близких, традиций.

Развивая этот аспект, отметим, что в пенджикентских настенных росписях в сцене, изображающей царя и его приближенных (или гостей) глаза всех персонажей (мужских) сверху аккуратно подведены красной

---

¹ Пугаченкова Г. А. Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана С. 72, рис. 106.

² Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. – С. 215.

³ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. – С. 67-68.

⁴ Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. - С. 157.

⁵ Там же. - С. 157.

краской (рисунок 1.3.6). Причем у персонажа, изображенного по левую руку царя, красной чертой удлинены глаза в направлении висков.

Теперь о материалах археологической науки по согдийской раннесредневековой косметике. Сурмасанги из Пенджикентского городища, как и из других областей Мавераннахра, также характеризуются одним заостренным концом и наличием сквозного отверстия на противоположном конце (рисунок 1.3.7, слева)¹.

Несколько стеклянных парфюмерных флаконов и множество фрагментов таких сосудов найдены из раннесредневекового Пенджикента в Согде. Открытие здесь оборудованного помещения, служившего в качестве стекольной мастерской, наиболее ранней в пределах Мавераннахра, выявило, что найденные сосуды имеют местное происхождение. Флаконы (рисунок 1.3.7, справа) изготовлены методом свободного выдувания. Они имеют утолщенные, вогнутые внутрь, донья. У них тулово шарообразное, слегка сплющенное вверху или вытянутое наверху. Высота сосудов от 4 до 8 см, диаметр от 1,5 до 5,5 см. Горла флаконов узкие, воронкообразные с тонкими краями, у некоторых – прямые, цилиндрические с уплощенными горизонтальными краями. Декорирование флаконов осуществлено наклепными нитями-полосами. Примечательно оформление сплющенного флакона, на двух плоских сторонах которого отштампованы медальоны с вписанным человеческим лицом с диадемой на лбу².

Пенджикентские флаконы с более широким горлом служили, вероятно, для хранения косметических или лечебных мазей. Здесь найден, кроме того, четырехгранный стеклянный флакон с воткнутой в него заостренной палочкой. Очевидно, этот сосуд служил для хранения косметического материала.

---

¹ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. – С. 107, рис. 67-5.

² Там же. – С. 65-67, рис. 37.

Керамический поливной сосудик для хранения косметики выискан археологами в помещении № 5 дворца Калаи Кахкаха I в Бунджикате (Шахристан). Он датируется X – XII веками, превосходного качества и оформлен изображением черных рыбок на голубом фоне стенки флакона¹.

Среди находок из знаменитого раннесредневекового Пенджикентского городища встречается сосуд для подогревания усмы из литой бронзы, который датируется VIII веком (рисунок 1.3.9). Он при длине 8 см имеет округлый резервуар на плоском поддоне, длинный носик для переливания усмы и фигурную ручку. Как пишет известный археолог В.И. Распопова, сосуды такого назначения, вероятно, появились в регионе как раз в указанном столетии и в последующих веках они получили широкое распространение².

Развитое средневековье – первая половина XIX века. В эту эпоху для хранения транспортировки косметических и парфюмерных материалов в Мавераннахре широко распространились стеклянные флаконы. В Бухаре при Саманидах существовал целый квартал стеклоделов - «бутылочников» Он был расположен в юго-западной части городского ремесленно-торгового предместья (рабада)³. Вероятно, здесь был произведен, найденный при раскопках крепости Хулбук, стеклянный флакон X-XI веков, высота которой 10 см. Он представляет собой фигурный сосуд с цилиндрическим туловом, сужающимся к месту перехода в горловину. Горлышко, в свою очередь, расширяется кверху. На поверхности тулова имеется рельефный орнамент из сочетания медальонов и кругов (рисунок 1.3.9, справа)⁴.

---

¹ Негматов Н. Н. Средневековый Шахристан. - С. 33.

² Древности Таджикистана. – С. 209, рисунок 534.

³ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. – С. 65.

⁴ Древности Таджикистана. – С. 288, рисунок 730.

В Хульбуке обнаружены и другие флаконы, которым исходя из формы, дали условное название «сфероконус»¹. Подобная косметическая тара обнаружена и на Афрасиабе². Особенности стеклянных флаконов, найденных в Хульбуке, изучены Ш. Р. Ходжаевым. Он отмечает, что маленькие парфюмерные флакончики и баночки плоской формы, напоминающие современные пудреницы, подобно другой стеклянной посуде различного назначения, здесь производили методом свободного выдувания или в форму. Генезис этого ремесла исследователь, на основании археологического материала из Пенджикента, связывает с VIII веком. В IX-X веках помимо наиболее встречающегося (90 %) бесцветного и зеленого непрозрачного стекла, стали изготавливать также цветные стекольные изделия (белое, желтое, черное, фиолетовое, голубое, бордовое, ультрамариновое). Кроме того, мастера научились сочетать цвета в одном изделии разные цвета.

Флаконы Хульбука отличаются, не только по цвету, но и по форме горловины и методу декора. Так, встречаются горловины конусовидная с прямыми или выпуклыми стенками, цилиндрическая гладкая и с валиком в верхней части и др. Количество декорированных и не декорированных сосудов примерно одинаково. Для декора употреблялись такие методы, как ленточный налп, накладывание витых жгутов, припайка нитей в один или несколько рядов, узорная гравировка и штамповка, зашп³.

Принимая во внимание факт массовых находок небольших флакончиков, Ш. Р. Ходжаев указывает на широкое развитие аптекарско-парфюмерного дела в Мавераннахре в целом и в Хульбуке в частности⁴.

Множество фрагментов стеклянных сосудов для хранения парфюмерных жидкостей найдено при раскопках городища эпохи Саманидов в Иштихане (к

¹ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. – М.-Саратов, 2003. – Табл.3961,103.

² Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда – С.98-99.

³ Ходжаев Ш. Р. История ремесленного производства Хутталя (по материалам городища Хульбук). – С. 8, 145-146.

⁴ Ходжаев Ш. Р. История ремесленного производства Хутталя (по материалам городища Хульбук). – С. 169

западу от Самарканда). Учитывая обилие найденной миниатюрной посуды, Г. А. Пугаченкова предположила, что на этом месте в IX – X веках располагались лавки парфюмеров – атторов или же здесь была свалка, связанная с городским рынком. Стекла имеют разную окраску (желтоватое, голубое, светло-зеленое), есть и бесцветное. Разнообразны и формы стеклянной тары, с изящными петлевидными ручками. Правда, не исключено, что отдельные образцы использовались для хранения лекарственных препаратов¹.

Глиняный сосуд с уплощенным туловом и штампованным рисунком найден в Афрасиабе. Б.Я. Ставиский причислил его к группе «ампул святого Мины», происходящих из Восточного Средиземноморья, которые наполняли целебной водой из монастырского источника². Вместе с тем, форма и размеры этого сосуда (рисунок 1.3.8) позволяют представить флаконы с косметическими и ароматизирующими жидкостями (духами), которые были распространены в Мавераннахре и при Саманидах. Во всяком случае, вполне допустимо их применение в этих целях после употребления целебной воды.

В XI веке стеклянные парфюмерно-косметические флаконы получили распространение не только на равнинах. Образцы таких сосудов разной формы и размеров были найдены в поселении горняков Базардара на Восточном Памире³.

Нужно заметить, что в древних и средневековых изобразительных источниках занятие косметикой представлено весьма скудно. Один из редких исключений - женский персонаж, занимающийся косметикой лица, представленный в творчестве знаменитого персидского художника-миниатюриста Риза Аббаси (рисунок 1.3.10, слева). Среди знатоков эта картина известна под названием «Женщина с зеркалом», хотя, на наш взгляд,

¹ Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. - С. 167.

² Ставиский Б.Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда. - С. 101-102.

³ Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – С. 146-147.

более подходящим для нее представляется название «Девушка, занятая косметикой». При внимательном рассмотрении можно увидеть, что между большим и указательным пальцами правой руки она держит палочку с навитой на конце ватой – инструмент, которым традиционно наносили усму на брови и сурму на ресницы. Из-за отсутствия изображения тары, в которой содержится косметическое вещество, идентифицировать последнее невозможно.

Помимо пудры, для красоты лица, по всей видимости, в средневековом Мавераннахре находили применение завозимые из Индии краски. «Индийцы привозят сюда белые краски, которыми татары намазывают себе головы», - писал Э. Дженкинсон в XVI веке, перечисляя некоторые предметы торговли Бухары с Индией¹. Татарами путешественник называл всех бухарцев, а в приведенной цитате, очевидно, речь идет о белилах для косметики лица.

На чрезмерное употребление женами эмира Тимура косметических белил указал Р. Клавихо (XIV век), описывая сцену их появления в пышных костюмах на торжества в честь приезда внука государя из Малой Индии. По его словам, из-за большого количества белила, покрашенное лицо Каньо (ее истинное имя - Биби-Ханым) - старшей жены Тимура казалось бумажным. Точно также выглядели лица и других семи эмирских жен. Причину пристрастия этих женщин к косметическим белилам Р. Клавихо видит в их стремлении защитить лицо, как от палящего солнца летом, так и зимней стужи, особенно когда предстояли длительные поездки. Указанный испанский посол также пишет об очень черных волосах Каньо и стремлении местных женщин красить волосы в черный цвет².

В средневековье, как и сегодня, нанесение косметики было обязательной процедурой для невесты. Подготовкой невесты к свадьбе, ее

---

¹ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558–1560 гг. – С.

² Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко дворцу Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. - С. 293–294.

прической и косметикой занималась одна из женщин - машшота, которая имела специальные навыки¹. Такое название женской специализации зафиксировано в письменных источниках, по крайней мере, XIII века:

*Ҳеч пироя зиёдат накунад ҳусни туро,
Ҳеч машишота наёрояд аз ин хубтарат².*

Никакое украшение не сможет добавить тебе прелести,
Ни один косметолог не сделает тебя еще более красивой.

*Зи нақши рӯи ту машишота даст бозкашид,
Ки шарм дошт, ки хуршедро биёрояд³.*

Прелесть твоего лица отпугивает косметолога,
Который боится, что превратить его в солнце.

*Туро, ки ҳусни худодода ҳасту ҳаҷлаи бахт,
Чӣ ҳоҷат аст, ки машишотаат биёрояд?⁴*

У тебя есть божественная красота и покои счастья,
Так зачем тебе услуги косметолога?

---

¹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. - Т. 2. – С. 271.

² Саади Шерози. Газели. – С. 32.

³ Саади Шерози. Газели. – С. 192.

⁴ Хофиз Шерози. Сборник сочинений. - С. 127.

Хотя, как отмечалось выше, в регионе такая профессия, но уже прислуги, существовала уже при Ахеменидах.

Кроме того, среди городского таджикского населения встречались специальные мастерицы сурмакаш, которые клиентам подводили глаза сурьмой. Представительница этой особой профессии воспета в одном из стихотворений замечательного таджикского поэта XVII – начала VIII веков Сайидо Насафи, посвятившего в своем знаменитом произведении «Шахрошуб» оды 242 занятиям:

У той красавицы – сурмакаша глаза всегда окрашены сурьмой,
Пыль от ее шагов – глазная мазь для влюбленных¹.

В Мавераннахре косметическую сурму добывали в разных местах. В их числе, как следует из названия, был Сурматаш в Ферганской долине (в Кадамжайский район Башкентской области в Киргизстане), на границе с Таджикистаном. Высоким качеством отличались сурмасанги из высокогорной долины Шева с таджикским населением в верховьях Пянджа, которая ныне административно входит в состав афганского Бадахшана. Сурмасанг из Шевы ценился выше индийского, который завозился из Кашмира. Сурьма вместе с расположенными здесь пастбищами и знаменитым озером Бадр ул-Джамол составляла одно из трех главных достопримечательностей этой долины².

Можно полагать, что в средневековье изготовление и продажа парфюмерных и косметических товаров осуществлялась из одной лавки – дукон. Занятие лица, работавшего в этой лавке, считалось самостоятельным видом профессии. Соответственно, правила и взаимоотношения, связанные с

---

¹ Мирзоев А. Сайидо и его место в истории таджикской литературы - С. 218.

² Довудшох Сулаймоншох. Шева бо фирдавс дорад хамсарй [Электронный ресурс].

этим занятием, как и в других, должны были регулироваться особым трактатом – рисола. М. Гаврилов в своем сочинении, специально посвященном ремесленным трактатам, перечисляет многие занятия, имевшие специальные трактаты, однако профессия, связанная с получением и реализацией косметики и парфюмерии, в числе этих занятий не значится. Очевидно, такие виды работ входили в сферу деятельности работника, специализирующегося на изготовлении и продаже медикаментов, по сути, лекаря. Рисола, посвященная такому занятию, имела. Также существовали трактаты для занятий, близких к парфюмерии и косметологии – москательщиков (торговцев бытовыми химическими товарами) и торговцев пряностями¹.

В традиционной материальной культуре таджиков парфюмерно-косметический набор женщины включал семь составляющих – хархафт (букв. “все семь”). Сюда входили: хина для рук и ног, усма для бровей, румяна – сурхи и белила – сафедда / сафедоб, золотая крошка для осыпания на лицо – зарак, черная ароматическая смесь для умощения волос из мускуса (мушк) и амбры (анбар) – голия, сурма для бровей².

В Иране набор хархафт под названием хафткалаам (букв. «семь карандашей») известен и сегодня.

Перечисление составляющих косметического набора хархафт приводится в таджикско-персидском словаре XVII века «Бурхони котеъ». В нем отмечены следующие принадлежности набора: сурма, васма (усма), нигор, гоза, хол, сафедоб, зарак. При этом составитель словаря, отталкиваясь от опросных сведений, подчеркивает, что некоторые информаторы вместо хол (родинка - ?) говорят о голия³.

¹ Гаврилов М. Рисола сартовских ремесленников: Исследование преданий мусульманских цехов. – С. 4-6.

² Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 2. – С. 736.

³ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони котеъ. – Т. 2. – С. 97.

В «Гияс ул-лугот» голия определяется как сложная смесь, компонентами которой являются не только мушк и анбар. В ее состав входили также кофур (камфара), некое вещество духнулбон (?) и другие материалы¹.

Очевидно, здесь термины нигор и гоза служат синонимами для хины и сурхи соответственно. В словаре Мухаммадхусайна Бурхона приводится, что “гоза” служит названием материала красного цвета, которым женщины румянят щеки². По всей вероятности, это название происходит от корня “гоз” – волокно”. Следовательно, гоза представляла собой вату, содержащую красящее вещество красного цвета. Об обозначении термином “гоза” румяны утверждается и в “Словаре таджикского языка”, составители которого для обоснования такого мнения ссылаются на соответствующие строки из творчества поэтов Амир Хусрави Дехлави³ и Шамсиддин Шохин⁴.

Хархафт как термин косметического значения упоминается и в другом сочинении XVII столетия - «Истории Фаришта» индийского историка иранского происхождения Мухаммад Касима Фаришта. Вместе с тем, таджикская классическая поэзия и проза позволяет выяснить, что данный термин в качестве названия косметического набора употреблялся гораздо раньше. В частности, он встречается в творчестве поэтов XII века Авхад ад-Дина Анвари и Низами Ганджави.

Так, Анвари пишет:

¹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. - Т. 2. – С. 84.

² Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 2. – С. 273.

³ *Мард, ки рӯяш зи ғазо ғашт зард,*

Сурхи рӯ боядаш аз гоза кард.

Когда из-за тягот жизни поблек цвет твоего лица,

Позволит вернуть ее свежесть лишь румяна.

⁴ *Мешуст ба мавчи ашк аз хаши,*

Аз сурмаву гоза оразу чаши.

Волной слез смывал в ярости,

Сурьму и румяну из глаз и лица.

*Дӯш аз дарам даромад сармасту беқарор,
Ҳамчун маҳи дуҳафтаву ҳарҳафт карда ёр¹.*

Вчера пришла ко мне хмельная и непоседливая,
Подобно двухнедельной луне и разукрашенная хархафтом.

Соответственно, у Низами читаем:

*Ҳамчун моҳи дуҳафта аз сари ноз,
Карда ҳарҳафт аз он чи ёбад соз².*

Подобно двухнедельной луне надменно,
Разукрасила себя всем, что казалось пригодным.

Примечательно, что хорасанский поэт Анвари жил и творил в Абиварде, Тусе, Балхе, следовательно, слово «хархафт» входил также в лексикон таджиков Мавераннахра.

Наряду с тем, для обозначения косметических красок независимо от их вида (усма, хина и др.) и назначения (для окраски волос, бровей, рук или ног) применялся специальный термин – «хизоб».

*На вусма-ст он, ба дилбандӣ ҳазиб аст,
На сурма-ст он, ба ҷодуӣ каҳил аст.
Сарангуитони соҳибдилфиребаи
На дар ҳинно, ки дар хуни қатил аст¹.*

¹ Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 2. – С. 736.

² Там же.

Это не усма, а пленительная краска,
 Это не сурьма, а краска для колдовства.
 Пальцы той очаровательной феи
 Окрашены не хной, а кровью убиенных.

Упоминание А. Рудаки (IX-X вв.) красителя хина в увязке с кистью невесты указывает на глубокую историю традиции хинабандон - предсвадебного обряда у таджиков и иранцев, во время которого выполняли узорное окрашивание хиной ладоней и ступней невесты.

*Лола даруни кишт бихандад ҳаме зи дур,
 Чун панҷаи арӯси ба ҳино шуда ҳазиб².*

Радость полевого тюльпана виднеется на горизонте,
 Подобно кисти руки невесты, окрашенная хной.

Заметим, что отдельные случаи совершения этого обряда фиксируются и в наши дни. Заслуживает внимания заметка неизвестного составителя сочинения XIII века «Аджаиб ад-Дуня» о том, что жители города Сурмари в Армении придерживаются обычая краситься хиной, но несмотря на это, совершают намаз³. Из этого вытекает, что обычая краситься хиной придерживались, как правило, немусульманские народы. Непонятно, кроме того, кто именно, мужчины или женщины, или те и другие, использовали такую косметику.

¹ Саади Шерози. Газели. – С. 60; Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 2. – С. 476.

² Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям. – С. 81.

³ Аджайб ад-дунья. – П. 522.

Традиция использования усмы в качестве косметического вещества также имеет многовековую историю. Сложно определить время зарождения этой традиции. Подчеркнем лишь, что в XIII - XIV веках в Хорасане более употребительным был термин «васма / вусма», о чем свидетельствует его упоминание в косметическом значении в творчестве ширазских поэтов Хафиза (*Кас натавонад гирифт домани давлат ба зӯр, кӯишии бефоидаст васма бар абруи кӯр*)¹ и Саади (*Чаҳон бар абруи ид аз ҳилол васма кашид, ҳилоли ид дар абруи ёр бояд дид*)², а также Джами (*Зи вусма абрувонро кор пардохт, ҳилоли идро қавси қузаҳ сохт*)³.

В “Словаре таджикского языка” термин “усма” определяется как туркское наречие, а “васма” – арабское. Филолог М. У. Бобомуродова ставит под сомнение такой подход, обратив внимание на фонетическое родство этих терминов⁴.

Заслуживает внимания упоминание Хафизом и другого косметического термина – «голия»⁵. Это служит свидетельством того, что практически все составляющие хархафта были известны, как минимум, уже в эпоху развитого средневековья.

Особо примечательна одна из газелей Саади, в четырех строках которой упоминаются три вида косметики - усма (вусма), сурма и хина⁶.

Поэт Абдулло Хотифи дает понять, что указанными материалами украшали свои лицо и руки и дамы из царских домов. В частности, он

¹ Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 1. – С. 227.

² Там же.

³ Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 1. – С. 246.

⁴ Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям. – С. 79.

⁵ Гар ғолия хушбӯ шуд, дар гесӯи ӯ печид,

В-ар вусма камонкаш гашт, дар абруи ӯ пайваст. - Хофиз Шерози. Сборник сочинений. - С. 36.

⁶ На вусма-ст он, ба дилбандӣ хазиб аст,

На сурма-ст он, ба чодуй қахил аст.

Сарангуштони сохибдилфиребаш

На дар хинно, ки дар хуни қатил аст. – Саади Шерози. Газели. - С. 74.

красочно описывает действия мастерицы прихорашивания машшота, украшавшей красавицу Ширин накануне ее уединения с царем Хосровом:

*Яке машшотай шириншамоил
 Нишаста пеши он мушкинсалосил...
 Зи сурхй рехт бар гул аргувонро,
 Ба сурма кард мушкин охувонро.
 Ду тоқи нилгун аз вусма бикищод,
 Сипехри шиваро қавсу қузаҳ дод.*

Привлекательная машшота

Присела рядом с той благоухающей всеми ароматами...

Нанесла румяну, порозовели ее щечки,

Подвела сурмой ее притягательные глаза.

Подкрасила вусмой полочки ее бровей

И обрели эти средства жеманства форму лука¹.

Здесь следует оговориться, что стремление обнаружить косметические термины в старинных памятниках письменности не преследует целью выявление истоков использования тех или иных веществ такого назначения. Материалы, приведенные в начальном параграфе настоящей работы, служат свидетельством того, что генезис традиций применения основных косметических материалов происходил еще в неолите. Упоминание какого-либо термина в древней литературе позволяет делать заключение той или иной точности о начальных хронологических границах его употребления в

¹ Хотифи Абдулло. Ширин ва Хусрав. - С. 100.

качестве названия конкретного вещества. На наш взгляд, такой подход не лишен научной ценности.

Заслуживает внимания разные варианты использования в прошлом термина «хина» в качестве фразеологизмов и имеющих значение идиом. Так, фраза хинаи нуги нохун («хина на кончиках ногтей») означала несуществующую вещь, нохунхой дасташ дар хина (ногти рук в хине) – неспешное выполнение работы, дар пой хина бастан («привязывать к ногам хину») – медленную походку, хина ба каф ниходан («наложить хину на ладонь») – бездельничать¹.

Подобного рода идиомы применялись и по отношению к сурме. Так, выражение сурмаи гети шустан («очистить сурьму мира») означало исчезновение ночной мглы и наступления зари, а оборот сурма аз чашм бурдан («удалить сурьму из глаз») использовался для обозначения хитрости и изворотливости².

В «Словаре тюркского языка» Махмуда Кашгари (XI век) говорится о румянах анлик – красной краске, которую женщины наносят на скулы, киршан / убу – белила³. Очевидно, что термин, приведенный последним, имеет родство с таджикским названием указанного вещества – «упо».

Одной из причин популярности сурмы как косметики для глаз служила убежденность местных жителей в ее полезном побочном воздействии. Врачи рекомендовали ее использование в лечебных целях, для исцеления глазной болезни. На ее основе, из окиси цинка, готовили мазь⁴. Полезные свойства сурмы для зрения подчеркнуты, в частности, в «Аджаиб-наме». В этом энциклопедическом сочинении XIII века сурма описывается как вещество, защищающее волосы в ресницах и бровях. Отмечается, что

¹ Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям. – С. 80-82.

² Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 1. – С. 276.

³ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк. – С. 118, 144, 410.

⁴ Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 2. – С. 380.

окрашенные ресницы служат защитой от ослепляющего света при продолжительном путешествии по снежной долине. В противном случае, пишет Мухаммад ибн Махмуд, человек может ослепнуть. Ресницы и брови, по его словам, созданы для усиления зрения. Осыпание ресниц приводит к полной потере зрения. Беление ресниц вызывает снижение видимости, поэтому желательно поддерживать их естественный черный цвет. Он же утверждает при этом, что ресницы никогда не теряют свой естественный цвет¹. В этом наставлении косвенно угадывается мысль о пользе крашения бровей усмой.

Занимательны приведенные в данном источнике рецепты для повышения лечебной действенности сурмы. Оказывается, для этого достаточно протирать сурму мухами – слепыми в темноте насекомыми² или добавить в порошок сурмы измельченные жемчужины³. В средневековье знали рецепт повышения блеска сурьмы косметического назначения. Автор «Аджаиб-наме» предлагает для этого приготовить смесь сурьмы и меди⁴.

Согласно информации времен Газневидов и Сельджукидов, для крашения волос в черный цвет в Хорасане применялось масло степного мака – лола / шакоик⁵. В Средней Азии издревле встречались мужчины, придерживающиеся практики окраски волос. После распространения здесь ислама, данная практика проявлялась в склонности к крашению бороды с целью сохранения ее, как правило, черного цвета. Автор XV – XVI веков Ф. Сафи (сын известного прозаика Х. Кошифи) в своем произведении “Латоиф ут-тавоиф”, представляющем сборник юморесок, рассказывает о некоем мужчине, который красил свою со временем седеющую бороду. При этом он

---

¹ Мухаммад ибн Махмуд ибн Ахмад Туси. *Аджаиб-наме*. - С. 370, 380.

² Там же. - С. 594.

³ Там же. - С. 150.

⁴ Там же. - С. 153.

⁵ Там же. - С. 299.

говорил окружающим, что он употребляет особый сорт халвы, позволяющий сохранить бороду черным¹.

Самым желанным мужским ароматом считался черный мускус, который добывали из пупка особого рода оленей кабарга. Особо ценился мушки ноб / азфар (чистый / отборный) как лучший сорт этого благовония. Применялся также истолченный / порошковый мускус - мушки суда².

Один из видов парфюмерных веществ назывался гулоб – розовая вода, ароматическая жидкость на основе лепестков роз³:

Гирифта нофаи Чин бӯйи мушк аз он гесу,

*Гулоб ёфта бӯйи чинон аз он ораз*⁴.

Аромат от ее кос, что в мускусном мешочке китайской газели,

Розовая вода от ее лика, что благовоние райских садов.

В «Мулхакот ас-Сурах» Худжанд, благодаря изобилию в городе благовоний, назван земным раем. Там «земля усыпана ароматными растениями и цветами», - писал автор этого сочинения XIII – начала XIV веков Джамал ал-Карши⁵. Очевидно, изобретательные и смысленные трудолюбивые местные жители, своей деятельностью обеспечившие родной город славой одного из наиболее развитых ремесленных центров Мавераннахра, умело пользовались и этими природными богатствами и производили разные сорта парфюмерных товаров.

¹ Сафи Ф. А. Латоиф ат-тавоиф. - С. 174-175.

² Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 1. – С. 785.

³ Там же. – С. 285.

⁴ Хофиз Шерози. Сборник сочинений. - С. 157.

⁵ Джамал ал-Карши. Мулхакот ас-Сурах. - С. 80.

Косметические свойства растений в трудах ибн Сино. Знаменитый таджикский ученый – энциклопедист Абуали ибн Сино в своем фундаментальном труде “Канон врачебной науки” дал разностороннюю характеристику растений и при этом не забыл указать на их косметические свойства. Так, применительно к водяному перцу / горцу перечному (лат. *Persicaria hydropiper*) – занджабил ал-килаб он пишет, что в свежем виде данный овощ, истолченный вместе с семенами, очищает лицо от шрамов и уничтожает веснушки¹.

Косметические свойства смолы - зифт он видит в том, что лекарственная повязка из зифта способствовала росту волос при “лишьей” болезни, вызывающей выпадение волос. Кроме того, смола, приклеенная и с силой оторванная с ногтей, сводила с них белые пятна. Задерживанию выпадения волос помогал и кресс-салат / клоповник посевной (лат. *Lepidium sativum*) - хурф, использованный в виде питья или мази².

Медики рекомендовали употребления наскального растения тимьян / чебрец (лат. *Thymus*) – хаша для рассасывания бородавок. С этой целью можно было также воспользоваться настойкой, приготовленной на основе сирийского сорта лука порей (лат. *Allium porrum*) – куррас и сумаха (лат. *Rhus*) - татум. Ученый лекарь отмечал также, что бородавки, а также родимые пятна можно было удалить и с помощью сока молочайных растений (лат. *Euphorbiaceae*) – йатту³.

Много молочайного растения растет в долине Варзоба, по руслу ее притока Зидди, где, как сообщает доктор В. И. Липский, местные жители называли его как ихроч / точгул⁴.

¹ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные главы. - С. 416.

² Там же. - С. 419-420.

³ Там же. – С. 421, 434, 441

⁴ Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. – Ч. 1. – С. 94-95.

При «лишьей» болезни помогало и растение асафетида / камедь ферулы вонючей (лат. *Ferula assa-foetida*) – хилтит / камол / ров / рошак, когда его в виде грязевых лепешек с уксусом и перцем намазывали на голову¹.

В Мавераннахре асафетида была в изобилии. Доктор В. И. Липский писал, к примеру, что на дороге из Самарканда в Бухару, недалеко от Фараба по две стороны от реки Ходжи-Мансур асафетида росла в неизмеримом количестве. Много срезанных корней этого растения попались на глаза ученому на горном пути из Ягноба в Рамит. Из срезанных частей сочился сок, о лечебно-косметическом значении которого местные жители были прекрасно осведомлены². Вывозом корней асафетиды славился и средневековый Мерв³.

Использование травянистого растения индийский сафлор / ипомея плющевая (лат. *Ipomoea*) – хаб ан-нил помогало от болезней барас и бахак, вызывающих появление пятен на коже⁴.

Ибн Сино рекомендовал прикладывать ржавчину железа – хадид с вином для улучшения внешнего вида ногтей. Указанное действие, по его словам, помогало при ногтееде⁵.

Для избавления от веснушек на лице ибн Сино рекомендовал использование корня мандрагоры (лат. *Mandragora*) – йабрух. Для этой цели ученый предлагал также потолочь свежий и сухой жасмин (лат. *Jasminum*) – ёсуман и его раствором вымыть лицо в бане⁶.

Для осветления кожи лица рекомендовалось мыть его соком кумин (лат. *Cuminum*) – коммун – разновидности травянистых растений тмин – зира. Можно было или принять умеренное количество такого сока внутрь.

¹ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные главы. - С. 423.

² Там же. – С. 52-53, 192.

³ Худуд ул-Олам. – П. 42.

⁴ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные главы. - С. 425.

⁵ Там же. – С. 427.

⁶ Там же. – С. 431.

Ибн Сино при этом предупреждал, что в случае чрезмерного принятия этого напитка происходит пожелтение лица¹.

Лекари времен Саманидов были прекрасно осведомлены об отменных косметических и ароматических свойствах сельдерея / петрушки (лат. *Apium*) – карафс / джаъфари. Его рекомендовали для удаления бородавок, трещин на ногтях, а также при выпадении волос («лисьей болезни»). Принятие настойки садовой петрушки «придает очень приятный запах дыханию», - писал ибн Сино².

Забавным представляется, очевидно, обоснованная рекомендация знаменитого средневекового врача об использовании собачьей мочи – колб для удаления бородавок. Ибн Сино при этом не подтверждает бытовавшее в то время мнение, будто благодаря этому веществу можно сгустить волосы или препятствовать росту выщипанных волос³.

Слезой дикой виноградной лозы – карм / дикдак рекомендовалось подтирать бородавки и веснушки. Она при совместном использовании с оливковым маслом также помогала сведению волос. Ибн Сино специально подчеркивает, что дар применения в качестве косметического средства слеза домашней виноградной лозы неприемлема из-за ее слабости⁴. Жителям Мавераннахра был доступен карм местного происхождения. В частности, много дикого винограда встречалось на каменистом русле р. Хурсан, протекающего по Гиссарскому хребту⁵.

Наиболее сильным средством для сохранения и сращивания волос ибн Сино считал ладан (лат. *Olibanum*) – ароматическую смолу из одноименного дерева. Причину особой полезности этого вещества для волос ученый видел

---

¹ Там же. – С. 435.

² Там же. – С. 438.

³ Там же. – С. 443-444.

⁴ Там же.

⁵ Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. – Ч. 1. – С. 93-94; Ч. 2. – С. 387.

в его разреженности, способности глубоко проникать в направлении корней волос и очищать материю вокруг них. Однако это свойство ладана действительно, считал ибн Сино, лишь на начальной стадии облысения. Такая смола не избавляет от «лисьей» болезни, отмечал он. Нужно при этом заметить, что о полезности ладана в качестве благовония – качества, известного с древности, в сочинения ученого не сообщается¹.

Минерал ляпис-лазурь – лоджувард, пишет ибн Сино, сводит бородавки. Очевидно, такой камень нужно было прикладывать к бородавкам².

Ученый высоко ценил косметическую ценность горького миндаля (лат. *Prunus dulcis var. amara*) – лавз / бодом. Его рекомендовалось использовать для избавления от веснушек, кровоподтеков, пятен, загара, разглаживания опухоли лица. Особенно действенным для уничтожения веснушек ибн Сино считал отвар корня этого дерева³.

Внимательное изучение «Канона врачебной науки» позволяет специалистам установить много рецептов и режимов приготовления косметических средств на основе природных материалов и в этом заключается еще один аспект большой научной ценности указанного трактата великого средневекового ученого Абуали ибн Сино.

Выводы по второму разделу заключительной главы:

Средневековье выступает как эпоха дальнейшего развития косметических и парфюмерных традиций таджикского народа. Изучение художественных источников показало, что в этот период косметическими красками пользовались и женщины и мужчины. Письменные источники свидетельствуют, что уже в раннее, тем более развитое, средневековье были известны все основные виды традиционных косметических материалов и

---

¹ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные главы. - С. 445.

² Там же. – С. 445-446.

³ Там же. – С. 449.

благовоний. Их потребительские свойства были тщательно изучены и зафиксированы в медицинских трактатах, в частности трудах Абуали ибн Сино.

В пределах Согда, Тохаристана, Хорезма и Ферганы все большее распространение для изготовления тары для такого рода веществ получает стекло. При Саманидах Бухара пользуется славой наиболее значительного центра изготовления миниатюрной художественной стеклянной посуды. Образцовым в этом контексте представляются миниатюрные флакончики из Тараза, датируемые X – XI веками. Этот город, расположенный на юге Казахстана, на границе с долиной Ферганы, в 893 году был включен в состав государства Саманидов. Находки представляют собой красивые стеклянные изделия с яйцевидным корпусом и длинным горлышком, который заканчивается раструбом¹.

Под управлением династии Саманидов Мавераннахр становится крупным перевалочным пунктом для торговли косметикой и благовониями. Данные археологии указывают на широкое распространение этих материалов и в горных районах Мавераннахра. Помимо материалов местного происхождения, жителям региона становятся доступны косметические и ароматизирующие вещества из Индии и Китая.

В мусульманское средневековье рекомендации шариата подталкивает женщин к активному использованию косметики и благовоний, причем тон в этом деле задают женщины из аристократических семей. Получает дальнейшее развитие использование труда представительницы специализированной профессии косметолога – машшота. Теперь это занятие не прислуги, что имело место еще со времен Ахеменидов, а людей, пользующихся в обществе достойным статусом.

---

¹ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. - С. 168.

Устанавливается традиционный парфюмерно-косметический набор хархафт / хафткалаам, объединяющий семь составляющих. У таджиков и других иранских народностей необъемлемой частью свадебного ритуала становится обряд хинабандон. Косметические вещества и благовония занимают прочное место в жизни таджикской женщины. Неотъемлемость их места в народном быту отражается в возникновении на основе главных видов традиционной косметики целого ряда фразеологизмов и идиом.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ КОСМЕТИЧЕСКИХ И ПАРФЮМЕРНЫХ ТРАДИЦИЙ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

2.1. О роли косметики в достижении эстетического идеала у таджиков (по материалам дореволюционных русских авторов)

Материалы, приведенные в первом параграфе начальной главы настоящей работы показывают, что косметическое искусство возникло еще в древнейший период развития человечества. Однако в качестве самостоятельной сферы искусства и как составная часть костюмного комплекса ее стали признавать лишь в 1867 году, во время функционирования Международной выставки в Париже. Парфюмерно-косметическая промышленность вычленилась в самостоятельную область как порождение совместного и взаимодополняющего существования или, так называемого, симбиоза парфюмерии и мыловарения. В XX столетии к этим двум составляющим косметики добавилась еще одна – фармацевтика, вовлечение которой обеспечило косметическим средствам новое полезное свойство – лечебное. И это, естественно, придало новый импульс развитию парфюмерно-косметической отрасли.

Однако в любом случае, нужно признать, что главным назначением косметики остается, как и прежде, улучшение внешности человека. С учетом данного аспекта, рассмотрим материалы источников, в которых дана авторская оценка, нередко сравнительная, внешности таджиков. Одновременно будем акцентировать внимание на мнения авторов этих сочинений, об используемых у этого народа средствах воздействия на внешность и, в первую очередь, за счет применения косметических средств.

Внешность таджика-горожанина. Приведем ее характеристику такой, какой в 1820-1821 годах видел барон Е. К. Мейендорф, который

происхождение данного народа связывал с древними согдийцами. По заключению этого автора, таджикам свойственны коренастая фигура, европейские черты лица и красивый цвет кожи. Он отмечал, что таджики имеют черные волосы и по степени смуглоты уступают персам. Особенностью лица таджика, по Е. К. Мейендорфу, является всегдашнее выражение покорности и спокойствия¹.

А. Д. Гребенкин, изучивший этнографию Зеравшанской долины, пишет, что в городские таджики представляют собой цвет населения округа, по облику и по всему телосложению они стоят выше всех остальных его народностей. Лица у них, преимущественно, правильной формы, с чисто европейскими чертами. Лица нежные, белого цвета, с чуть заметным оттенком смугловатости. Нежности кожи лица могло способствовать использование косметических мазей. Телосложение легкое, грациозное, но не сильное. Глаза большие и с продолговатым разрезом, черные, изредка голубые. Волосы, как правило, черные, но иногда встречаются и рыжие. Брови прямые, точно подведенные. Борода густая, по форме разнится от окладистой до клиновидной. Форма носа от орлиного до «топорного».

Интересно, что А. Д. Гребенкин многие антропологические черты таджиков связывает с их смешением с другими народами. Так, причину появления у отдельных таджиков рыжих волос он видит в помеси с евреями или татарами. Помесь разных народов особенно отразилась на форме носа, по которой внимательный наблюдатель может заметить наличие персидской, еврейской, афганской и прочей крови. А. Д. Гребенкин отмечает, что еврейские и персидские черты преобладают в облике самаркандских таджиков, охотно вступавших в брак с представителями указанных народов, в большом количестве проживавших в этом городе. Брак таджика с красивой

---

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 103.

еврейкой или прекрасной персиянкой положительно сказывался на привлекательности облика его потомства, отмечает А. Д. Гребенкин¹.

Сравнительный анализ мнений иностранных авторов, побывавших в рассматриваемый период в Средней Азии, о внешности таджикской женщины показывает, что в целом, они положительно отзывались об облике горожанок, но давали отрицательную характеристику внешности горянок. Так, русский управленец и горный инженер Т. С. Бурнашев, посетивший Бухару в самом конце XVIII века, писал о приятной физиономии местной (городской) женщины, что в какой-то мере компенсировала отчетливые изъяны, связанные с их нарядом. Его особо впечатлили черные, живые и блестящие глаза, немало украшавшие лица бухарских дам².

Е. К. Мейендорфа впечатлили “черные, полные огня глаза, великолепные зубы и очень красивый цвет лица” уроженок г. Бухары. По его словам, местные женщины, когда встречали на узких городских улочках какого-либо члена русского посольства 1820-1821 года, тайком приподнимали с лица черную вуаль, давая возможность “увидеть их прекрасные глазки”³. Очевидно, русский барон писал о женщинах, которые свои зубы не красили в черный цвет.

Вместе с тем, русские авторы с сожалением писали о том, что из-за установившегося образа жизни таджикская женщина преждевременно старела и ее красота рано угасала. Раннее замужество, замкнутость, полное подчинение воле мужа не могли не сказаться на ее здоровье и красоте. В частности, живописец и литератор В. В. Верещагин в 1883 году утверждал, что судьба среднеазиатской женщины более печальна, чем у персиянок и турчанок, не говоря о европейских дамах. Он указал на более низкое гражданское положение местной женщины, большую замкнутость и

---

¹ Гребенкин А. Д. Таджики. – С. 6-7.

² Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары и обратно в 1794 и обратно в 1795 году. – Ч. 3. – С. 90.

³ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 148.

отверженность от супруга, по сути своего властителя. В ее чисто семейной деятельности В. В. Верещагин видел, скорее, физический и даже животный аспект. «С колыбели запроданная мужчине, неразвитым, неразумным ребенком взятая им, она, даже в половом отношении, не живет полную жизнью, потому что к эпохе сознательного зрелого возраста уже успевает состариться, задавленная нравственно ролью самки и физически работою вьючной скотины», - с горечью отмечает он¹.

Наряду с этим, В. В. Крестовский указывает еще на одну причину раннего старения женщин в Средней Азии. Причину, которая имеет непосредственное отношение к разрабатываемой нами теме. Он пишет: «К сожалению, они портят свою естественную красоту тем, что очень уж мажутся и раскрашивают себя разными косметическими снадобьями домашнего изделия»². Так он писал о горожанках.

Итак, выясняется, что в дореволюционный период, несмотря на то, что в городах таджикская женщина не имела возможности в обществе показать свое лицо, особенно тем, кто более других склонен оценить ее красоту (т.е. мужчинам), она все же уделяла большое внимание прихорашиванию себя. Объектом ее пристального и скрупулезного внимания и тщательного выбора в вопросе формирования внешности служили не только одежда и украшения, но и косметика. Причем, как видим, здесь она нередко перебарщивала, пытаясь делать незаметными появившиеся на лице морщины, стремясь подчеркнуть сладострастие своих глаз, норовя привлечь внимание к своим губам и т.п. Можно не сомневаться, что в этом аспекте костюма замужние женщины вряд ли уступали девушкам, готовившимся к началу супружеской жизни.

Этого вопроса почти семь десятилетий ранее В. В. Крестовского затрагивал Е. К. Мейендорф. Назвав бухарских дам «прекрасными

---

¹ Верещагин В.В. Из путешествия по Средней Азии.

² Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 276-277.

созданиями», он недоумевал, почему они не ценят свою естественную красоту, перебарщивая в использовании косметики и «пропуская через ноздри кольцо». Тем самым, женщины уродуют себя, писал Е. К. Мейендорф¹.

Внешность таджика-горца. А. Д. Бобринский характеризует типичного горного таджика как человека с сильно загорелым, коричневого оттенка, лицом. Изредка, по его словам, встречается темно-смуглый и красный загар лица. По форме лица, как правило, продолговатые, но есть и скуластые. Глаза сидят глубоко, они по цвету коричневые, зеленые, серые и, очень редко, голубые. Нос выдающийся. Если он с горбинкой, то он тонкий, если же без горбины – длинный, ноздри большие. Встречаются, продолжает он, и широкие носы, с тупым окончанием. Что касается волос на лице и голове, А. А. Бобринский указывает на их густоту, темно-каштановый, реже черный, а также, очень редко, белокурый цвет. Данный автор отмечает внешнее сходство типа горного таджика с европейцем и евреем. Он добавляет при этом, что есть и другие типы, а такую разнородность обуславливает разобщенностью и замкнутостью жителей, принявших в горах и ущельях².

Что касается внешности горной таджички, графа А. А. Бобринского, к примеру, она не впечатлила. На его субъективный взгляд, таджикская горянка непривлекательна, у нее худое и грубое лицо, нездоровое и бледно-желтое, одутловатое и с тупым выражением. Не добавляет ей привлекательности походка (вялая), повседневный наряд (грязная рубаха), прическа (растрепанные волосы) и даже голос со смехом (грубый). Причину такого отрицательного явления А. А. Бобринский видит в раннем замужестве, из-за чего здоровая и свежая девочки-подростки 7 - 15 лет быстро превращаются в истрепанных и изношенных старух. Выйдя замуж,

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 148.

² Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 47.

они по большей части проводили пассивный образ жизни в свои темных, сырых и дымных домах, что не могло не сказаться на их здоровье и внешности. По его словам, в горных селениях ему не удалось увидеть ни одной молодой женщины в полном расцвете сил, здоровой и жизнерадостной.

Как отмечалось выше, раннее замужество было характерно и для женщин из равнинных областей. Однако там они, по словам очевидцев, выглядели намного привлекательнее. Столь ощутимую разницу А.А. Бобринский объясняет следующим: «Ранний брак в скудной и суровой обстановке горцев, связанный при этом с нездоровой работой, предоставленной женщине обычаем, почти исключительно дома сильнее должен быть отзываться на горной женщине, чем на женщинах, одинаково рано вступающих в брак, но находящихся в других, более благоприятных условиях климата и экономической обстановки»¹.

Топограф М. А. Варыгин, составивший подробное описание Кулябского бекства, дал характеристику внешности таджичек из предгорных районов. Живописно подбирая эпитеты, он пишет, что среди них часто встречаются весьма красивые женщины с правильным овалом лица, «матовым цветом румяных щек», «замечательно красивым носом», черными бровями правильной дуговой формы, «миндалевидными глазами и пунцовыми губами небольшого рта» и все это гармонирует между собой эффектно. Далее этот автор косвенно выражает свое согласие с А. А. Бобринским, с горечью отмечая, что «раннее замужество, непосильная работа и тяжелое положение этих невольниц закона и рабынь полновластных супругов скоро кладет неизгладимый след горя, болезней и недостатка». Положение замужней женщины в семье М. А. Варыгин уподобил вьючному животному, на которого возложены все тяготы. «Немудрено, поэтому, -

---

¹ Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53-54.

пишет он, что все женщины скоро старятся и ходят нетвердой поступью, согнувшись в три погибели в 25-30 лет»¹.

Внешность человека, очевидно, определяется не только телосложением, формой, цветом и чертами лица, видами и количеством использованной косметики, но и другими костюмными атрибутами. Поэтому приведем краткое описание женского и мужского одежных комплексов, бытовавших в рассматриваемый период в равнинных и горных районах. Отдельно остановимся на характеристиках причесок и украшений.

Женская одежда в равнинных районах. Здесь, как и повсеместно, материал для платья выбирали исходя из семейного достатка. Так, в селениях девушки и женщины в будни носили рубахи из грубой хлопчатобумажной материи карбос, в праздники надевали платья из ситца или кумача. В городах одевались побогаче. Мало-мальски зажиточная горожанка шила для себя платье из гладкого или узорного кумача или же из ярких ситцев с крупными узорами. В праздники горожанки наряжались в платья из адраса, канауса и других шелковых тканей².

В холодное время года надевали два платья – похуже снизу, поновее, наряднее сверху. Поверх платьев носили ватный халат, такой же, как у мужчин, однако, в отличие от них, халат не подпоясывали³. Верх ватных халатов шили из ситца, узорного кумача, шелковой или полушелковой материи. В богатых семьях женщины поверх рубах носили шубу, покроем которой не отличался от покроя ватного халата. Шубы были на меху барашка, лисы или дикой кошки, с оторочкой из бобра, куницы или выдры⁴.

При выходе на улицу все пестроту своей одежды женщина прятала под длинным, почти по земле волочащимся, по большей части серого цвета,

¹ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства.

² Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – С. 48-49.

³ Опоясывание халатов женщинами производилось лишь, когда они держали траур.

⁴ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – С. 50.

халатом фаранджи, накидываемым на голову. На лицо опускалась густая черная сетка из конского волоса, сквозь который решительно не было возможности видеть черты лица. Такое одеяние скрывало от прохожих и лицо, и наряд, и склад ее фигуры. Вся разница в уличном наряде разных женщин заключалась в большей или меньшей свежести их фаранджи и обуви. Двигаясь, женщина, укутанная в фаранджи, производила, по образному выражению русского автора XIX века, впечатление неуклюжей, безмолвно скользящей, мумии. В свою очередь, Э. С. Вульфсон в 1908 году писала, о сартянках, что «молча подвигаются они своею плавной торопливой поступью и с непривычки кажется, глядя на эти таинственно закрытые лица, что не люди это идут, а какие-то заведенные куклы». Вместе с тем, она отмечает, что даже в таком виде в зависимости от стройности и гибкости стана можно было составить мнение о возрасте и здоровье таинственной незнакомки¹.

Обувь женщины в городах состояла из ичигов с калошами. У себя дома они ходили босиком.

Женская одежда в горных районах. В высокогорьях женская одежда состояла из длинной широкой шерстяной или хлопчатобумажной рубахи и шаровар со штанинами, туго охватывающими ноги у щиколотки. Низы шаровар обшивались пестро вышитой тесьмой. В горах женщины лиц не закрывали, значит, обладали возможностью выставлять свою красоту напоказ, в том числе мужчинам, не входящим в число родственников. Логично, что в этом случае желание и необходимость использовать косметические средства только усиливается. На голове они носили небольшую плоскую тибетейку, поверх которой, особенно при выходе на улицу, набрасывали платок небольших размеров. Концы платка свешивались по спине, несколько прикрывая только затылок и косы. Платки обыкновенно

---

¹ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – С. 6-7.

из тонкой бязи (карбос), по углам были вышиты простейшим орнаментом, или просто знаками. В холодную погоду поверх рубахи надевали шерстяные халаты, наподобие мужских. Халат прочной работы назывался чакман или чапан, его изготавливали из шерсти естественного цвета – коричневого, белого, серого¹.

Носили женские рубахи с очень длинными рукавами, гораздо ниже колен. Во время пляски они, особенно жители верховьев Зеравшана, размахивали концами рукавов платья как русские женщины платками. Ворот платья обшивали широкой узорной тесьмой, прорез делали прямой, вертикальный, или горизонтальный на обоих плечах.

Мужская одежда. Главным в мужской одежде был халат, который носили жители всех сословий. Исключение составляли бедные люди, работники, а также дети, которые летом ходили только в рубашке и шароварах из местной хлопчатобумажной материи карбос, как правило, белого цвета. Рубашка эта имела прорез на плече, завязываемый тесемками. Работали в поле зачастую в одних лишь шароварах, а многие дети в селениях, да и городах, ходили совершенно голыми. Люди состоятельные носили рубашки из ситца, узорчатые, с большим воротником и с откровенно длинными рукавами. Поверх рубахи они надевали ситцевый цветной халат, почти всегда ярких цветов, легкий или на вате согласно времени года. Халат этот подпоясывали целым куском бумажной материи (фута / камарбанд / миёнбанд), несколько раз обвивающим стан. В складках такого пояса помещали всякую всячину: деньги, нож, чашку, пузырек с табаком насвай. Конец пояса служил носовым платком, полотенцем при омовениях, предписанных религией, наконец, салфеткой при еде. Если к этому прибавить маленькую, расшитую шелками тибетейку на бритой голове, то это и было домашним одеянием обеспеченного мужчины.

---

¹ Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 52-53.

Однако чтобы выйти на улицу, сверх надетого халата рядовой мужчина надевал нараспашку другой, а голову обматывал чалмой, большей частью белой. Под чалму на голову надевали плоскую белую тюбетейку аракчин. Нередко верхний халат просто набрасывался на плечи, без вдевания рук. Это была уже одеждой не только среднего, но и высшего класса жителей. Обыкновенно верхний халат был из полуселковой материи¹.

Иногда можно было видеть употребление кожаного пояса вместо матерчатого. Тогда на поясе сбоку висел кошелек и футляр для ножа.

Обувью служили ичиги махси, сверх которых надевали калоши с загнутыми вверх носками.

Очевидцы сообщают, что городские жители из числа мужчин любили щеголять своею одеждой. Нарядившись в пестрый костюм, мужчина-горожанин в праздник выходил на улицу пощеголять им перед знакомыми².

Приведем с сокращениями, как А. Д. Гребенкин занимательно описал времяпровождение типичного таджика долины Зеравшана в праздничный день³: «Утром, часов в семь таджик начинает одеваться... Он надевает чистое белье, сурмит брови, подводит глаза. Жена или сестра помогают ему одеваться, прикрашиваться. Халат, пояс не так сильно занимают таджика, как чалма. Он повязывает ее перед зеркалом, переменяет повязку несколько раз; советуется с женой или сестрой по несколько раз: к лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убедившись, что чалма наверху на голову совершенно к лицу, он выходит из дому.

По улицам он идет, закинув голову кверху (мы говорим о таком таджике, который купил к празднику весь новый туалет)... Встречая знакомых, хуже его одетых, он не узнает их и проходит мимо... Он заходит к

---

¹ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. – С. 255-256.

² Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. - С. 114.

³ К. Ельницкий, позаимствовавший через два десятилетия приводимый далее текст у А. Д. Гребенкина, вместо слова «таджик» пишет «сарт». См. Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. - С. 118-119.

знакомому купцу в лавку, садится в ней и посылает за чаем в чайную. Чай принесен. Таджик пьет его... Халат у него полуспущен с плеч, видна белая рубашка. Время от времени он снимает чалму, потряхивает тюбетейку над головой и опахивается рубашкой, как веером... Проходящие рассматривают наряд нашего гуляки, толкуют о достоинствах владельца подобного костюма...

Так же точно, с несущественными изменениями, поступают и все купившие себе обнову, т. е. все достаточные люди из таджиков. Уже под вечер... вызвав достаточно зависти, показавший себя таджик идет домой. Дома, вертясь в своем наряде перед женой или сестрой, он, с мелочной подробностью и с огромными прибавлениями против действительности, рассказывает им... как прохожие удивлялись ему, костюму его...

Наряд, одежда в таджикской среде играет весьма важную роль, служит оценкой деятельности, положения в обществе. Таджик по платью встречает, по платью же и провожает. Кто всегда одевался хорошо, щеголял своим платьем, и вдруг появился на гулянье в старом, тот вызовет на счет себя со стороны его знающих или только видевших его хотя бы один раз самые щекотливые замечания и пересуды... Вот почему таджик будет отказывать себе в пище, в поправке своего жилища, но постарается появляться в людном месте в праздничные дни в обнове, одетым не хуже того, как его привыкли обыкновенно в такие дни видеть. В будний день, за малыми исключениями, таджик ходит в отрепьях¹.

Прическа. В Средней Азии женщины издавна носили длинные и густые волосы, а голову покрывали платком. Эта традиция зачастую соблюдается и в наше время.

В средневековье девушки и молодые женщины в равнинных районах до рождения первого ребенка (иногда даже и второго) заплетали волосы в несколько кос, как правило, от 4 до 8 и более. По этой причине, в Ферганской

---

¹ Гребенкин А. Д. Таджики. – С. 47-49.

долине молодух называли по-узбекски «беш-кокул» (с пятью косами). Число заплетенных косичек у девочек нередко доходило до 12. Из них две иногда висели впереди ушей. Девочки надевали на голову вышитую шелками плоскую шапочку с длинным, узорчатым накосником, из-под которого выбивались наружу их косички¹.

Замужние и пожилые женщины заплетали две косы². А. П. Шишов пишет, что овдовев, женщины здесь опять возвращались к беш-кокул, до нового замужества³.

Согласно мадам Э. С. Вульфсон, годам к 10 девочки начинали уже причесывать голову как взрослые. С этого же возраста они начинали также подкрашивать брови и ресницы, надевать различные украшения⁴.

В косы вплетали шнурки, скрученные из ваты, к которым подвешивали монеты и серебряные украшения. Существовало поверье, что если концы кос оставались не закрепленными шнурком, при летнем горячем ветре (гармсел) волосы выпадали⁵.

Частенько можно было видеть, подвешенный к косам, чочпопук – привески из полого шара с припаянными к нему конусом или цилиндром, опять же полых, но с резным узором. Через эту серебряную привеску пропускалась черная тесьма, которая внизу переходила в кисть⁶. Другим видом украшения для волос являлась трубочка гуломи («для рабов»), подвешиваемая за ушами. Через трубочку пропускали завязываемый внутри нее длинный локон из собственных, но чаще из чужих волос. Трубки украшались вставками из драгоценных камней и были связаны между собой

¹ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 275.

² Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 92.

³ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). – С. 143.

⁴ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – С. 98.

⁵ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 92.

⁶ Гейер И.И. Туркестан. – С. 135.

черной тесемкой, при помощи которой украшение укреплялось на голове (тесемка проходила по темени)¹.

Пробор всегда выбирался прямой и посередине лба. После прихода русских в городах многие франтики стали оставлять за ушами по локону кокул. На концах каждой косы или косички заплетали скрученный из ваты шнурок. При необходимости (и это было не редкостью) к волосам добавляли фальшивые косы, которые заплетали обыкновенно из своих же выпадающих волос².

В 1880-х годах в Бухаре среди молодых была мода небольшую прядь волос с надлобного мыска закручивать на лбу круглым завитком, предварительно смочив ее клейким составом. Этот завиток волос плотно приставая к коже на лбу, сохранял приданную ему форму³.

В горных районах (верховья Пянджа) женщины аналогично расчесывали волосы на две половины и заплетали в две косы. При этом волосами закрывали уши. В косы из грубых, как правило, жидких и коротких волос заплетали шерсть, чтобы они смотрелись длинными и пышными. Косы женщины носили сзади, девушки – спереди. К концам кос привязывали, более для сохранности, нежели как украшения, ключи, кольца, серьги, разные безделушки⁴.

Э. С. Вульфсон пишет, что городские щеголихи к косам подвязывали бусы и всякие побрякушки, а в селениях, помимо этого, подвязывали иногда для тяжести небольшой просверленный камешек. Делалось это, чтобы коса не болталась при движении. По ее словам, женщины и девочки в Средней Азии очень любили украшать свои волосы цветами. Эта традиция была распространена и у мужчин, которые весной втыкали цветок в тюбетейку,

---

¹ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – С. 103.

² Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 92.

³ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 276.

⁴ Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.

около ушей. Девушки, кроме того, они сдирали с ветвей тоненькие полоски коры с совсем молодой листвой и вплетали их в косы¹.

Существовал обычай (на равнинах) на макушке головы мальчиков оставлять не выбритый прядь волос, который торчал из-под тюбетейки. К детским тюбетейкам матери прикрепляли перышки ястребов и филинов, а также треугольные амулеты с изречениями из Корана².

В горных районах мальчикам выбривали верх головы, оставляя волосы на висках и нижней части затылка. На этих местах волосы отрастали длинными кудрями – зулф и оставались такими до 15-летнего возраста³.

Украшения. Среди женщин кольца, серьги, браслеты, бусы, коралловые амулеты и т.п. Серьги с массой привесок иногда могли иметь длину до четверти аршина (у горожанок) и чтобы своей тяжестью не прорывали ушей, подвешивались к волосам за ушами или к платку⁴.

На это обратила внимание и Э. С. Вульфсон. По ее словам, среднеазиатские женщины были «очень падки и до различных украшений: всевозможные бусы, кораллы, серьги, кольца браслеты, разные привески – все это предмет мечтаний и зависти туземной женщины. Чем длиннее серьги, тем сильнее они манят щеголиху, и иная, смотришь, нацепить пару до четверти аршина в длину со всеми побрякушками, весу же настолько солидного, что частенько прорываются уши⁵».

Мужская косметика. У таджиков в средневековье мужчины, согласно письменным источникам, к своему внешнему виду относились очень придирчиво, что отразилось на их косметических традициях. Рассмотрим их, проводя параллели с аналогичными обычаями, которые наблюдались и у других народов, проживавших с таджиками по соседству.

¹ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – С. 49, 53.

² Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. – С. 1497.

³ Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 95-96.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - С. 398.

⁵ Вульфсон Э. С. Как живут сарты. – С. 52.

П. И. Демезон сообщает о существовании в Бухарском эмирате практики крашения мужчинами усмой своих бород¹. Здесь персы, по словам Е. К. Мейендорфа, красили бороду в красный цвет, используя сок истолченной травы хина. Затем борода перекрашивалась в черный цвет, а предварительное использование хины позволяло ускорить процесс придания волосам черного оттенка. Занимательно его замечание, что отдельные жители Бухары окрашивали хиной в красный цвет хвост белой лошади².

Хиной для окраски бороды пользовались и таджики, на что обратил внимание В. В. Крестовский. По его словам, в Бухаре у коренных жителей расчесанная и надушенная борода иногда была «подкрашена в темный бурокрасноватый цвет с каким-то даже лиловатым отсветом»³.

Указанный русский дипломат, имевший в последний день 1882 году аудиенцию в составе посольства от имени Туркестанского генерал-губернатора у бухарского эмира Музаффары, приводит свои наблюдения об использовании им косметики: «Борода у эмира по персидской моде несколько подкрашена, отливая на свете не то красноватым, не то, как будто, даже лиловато-бурый цвет. Щеки, как показалось мне, были несколько набелены и поддурмянены, а брови и глаза как будто слегка подведены»⁴. Впрочем, далее он оговаривается, что возможно, тут дело не в косметике⁵. Однако если учесть, что даже рядовые мужи в праздники пользовались косметическими средствами, приукрашивание ими государя в дни церемоний выглядит вполне естественным.

Основоположник среднеазиатского Просвещения А. Дониш писал, что эмир Музаффар каждый божий день начинал с получасового туалета. Стоя у

---

¹ Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. – С. 52-53.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 148.

³ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 274.

⁴ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 135.

⁵ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 274.

зеркала, он причесывался, крашился сурьмой и румянами¹. О пользовании эмиром Музаффаром косметики (подкрашивание бороды, бровей, глаз и щек) также писал, имевший личную беседу с ним в 1874 г., руководитель азиатского департамента Российского МИД Н. П. Стремоухов².

Н. А. Маев, будучи на приеме у эмира Абдул-ахада в 1877 году, в своих путевых заметках написал про насурмленные веки и у этого мангитского правителя Бухары³.

О подкрашивании сурьмой мужчинами из числа таджиков долины Зеравшана бровей и подведении глаз в праздники писал в 1872 году А. Д. Гребенкин⁴.

В. В. Крестовский пишет также о явно выкрашенной в темно-каштановый цвет бороде Дурбин-инака - шигаула (обер-церемониймейстере) эмира. Шигаулу в то время было лет за пятьдесят⁵.

Тот же В. В. Крестовский пишет также, что в столице Бухарского ханства сурмление глаз было в моде и у мужчин. Для примера он указывает на упомянутого выше шигаула Дурбин-инака и на самого эмира⁶.

Здесь к месту привести еще одну заметку о моде, распространившейся в Бухаре в 1820-е годы, подражая которой местные франты выщипывали волосы из верхней части щек, причем зачастую эта операция выполнялась в парикмахерских города⁷.

Согласно И. И. Зарубину, в Шугнани в начале XX века обычая подводить сурьмой глаза придерживались как женщины, так и мужчины. Памирские мужчины, по примеру своих жен, считали, что сурьма обостряет

¹ Ахмад Дониш. История мангитской династии. - С. 81.

² Стремоухов. Н. П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) // Русский вестник. - М., 1875. - № 6. - С. 630-695.

³ Маев Н. А. Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 года. - С. 298.

⁴ Гребенкин А. Д. Таджики. - С. 47.

⁵ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. - С. 162.

⁶ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. - С. 277.

⁷ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. - С. 148.

зрение и охраняет от сглаза¹. Существование этой традиции наблюдалось и в советский период. Этнограф М. С. Андреев в 1950-х годах писал про отдельных мужчин из долины Хуфа, которые подводили свои глаза сурмой. Они верили, что графит очищает глаза от пыли. Кроме того, здесь мужчины изредка подкрашивали седеющие бороды в черный цвет². Кроме того, согласно материалам середины XX века, мужчины на Памире наносили себе родинку на переносице, графитом или иглоукалыванием краской или сажой³. сажой³.

Русский ученый - ботаник и путешественник В. И. Липский отмечал, что среди подарков, которые в Бухаре с удовольствием получали местные жители от русских, им особенно нравились зеркала. Здесь даже седовласые старики очень любили смотреться в них, поглаживая свою бороду, которую воспринимали в качестве почетного украшения⁴.

В Бухаре среди мужчин, принадлежащих к этноконфессиональной группе эрони, был распространен обычай крашения рук хиной. Считалось, что это позволяет рукам обрести дополнительную силу, из-за чего хиной красили руки участники козлодрания, борбы или боя непосредственно перед состязаниями. Про влияние хины на результаты противостояний здесь ходили легенды. А. Мардонова отмечает, что у эрони мужчины прежде красили хиной свои седеющие бороды, а к середине 1980-х годов так поступали только с мизинцем правой руки⁵.

Таким образом, несмотря на то, что искусство косметики и парфюмерии как неотъемлемая составляющая костюма стала признаваться лишь во второй половине девятнадцатого столетия, к этому времени эта

---

¹ Зарубин И. И. Сказание о первом кузнеце в Шугнани. - С. 1168.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 254.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 254.

⁴ Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. - Ч. 1. - С. 36.

⁵ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. - С. 108.

область народного искусства наработала продолжительную историю и богатые традиции. Истоки этих традиций берут начало с древнейшей эпохи, а в период древности и средневековье они прочно вошли в народный быт.

Учитывая основное значение косметики как приема для улучшения человеческой внешности, заслуживает внимания отзывы инородных наблюдателей о природной внешности народа и факторах, которыми пользовался он для соответствия идеалу красоты эпохи.

Исходя из этого, идеалу мужской красоты таджика в лице мужчины-горожанина соответствуют коренастая фигура, легкое и грациозное, но не сильное, телосложение, европейские черты лица и нежный, красивый цвет кожи, белый с чуть заметным оттенком смуглоты. Отмечается использование косметики для обеспечения нежности кожи. Правильная форма лица, его выражение покорное и спокойное. Черные волосы, большие с продолговатым разрезом глаза, черные, изредка голубые. Брови прямые, точно подведенные. Борода густая, по форме разнится от окладистой до клиновидной. Форма носа от орлиного до «топорного». Разнообразие форм носа у таджиков связывается со смешением крови, источниками которых выступили персы, узбеки, евреи, афганцы и другие народы. Появления у отдельных таджиков рыжих волос видится в помеси с евреями или татарами.

Идеалом таджички иностранные наблюдатели видят горожанку. Они отмечают приятную физиономию городской таджички, черные, живые и огненно блестящие глаза, служившие значительным украшением для лица очень красивого цвета. Дана характеристика зубам как великолепным. Одновременно дореволюционные авторы писали о ранней утрате таджикской женщиной своей красоты, объясняя это ранним замужеством и условиями затворничества (замкнутость жизни и полное подчинение воле мужа). Другим фактором раннего старения таджички указывалось избыточное использование косметики в ущерб естественной красоте.

Типичный горный таджик дореволюционного периода - человек с сильно загорелым, с коричневым оттенком, лицом. Изредка загар лица темно-смуглый и красный. Форма лица - продолговатая, иногда скуластая. Посадка глаз глубокая, цвет - коричневый, зеленый, серый, изредка голубой. Нос выдающийся, тонкий с горбинкой или длинный без горбины, большие ноздри. Есть и широкие носы, с тупым окончанием. Густые волосы на голове и в бороде, цвет темно-каштановый, реже черный, изредка белокурый. Подмечено внешнее сходство типа горного таджика с европейцем и евреем. Разнородность типов связывается с разобщенностью и замкнутостью жизни в условиях гор и ущелий.

Русские дореволюционные авторы к внешности горной таджички относились, по большей части, критически. В составленной ими общей характеристике, отмечается, что она, по преимуществу, непривлекательна, с худым и грубым, нездоровым бледно-желтым, одутловатым и ничего не выражающим лицом. Ее походка оценивается как вялая, одежда как грязная, прическа как неизящная, голос и смех как грубые. Эти отрицательные качества принято было связывать с положением женщины в дореволюционном обществе – ранним замужеством, пассивным образом жизни после заключения брака, отсутствием санитарно-гигиенических условий (темнота, сырость и задымленность). Ко всему этому следовало добавить непосильную работу, тяжелое невольничье положение, сходное со статусом рабыни, способствующем формированию неизгладимого следа горя, болезни и недостатка. Замужнюю женщину уподобляли выючному животному, на которого возложены все тяготы жизни, из-за чего она скоро старилась и в 25-30 лет ходила нетвердой поступью, согнувшись в три погибели.

При этих условиях в горных районах очень редко можно было встретить молодых женщин в полном расцвете сил, здоровых и жизнерадостных.

Однако на основе внешних качеств маленьких девочек и тех редких молодых женщин, внешность которых оценивали как привлекательную, был составлен идеал красоты таджички из горных районов. Это весьма красивая женщина с правильным овалом лица, матовым цветом румяных щек, замечательно красивым носом, правильными дугами черных бровей, миндалевидными глазами, небольшого рта, пунцовыми губами и эффектной гармонией между собой всего этого.

2.2. Эволюция традиций в области косметики и парфюмерии в конце XIX - первой половине XX века

Начиная с последней трети XIX века, в Средней Азии общественная жизнь стала протекать под влиянием русской политики и культуры. Степень этого воздействия в различных районах региона была неодинаковой: она зависела от того, в какой мере здесь распространялась власть Российской империи. В наибольшей степени изменения коснулись жизни и быта населения среднеазиатских городов и сел, включенных в состав русского государства – Самарканда, Пенджикента, Худжанда, Ферганской долины и др. В пределах Бухарского эмирата – государства, сохранившегося в урезанных границах, хотя по факту признавшего вассальную зависимость от русских, местная власть по существу противодействовала прониканию чуждой культуры. Однако в любом случае, материальная культура среднеазиатских народов теперь подвергалась в той или иной мере интенсивной трансформации, что отражалась и на их косметических и парфюмерных традициях и пристрастиях. В употребление входили новые косметико-парфюмерные материалы, новые приемы и обычаи их использования, однако всё же, определяющее значение имела

преимущество традиций. Такой вывод напрашивается на основе художественных и, еще в большей мере, письменных источников, о которых речь пойдет ниже.

У таджичек в этот период косметические средства находили применение для ухода и придания красоты коже лица, зубам, бровям, ресницам, волосам на голове, пальцам и ногтям на руках и ногах.

Косметика лица. Лицу придавали определенные оттенки белилами из риса или яичной скорлупы, а также румяной (фуксин)¹. Другой материал – свинцовые белила упо (*Plumbum carbonicum*) в виде белых конусообразных кусочков – по большей части привозимые из России. Его употребляли в качестве пудры для беления лица женщины, у которых кожа на лице была желтой².

Помимо завозимой, употреблялась и пудра местного изготовления сафедаи калъаги. Ее делали из серебра (считалась лучшей) или цинка с оловом. В котел бросали исходные материалы в пропорции 5 г олова на 100 серебра или цинка. Закрыв котел сверху глиняной чашкой, разводили интенсивный огонь. Через час такого обжига перекаленную массу собирали и просеивали через марлю в сосуд. Полученная описанным способом пудра пользовалась большим спросом, например, в Раште. Считалось, что она очищает лицо от пятен и угрей. Рекомендовалось смешивать пудру с женским молоком и ежедневно натирать таким составом лицо на ночь³.

Таким образом, “сафеда” и “упо” являются названиями одного и того же материала – белой пудры. Слово “упо” встречалось по большей части в северных районах проживания таджиков, в то время, как в южных районах в употреблении было слово “сафеда”:

---

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - С. 398.

² Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

³ Широкова З. А. Одежда. – С. 188.

*Аз дур нигоҳ мекунам болора,
Ин полизи сабзу қади Давлатмора.
Давлатмои мо сурхӣ задай рухсора,
Бе сурхию сафедӣ ту куштай мора¹.*

[Я издали смотрю на горизонт,
На зеленую бахчу и стан (прекрасной) Давлатмо.
Моя Давлатмо подрумянила личико,
Хотя свела меня с ума и без румяны с пудрой].

В долине Хуфа женщины для косметики лица, помимо пудры сафедаи калъаги собственного приготовления, пользовались еще сывороткой – гиноч. Из сыворотки делали маленькие шарики, которые сушили. Этими шариками протирали лицо каждый раз после умывания².

Для придания щекам румянца женщины использовали красную вату эйлик / сурхи:

*Дар боғут даром аз барои навдаи нӯш,
Духтар дидум, сурхӣ задай дар бари рӯш³.*

[Зашел в твой сад унести ветку,
Увидел деву, подрумянившую щеку].

Тагоба намедаром бари навдаи гуш,

¹ Сокровищница устного творчества. - С. 71.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. – С. 524.

³ Сокровищница устного творчества. – С. 60.

Ин чўраи чун сурхӣ задай дар бари рӯи¹.

[Не войду в воду за веткой камыша,
Моя милая подрумянила щеку].

Красную вату приготавливали в Коканде и в Ташкенте. Ташкентская вата встречалась в незначительном количестве, по качеству она уступала кокандской. Для получения этого косметического материала корень растения неизвестного названия из семейства «бурачниковые» настаивали в воде. Когда вода приобретала розовый цвет, в нее опускали вату. Этой красной ватой для придания щекам румянца пользовались в Средней Азии все женщины повсеместно. Не были исключением и девочки².

Уход за лицом включал также выдергивание мелких волосков со щек и со лба – кошчини («срывание бровей»), что выполнялось с помощью нитки³.

Косметика бровей. Осуществлялась соком растения усма (*Ysatis tinctoria*), разводимого в садах и огородах. Из свежих, частично осушенных, листьев протирали усмы между ладонями выжимали сок, который стекался вдоль опущенного мизинца одной руки на дно пиалы или чашки. Крашение бровей усмой в старину выполняли с помощью прутика милчуб / нилчуб. С появлением спичек брали одну палочку, например камышинку или от спички, на кончик которой навивали вату, получая кисточку. Обмакивая кисточку о сок усмы, проводили ею по бровям. Красили также линию промежутка между бровями (на переносице), хотя нередко усмой намазывали только брови. В первой половине XIX века мода на соединение краской бровей между собой господствовала, например, в г. Бухара (рисунок 2.2.1)⁴.

¹ Там же. – С. 239.

² Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

³ Широкова З. А. Одежда. – С. 188.

⁴ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 148.

Иногда проводили линию в продолжение бровей на висках. Также пользовались приемом искусственного удлинения бровей цепочкой родинок – думи қош (“хвостик брови”). Этим приемом украшения лица пользовались многие девушки, что нашло широкое отражение в народном фольклоре:

*Думи қошат аз думи дукам борик,
Як лаҳза набинам, бе ту дунём торик.*

[Хвостики твоих бровей тоньше ручки веретена,
Не увижу тебя на мгновенье, весь мир во тьме].

*Болояки Мадрушкат регои дурушит,
Як теппаша гул корем, як теппаша мушк.
Як теппаша мушк коштем, ҳосил нестай,
Холои сиёҳи думби қошат мара кушит.*

[За Мадрушкатором суровые пески,
На первый холм посею цветы, на другом – мускус.
Холм с мускусом не дал нам урожая,
Меня сразили родинки в хвостиках твоих бровей].

*Эй духтараке, алафи ошат бошам,
Холои қатори думи қошат бошам.*

[Хочу быть зеленью в твоей еде,
Линией родинок в хвостиках твоих бровей].

*Аз хона баромадӣ ба сад дарду алам,
Холҳои қатори думби қошатба мурам.*

[Я вышел из дома с тысячью более и обид,
Готов умереть ради линии родинок в хвостиках твоих бровей].

*Холои қатор дорӣ мунанд худи мош,
Мунандаи ҷунварон чинемшун ба талош.*

[Твоя линия родинок как ряд из маша,
Постараюсь собрать их как насекомых].

*Абрӯи кушода дори, холҳои қатор,
Аз рӯи сафедат задасам бӯи баҳор.*

[У тебя открытые брови и линии родинок,
Твое яркое лицо издает запах весны].

*Эй ёри азиз, чаими хуморат мара кушт,
Гӯш андохтам, гиряи зорат мара кушт.
Дорам талабе, туро канорамба гирам,
Ду қоши сиёҳ, холи қаторат мара кушт¹.*

[Твои страстные очи, любимая, сразили меня,

---

¹ Сокровищница устного творчества. – С. 120, 133, 166, 168, 175, 210, 220.

Прислушался, твой плачь погубил меня.
 Желаю крепко прижать тебя к себе,
 Твои черные брови с линиями родинок сразили меня].

Сеанс крашения повторяли три раза. Второй и третий сеанс крашения назывался обдавони. Каждый раз после очередной покраски бровей их оведали с помощью картона или сложенной в два-три слоя бумаги и смывали холодной водой. Крашение бровей усмой повторяли через два-три дня. Окраска держалась довольно долго (рисунок 2.2.2).

Свежевыжатый красильный сок имеет грязновато-зеленый цвет. После высыхания он приобретает цвет индиго (темно-голубой).

Косметическую окраску бровей в Средней Азии осуществляли все женщины из числа оседлых жителей, в том числе и девочки. Красили брови даже девочкам, которые еще не умели ходить (рисунки 2.2.4-2.2.6)¹.

Наиболее красивыми считались брови резко очерченные, широкие и соединенные над переносицей - кошпайванди.

*И раҳои Муҷихарф шишабандӣ,
 Духтарои Муҷихарф қошпайвандӣ.
 Эй дил, агар оҳану пӯлод шавӣ,
 Обут мекуна духтари қошпайвандӣ².*

[В Муджихарфе дороги перекрыты,
 У муджихарфских девчат брови соединенные.
 О сердце, даже если ты из железа и стали,

¹ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 447.

² Сокровищница устного творчества. – С. 44)

Будешь покорен девушкой с соединенными бровями].

В этом случае окрашенная линия бровей была сплошной, широкой у переносицы и суживалась к концам.

Считалось, что сок усмы способствовал росту бровей¹. Однако В. В. Крестовский считал, что лицо женщины от сведения бровей толстой линией усмы становится некрасивой. Стремление местных дам к такой косметике он объясняет придать своей физиономии жгучую страсть темперамента. Они считали, что естественно сросшиеся брови – прямой признак наличия оног².

П. И. Демезон упоминает усму в числе товаров, завозимых в Бухару из Индии и Кабула³. Такое сообщение встречается и у Е. К. Мейендорфа⁴.

Традиция окраски бровей проявилась со всей своей устойчивостью в Самарканде, где и сегодня невеста накануне свадьбы проходит через специальный обряд, когда ей, в том числе, красят брови усмой⁵.

В горных районах для косметики бровей зимой пользовались соком высушенной усмы, привозной из долинных зон. Так, в верховья Зеравшана такое растение завозилось из Самарканда. Во время протирания высушенной усмы ее разбрызгивали теплой водой. Затем полученный сок усмы разогревали вместе с сосудом. Крашение бровей также производилось в теплом помещении, а их промывку холодной водой выполняли только после появления нужного оттенка. В связи с вышеизложенным, такой краситель называли усмаи чушак («кипяченная усма»). Таким образом, ее противопоставляли соку, полученному из свежих, частично осушенных листьев – усмаи тар⁶.

¹ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 105.

² Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С. 277-278.

³ Демезон П. И. Записка П.И. Демезона. – С. 52-53.

⁴ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 148.

⁵ Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда. - С. 260.

⁶ Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям. – С. 78-80.

Народный фольклор сохранил название еще одного вида усмы – джойдори:

*Қошатба кашидй усмаи чойдорй,
Сад сол гузарад ба дасти номард хорй¹.*

[Хоть красишь ты брови с усмаи джойдори,
Но с подлым и через сто лет останешься униженной].

Косметика ресниц. Осуществлялось посредством сурмы (Antimonium crudum) – черного порошка. Ее доставляли из России, хотя существовала и сурма среднеазиатская, добываемая в местных горах. Чернение ресниц было распространено у взрослых женщин. С помощью спички частички порошка вкладывали в глаз. При закрывании глаза происходило одновременное окрашивание обеих век. Этот прием повторяли несколько раз, чтобы получить требуемую степень окрашивания ресниц. Техникой окраски ресниц женщины владели в совершенстве, выполняли ее быстро, чтобы не повредить глаза².

Сурму хранили в специальном флакончике или мешочке – сурмадон. Флакончик был серебряный, на цепочке, украшенный бирюзой. Франтихи носили его, используя в качестве дополнительного украшения³.

Как отмечает этнограф М. С. Андреев, в долине Хуф соблюдали традицию в течение 40 дней окрашивать сурмой ресницы новорожденного. Местные жители уверяли, что эта мера делает глаза ребенка большими и блестящими, а также очищает их от пыли.

¹ Сокровищница устного творчества. – С. 242.

² Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

³ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. – С. 147.

Для косметического использования сурмы издревле получил широкое применение набор из графита и каменного стержня сурмасанг. На Памире каждый раз перед применением такого набора стержень (на местном наречии - бундж) проводили по поверхности графита местного происхождения – чирс. Графит перед его использованием обжигали в очаге, располагая внутри кизяка, или выдерживали несколько дней в кислом молоке. Мешочек, в котором девушки и женщины хранили комплект бундж – чирс, здесь называли бунджхалта. Такой мешочек или каменный карандаш бундж с помощью нитки, продетой в его отверстие, девушки и женщины носили на груди¹.

Не исключено, что для подкрашивания ресниц иногда использовали усму. Во всяком случае, вряд-ли случайно, что П. И. Демезон писал о вреде такого растительного сока для глаз, которые, по его словам, «слабеют, краснеют и слезятся»².

Косметика волос. В рассматриваемый период для мытья головы мыло не применялось. Чтобы волосы стали гладкими и блестящими, в теплый период года их мыли квашенным кипяченым молоком катик / джургот. Зимой для этой цели служил специально запасенный творог, который разводили в теплой воде. В этот сезон года волосы смазывали также сырыми яйцами. Одним из лучших материалов для придания волосам крепости и роста считалась бычья или коровья желчь³.

С помощью кислого молока катик волосы обрабатывали следующим образом: голову намазывали кати́ком, затем промывали горячей водой. И. Краузе изъясил восхищение результатами влияния катика на волосы: «Результаты этого средства удивительны: волосы у сартянок вообще чрезвычайно густы, длинные и мягки». Он призвал европейских женщин, у

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. – С. 253-254.

² Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. – С. 28.

³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 92-93.

которых выпадали волосы, позаимствовать этот способ сохранности естественных волос у азиаток¹.

На чрезмерное употребление женами эмира Тимура косметических белил указал, описывая сцену их появления в пышных костюмах на торжествах в честь приезда внука государя из Малой Индии. «Волосы ее, очень черные, были распущены по плечам, а [эти женщины] более всего предпочитают черные волосы и даже красят их, чтобы сделать чернее», - так описал Р. Клавихо (XIV век) прическу и цвет волос Биби-Ханым - старшей жены Тимура².

В отдельных селениях долины Рашта и верховьев Зеравшана волосы на голове натирали соком усмы, чтобы они становились темнее³.

Кроме того, в прошлом для придания волосам блеска, некоторые девушки и женщины использовали слабый раствор керосина. Для этого керосин разбавляли в воде и полученным раствором мыли голову⁴.

Косметика зубов. До революции женщины в Средней Азии имели обыкновение красить зубы черной краской. О существовании этого обычая в Бухаре писал в начале 1830-х годов английский офицер А. Борнс, который имел возможность незаметно наблюдать за проживавшей по соседству молодой женщиной⁵.

По В. и М. Наливкиным, «ровные и крепкие зубы, подолгу сохраняющие белизну, были бы не редкостью, если бы многие из туземных женщин не имели обыкновение красить зубы черной краской тышкалы, которая будучи раз положена на зубы, не сходит с них потом очень долго»⁶.

---

¹ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 449.

² Клавихо. Дневник путешествия ко дворцу Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. - С. 294.

³ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – С. 124.

⁴ Пять забытых ритуалов красоты таджикских женщин [Электронный ресурс].

⁵ Борнс А. Бухара / А. Борнс // Звезда Востока. - № 2. – Ташкент, 1993.

⁶ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 91.

Однако супруги Наливкины, как и другие авторы, затронувшие этот вопрос, причину такого малопонятного обхождения не объясняют. Более подробно эта тема затронута в исследовательской статье ташкентского аптекаря И. И. Краузе, материалы которого дословно приведены А. П. Шишовым в его этнографической публикации о сартах¹.

И. И. Краузе пишет, что в прошлом (до прихода в край русских – 3.Х.) у местных женщин черные зубы считались обязательной принадлежностью, поэтому чернение зубов было распространено среди них поголовно. На момент написания его упомянутой статьи (1873 год) все еще встречалось много женщин с очерненными зубами, хотя под влиянием присутствия русских этот странный обычай постепенно выходил из моды. Видя, что у русских женщин зубы белые, местные дамы, в первую очередь из состоятельных семей перестали красить зубы в черный цвет².

Такое мнение И. И. Краузе подтверждается сообщением А. П. Хорошхина, по словам которого, в 1876 году уроженки Самарканда, уже 8 лет находившегося в составе России, такой косметикой уже не занимались, в противоположность российским татарам³.

Согласно И. И. Краузе, черная краска представляла собой смесь серо-бурого порошка тышкалы и окалины (Hamerschlag), собираемой из-под наковальни в кузнице. Тышкалы представлял собой превращенный в порошок нарост на листьях фисташника, называемый бузгунч⁴.

П. И. Демезон писал о практике бухарских женщин красить зубы в черный цвет усмой. Эту их затею русский дипломат считал очень вредной. В результате такой косметики, по его словам, зубы чернеют и портятся⁵. Не думаем, что такое его медицинское заключение голословное или основанное

---

¹ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. – С. 1-492.

² Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

³ Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С. 220.

⁴ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

⁵ Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. – С. 28.

на личных предположениях. Очевидно, оно составлено на основе опросных сведений.

Есть сведение, что городские женщины красили зубы не только в черный, но и в красно-желтый цвет¹.

Привлекательности женщине черные зубы, очевидно, не добавляли, хотя Г. Мозер отмечал, что для франтих зубы, покрашенные черной краской, пользовались особенным шиком².

Возможно, это делалось в лечебных целях. Во всяком случае, местные женщины имели обыкновение очень внимательно обходиться со своими зубами. Так, они никогда не грызли зубами орехов и фисташек, не обрывали ими нитки. Кроме того, они очень редко употребляли сахар, конфеты и другие подобные жесткие сладости, хотя это обуславливалось также неимением во многих семействах средств на их приобретение³.

Впрочем, традиция покрывания зубов краской существовала и в других регионах. В средневековой Японии замужние женщины покрывали зубы черным лаком, в Индии – коричневой краской.

Заметим здесь, что А. П. Шишов, противопоставляя таджиков сартам, писал, что таджички «зубов не красят»⁴. Вероятно, в данном контексте он ведет речь о горных таджиках. При таком предположении следует, что крашение зубов было в традиции городских таджичек, которых зачастую тоже причисляли к сартовской народности.

Косметика рук и ног. В Средней Азии в прошлом, вплоть до второй половины XX века, для косметики кистей рук и стопы ног пользовались хиной (*Impatiens balsamina*). Это растение разводили в изобилии в садах, как для украшения сада, так и для использования в косметических целях. Листья

---

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - С. 398.

² Мозер Г. В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882-1883 гг. // Русская старина. - 1888. - № 1. - С. 159-160.

³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. - С. 91.

⁴ Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. - С. 125.

и цветы хины толкли и в полученный порошок добавляли незначительное количество квасцов ачик-таш / замч / зок. Вместо квасцов иногда пользовались соком незрелого винограда или кислых яблок, а в долине Рашта – травой радивик¹.

Полученную массу в виде истолченных стеблей и листьев хины накладывали на ладони и сжимали в кулак, после чего с помощью полотенца или другой тряпки туго привязывали на ночь. Привязывали хину и к ступням ног. Во время привязки следили, чтобы красящая масса обязательно прилегала к ногтям. К утру указанные части тела приобретали желтовато-красный цвет². В советский период обматывание тканью рук и ног стали производить поверх целлофанового пакета.

Однако продолжительный контакт с хиной вызывает жжение кожи, из-за чего немногие были готовы дожидаться утра с перевязанными руками и ногами. По этой причине появилось предание, что удалять и смывать смесь с хинной с конечностей рук и ног следует до появления первой звезды на небе³.

Появившаяся на руках и ногах краска была весьма устойчивой и держалась около месяца. Гораздо длительнее она держалась на ногтях, с которых практически не сходила. В разных районах проживания таджиков периодичность окраски хиной была разная, однако в праздники этим занимались в обязательном порядке. Это считалось богоугодным делом⁴.

В припамирской долине Хуф растение, которым красили ногти и ладони в красный цвет, называли хикуранг⁵, в Рушане – вухтуранг⁶. А. К. Писарчик пишет, что хуфцы предварительно разбивали это растение камнем.

---

¹ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – С. 124.

² Краузе И. И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448-449.

³ Пять забытых ритуалов красоты таджикских женщин [Электронный ресурс].

⁴ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – С. 124.

⁵ Писарчик А. К. Примечания и дополнения. – С. 419.

⁶ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 107.

Способ крашения в этом случае такой же, как и при использовании хины, т.е. привязыванием к рукам на ночь.

В начале XIX века хина входила в число главных товаров, импортируемых в Бухарский эмират из Индии¹. В столицу эмирата Бухары ее в виде порошка доставляли в специальных мешочках и из Персии. Для получения краски достаточно было растворить порошок в теплой воде².

В 1908 году Э. С. Вульфсон написала, что распространенный в прошлом обычай крашения ногтей на руках и ногах и ладоней уже выходит из моды и уже встречается редко, обычно по праздникам и то только по праздникам³. Однако, как показало время, обычай этот оказался более устойчивым. По свидетельству наших отцов и матерей, он был весьма распространен даже в 1970-х годах, но уже по большей части в селениях. Однако в последующем этот обычай прекратил существование.

Возвращаясь к теме использования хины в косметических целях по праздникам, нужно отметить, что в данном случае мы имеем дело с ритуальным обрядом. К примеру, накануне Навруза (21 марта) красить ладони рук и их ногти следовало непременно и независимо от возраста. Так поступали и семейные женщины, и маленькие дети. Этого обычая придерживались и в канун мусульманских праздников Курбан и Раджаб⁴.

В высокогорных областях хина являлась чуть ли не единственным употребляемым косметическим средством. Согласно А. А. Семенову, в верховьях Зеравшана, Рашта и Дарваза все горянки красили ею ногти рук и ног, нередко концы пальцев, ладони рук и подошвы ног. Он предположил, что хиною красили, кроме того, головы детей, так как зачастую их волосы

---

¹ Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. – С. 52.

² Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 107.

³ Вульфсон Э. С. Как живут сарты. – С. 52.

⁴ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 110.

отливали характерным красноватым цветом. Известный этнограф пишет, что здесь в первые годы XX столетия мази, духи и другие какие-либо косметические и парфюмерные материалы, очевидно, фабричного изготовления, были неизвестны совершенно. При расспросах на эту тему местные жители вопросительно глядели друг на друга, не понимая, о чем идет речь¹.

Представительницы этноконфессиональной группы эрони пользовались различными средствами, чтобы регулировать цвет краски, получаемой от крашения хиной. Так, они утром окрашенные руки и ноги промывали водой и затем мазали их маслом - хлопковым или топленным. В результате окрашенные места тела принимали красно-оранжевую окраску. Со временем вместо масла для этой цели стали пользоваться вазелином. Если же хотели добиться темно-коричневой окраски, окрашенные ладони держали несколько минут над открытым огнем².

Среди таджичек долины Рашта беременным женщинам пользоваться хиной не рекомендовалось. Здесь бытовало поверье, что если такая женщина покрасит ладони и пятки, она родит ребенка с пятнами. Карантина на использование хины следовало придерживаться и роженице, пока не пройдет 40 дней. Здесь, а также в Дарвазе и долине Гиссара, с окрашенными руками и ногами нельзя было хоронить умершую. Утверждалось, что в противном случае на том свете ангелы-опрашиватели срезают краску с рук и ног вместе с кожей. По этой причине не разрешалось читать заупокойную молитву по женщинам с окрашенными хиной ладонями, ногтями и ступнями. Таких покойниц считали умершими в ритуальной нечистоте и приравнивали к самоубийцам. Есть сведения, согласно которым муллы заставляли отрезать

---

¹ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - С. 31.

² Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. - С. 107-108.

пальцы окрашенных хиной рук, лишь после этого читалась заупокойная молитва¹.

Впрочем, подобного рода запреты бытовали и в других местах плотного заселения таджиков. Среди эрони в Бухарской области девушкам до замужества не дозволялось красить хиной пятки. Также нельзя было использовать эту косметику девушкам и женщинам на период соблюдения траура. Однако, как отмечает А. Мардонова, чтобы обойти этот запрет, некоторые женщины мазали тело хиной под грудью, так как искренне верили в магическое действие этого красителя, якобы благотворно влияющего на судьбу человека. При всем том, наиболее интересным является фактор третьего запрета, когда нельзя было краситься, если еще сохранился след от предыдущей окраски. Утверждали, что в этом случае произойдет наложение красок и появление черного оттенка, что отрицательно повлияет на дальнейшую судьбу женщины².

Опросные сведения А. Мардоновой выявили, что в Горном Таджикистане, включая долины Рашта и Дарваза, предгорья в долине Гиссара, отношение к хине было весьма неодобрительным. Хину здесь считали за ритуальное нечистое вещество, ее сок отождествляли с кровью неверных. Суеверие допускало ее косметическое использование девушкам и женщинам до сороколетия. После достижения этого возраста крашение хиной рук и ног строго запрещалось. До середины XX века в горных районах проживания таджиков возбранялся посев семян этого растения вблизи жилищ, что вызывало, по поверью, избегание ангелами таких мест³.

В традиционной культуре таджичек обычаю красить ладони и ступни хиной в прошлом придавалось большое значение, причем как в горных

---

¹ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 108.

² Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 107-108.

³ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 109.

районах и отдаленных селениях, так и в равнинных зонах, в том числе крупных городах. Пожилые жители Самарканда до сих пор помнят, что невеста накануне свадьбы проходила через специальный обряд – хинабандон – узорное окрашивание ладоней и ступней невесты хиной. Узоры были, как правило, в виде точек и штрихов. Этот обряд проходил в бане, где невеста пользовалась услугами специальной работницы – янга / кайвони. Она, кроме того, дергала и красила невесте брови усмой, сбривала волосы на теле и помогала мыться. Церемония хинабандон присутствовало в традиции самаркандских (и бухарских) таджиков и персов, местные узбеки ее не проводили¹.

Этот обряд под названием шаби хина (“вечер хины”) присутствовал и в материальной культуре таджиков Афганистана². Узорное окрашивание хиной ладоней и ступней, по сути, представляет собой татуировку. Ее было принято называть менди.

Во время церемонии хинабандон у эрони вслед за невестой окрашивали хиной и ладони ее подруг, однако незамужним девушкам не разрешалось красить пятки. Исследователь А. Мардонова, обратив внимание на данный факт, полагает, что косметика ног означала переход в замужнее состояние³. По факту, это означал один из элементов изменений в женском костюме после замужества, наравне с изменением конструкции одежды (дозволение надевать платье с вертикальной горловиной), прически (получать право на ношение локонов, множества косичек) и т.п.

Среди зирабадских персов в Бухарской области издавна был распространен и такой обычай, что жених после сговора о свадьбе накануне праздников (Навруз, мусульманские праздники) был обязан присылать невесте подарки, в число которых входила и хина. В советское время такие

¹ Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда. - С. 260.

² Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям. – С. 82.

³ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 111.

подарки стали посылать и в честь наступления праздников светского характера (1 мая, 8 марта и др.)¹.

Заслуживает внимания и крашение хиной ладоней и ступней мальчика, подвергшегося обрезанию. Так поступали эрони вечером после совершения обряда, причем данная церемония проходила в присутствии родителей и близких родственников. В данном случае применяли жидкую хи́ну, разведенную и отваренную до густой массы. После того, как красили руки и ноги виновника торжества, мазали ладони всем присутствующим, включая детей, девушек и юношей². Очевидно, рассматриваемый обряд отражал веру в магические свойства хины.

Нанесение родинки и татуировка на лице. Как пишут В. и М. Наливкины, в долине Ферганы родинку считали одним из лучших украшений для женского лица. Они свидетельствуют, что выражение холдор («имеющая родинку») было почти равносильно слову «красивая»³.

Искусственную родинку называли холи куфта:

*Меҳмун шудам ба хунаи руфтагитун,
Сад бор мурам ба рӯи холкӯфтагитун*⁴.

[Я гость в твоём подметенном доме,
Готов умереть сто раз ради искусственной родинки на твоём лице].

¹ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 110.

² Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 110.

³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 91.

⁴ Сокровищница устного творчества. – С. 226.

Девушки и молодые женщины украшали искусственной родинкой, как правило, только одну щеку, причем число родинок могло составить от одной до трех:

*Се хол ҷудо: ду пасту якташ боло,
Чанд ошиқи Ҷулидара кард вовайло¹.*

[Три отдельных родинки: две пониже, одна вверху,
Несколько влюбленных из Джулидары воскликнули “О, горе мне!”].

Использовались разные приемы нанесения родинки. Согласно этнографическим материалам З. А. Широковой, в горном Таджикистане девочки с помощью сока усмы наносили на лицо и руки искусственные родинки, а также рисовали им браслеты на запястьях².

Другим материалом для нанесения искусственных родинок служил графит. Его для этой цели широко применяли, например, на Памире. В долине Хуф им наносили родинки большого размера (до 0,5 см в диаметре) на переносицу, щеки, подбородок, под нижней губой, на руки. Местные женщины на запястье каждой руки наносили по три-четыре родинки. Кроме того, здесь для получения искусственной родинки приемом татуировки накалывали иглой нужное место на теле и натирали сажу или краску индиго³.

По древнему обычаю наносили на лицо татуировку и жители Горной Матчи до переселения их на равнину (в 1956 году). А. Х. Хамиджанова пишет, что здесь посредством иголки наносили полосу точек между бровями (кош), иногда – в конце бровей для их удлинения (рисунок 2.2.3).

¹ Сокровищница устного творчества. – С. 252.

² Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – С. 124.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. – С. 254.

Прелесть личика с искусственной родинкой, располагающейся между бровьями, нашел отражение в народном фольклоре:

*Қад баланд, ҷомат баланд, гардан дарозӣ мекунад,
Дар миёни ҳарду қошаш хол бозӣ мекунад¹.*

[Высокий рост, высокий стан и длинная шея,
Родинка красуется меж ее двух бровей].

Иногда полоски точек ставились в конце бровей для их удлинения.

Таким же образом они украшали искусственными родинками (хол) щеки и подбородок. Суть приема заключался в следующем: туго связывали четыре иголки одинакового размера и посредством этого инструмента накалывали намеченное место на коже лица. В образовавшиеся ранки втирали сажу от котла. В этих целях применяли также бритву, которой делали легкий вертикальный надрез между бровями (хитоб). Такую ранку также заполняли сажей².

Косметические мыла. И. И. Краузе пишет о двух видах косметических мыл местного изготовления, которыми пользовались женщины в Средней Азии: черном и желтом. Их приготавливали из обычного, простого мыла с примесью, измельченной в порошок, гвоздики. Косметические мыла продавались в виде маленьких плиток³.

Применение ароматизирующих средств. По И. Краузе среднеазиатские женщины в дореволюционный период духами не пользовались вообще.

¹ Сокровищница устного творчества. – С. 280.

² Хамиджанова А.Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. – С. 146-147.

³ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 449.

Вместо них, они употребляли настойки из душистых трав и цветов: розы - гулоб, базилики - рейхан (*Ocimum basilicum*) и некоторых других¹.

Для приготовления духов употребляли также сунбул - корень растения *Euryangium Sumbul* (гиацинт), пахнущий мускусом. Его добывали в Магианских горах (в верховьях Зеравшана). Такие духи, продаваемые в виде масла, издавали резкий, своеобразный приятный запах. Его испарение из платья осуществлялось очень медленно².

Знаменитый русский путешественник и ученый-естествоиспытатель и А. П. Федченко, именем которого назван самый большой ледник на Памире, в своей статье “Заметка о верхнем Зеравшане” также упомянул сумбул / сунбул (бот. гиацинт) как растение, “доставляющее любимую косметику туземцам”. В сноске он поясняет, что российские ботаники прекрасно знали о существовании такого растения, но продолжительное время дискутировали, каким оно являлось на самом деле. Решить вопрос помог в 1870 году А. П. Федченко, который лично доставил в Московский ботанический сад корень (луковицу) сунбула, расцветшего на следующий год³.

В персидском словаре XIX века «Гияс ул-лугот» термин «сунбул» определяется как название душистого растения темной расцветки⁴. Мухаммадхусайн Бурхон - составитель другого известного персидского словаря XVII века, пишет об ароматности этого растения, его схожести с цветком нарцис (нарцисс) и схожести листьев с локонами красавицы. В «Бурхони коте’» также указывается, что цветки сунбула голубого цвета, они благовонные и нежные⁵.

---

¹ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448 или 449.

² Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. – С. 146.

³ Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане. – С. 51.

⁴ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 438.

⁵ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте’. – С.

А. П. Шишов пишет об использовании равнинными таджиками в качестве косметическо-ароматических средств розовой воды, мятного масла и мускуса¹.

В северных районах Западного Памира - Рушане и Вандже в 1920 – 1930-х годах женщины в качестве духов носили бусы и подвески из плодов гвоздики. Согласно местному поверью, эти ароматизирующие «украшения» обладали, кроме того, свойством отгонять злых духов. В Ягнобе к халату прикрепляли ниткой мешочек со стертой в порошок сушеной мятой – хулбу / пудина. Так поступали не только из-за приятного запаха мяты. Здесь верили, что мята является приворотным средством. Поступая так, местные женщины стремились сохранить любовь мужа или возлюбленного².

Своих устоявшихся парфюмерно-косметических традиций таджики придерживались и в первые послереволюционные десятилетия. Естественно, со временем появились и получили распространение новые материалы, в том числе искусственные и синтетического содержания. Однако инноваций в конкретном назначении этих материалов почти не происходило. Консервативность в наибольшей степени была присуща горным районам.

В Таджикистане повсеместно, за исключением высокогорных районов, где не растет это растение, до 1970-х годов была распространена традиция подкрашивания бровей усмой. Особенно широкое косметическое применение она имела в селениях, где ее выращивали в огородах. Известны случаи, когда что в горных районах женщины усмой натирали свои волосы, чтобы они стали темнее. Девочки ею рисовали на запястьях браслеты и наносили на лице искусственные родинки³.

Исследование этнографа З. А. Широковой выявило, что в высокогорных районах Таджикистана (отдельных селениях Дарваза и

---

¹ Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. - С. 125.

² Пещерева Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 – 1935 гг.). - С. 55.

³ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – С. 123-124.

Раштской долины, Кулябского оазиса и верховьев Зеравшана), где из-за холодного климата усма не произрастала, ее использование не практиковалось. Более того, в этих местах окраску бровей таким красителем считали делом легкомысленным и греховным¹. В то же время, там, где усма произрастала, ею пользовались все женщины, включая пожилых. Они говорили, что окрашивание бровей – дело богоугодное, поэтому хот раз в год этим следует заняться.

Соответствующие традиции, связанные с использованием косметики в свадебном обряде тахтехено, нарабатались у таджиков Афганистана. В ночь перед свадьбой дом, где проживает невеста, заполняется ее подругами. Они приходят, чтобы проститься с невестой, которую завтра отвезут в дом мужа. Собравшиеся подруги в большом тазу замачивают хину и затем по кусочку раскладывают ее на ладонь и невесте и себе. Поверх ладони с хиной кладут треугольный кусок златоткани и обматывают кисть руки в несколько витков длинной ниткой. Тряпку снимают с руки лишь после окончания свадьбы. Назначение появившегося на ладони пятна хины – напоминать подругам о радостном событии, участницами которого им пришлось быть².

Выводы по второму разделу заключительной главы:

Конец XIX – начало XX веков в Средней Азии ознаменовались бурными социально-политическими переменами, которые отразились и на культурной жизни местного населения. С подчинением региона России в сфере материальной культуры среднеазиатских народов начался процесс активного синтеза местных традиций с европейскими инновациями, что, естественно, затронул области косметики и парфюмерии. Изменения в наибольшей степени коснулись жизни и быта жителей среднеазиатских городов и сел, включенных в состав русского государства. Менее активно инновации проникали в равнинные области Бухарского эмирата и в

---

¹ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – С. 123-124.

² Александрова Ю. Традиции и обычаи афганцев [Электронный ресурс].

наименьшей степени они отразились на жизни обитателей горных районов, населенных преимущественно таджиками.

Как выяснилось, европейские инновации в косметике коснулись, преимущественно, средств для прихорашивания лица, когда в дополнение к традиционным средствам, таджички стали пользоваться завозимыми из России материалами (фуксин, свинцовые белила, красная вата). Что касается косметики ресниц, вид применяемого материала (сурма) сохранился, но теперь стал доступен, как материал местного изготовления, так и завозимый из России. Инновации практически не коснулись средств для косметической окраски бровей, волос, рук и ног, зубов, а также материалов для нанесения на лицо родинки.

В целом, изучение показало, что хотя в употребление входили парфюмерно-косметические материалы нового вида, они не смогли вытеснить товары традиционного образца. Если в крупных городах и других равнинных населенных пунктах новые изделия такого назначения, в том числе фабричного производства, постепенно стали конкурировать с кустарными средствами для прихорашивания лица и ароматизации, то в горные районы они практически не поступали. Более того, косметические средства и благовония традиционного характера широко применялись и в последующий период, на протяжении нескольких послереволюционных десятилетий, что задокументировано в письменных источниках, прежде всего, в этнографических трудах. Сказанное со всей полнотой отражает определяющее значение преемственности традиций в данной области материальной культуры таджикского народа.

2.3. Торговля косметикой и благовониями

Необходимые в быту, особенно женском, косметические материалы и ароматизирующие вещества пользовались высоким спросом во все времена, вследствие чего обладали хорошей товарной стоимостью. Их реализовали населению, как в денежном эквиваленте, так и путем обмена, они имели большое торговое значение. Можно полагать, что купцы перевозили такие материалы из города в город уже в древности, в частности, по хорошо охраняемому «царскому пути» Ахеменидов, соединявшую Малую Азию с северо-западными районами Индии. Эта географическая связь осуществлялась через Среднюю Азию и Афганистан, соответственно, в качестве покупателей перевозимых товаров выступали и жители указанных регионов. С другой стороны, караваны, следовавшие в обоих направлениях, активно пополнялись товарами местного происхождения.

До конца II в. до н.э. торговый путь международного значения заканчивался на востоке за Сырдарьей, на подходах к Китаю. Препятствием для дальнейшего продвижения караванов внутрь Китая служили высокие горные системы. В последнее десятилетие II в. китайцы сами проложили караванные тропы, выходявшие на дорогу, соединявшую Азию с Европой. Основным их товаром был шелк и изделия из него, соответственно, зародилось понятие Великого шелкового пути. Однако немаловажное значение в составе перевозимых товаров имели также косметические материалы и различные благовония.

В античной литературе зафиксировано следующее описание этого пути с запада на восток: восточный берег Средиземного моря – г. Гиераполь у р. Евфрат – переход через р. Тигр – г. Экбатаны (Хамадан) в Мидии – южное побережье Хазарского (Каспийского) моря – г. Гекатомпил в Парфии – г.

Антиохия в Маргиане – Бактры (Балх) – Кумедские горы (Дарваз) – бассейн р. Тарим в Китае.

Известно также, что часть дорожных ответвлений из Китая были ориентированы не на Средиземноморье, а исключительно на Среднюю Азию и, через этот регион, - на Индию. Вместе с тем, в рассматриваемом аспекте требует особого внимания Путь благовоний (Ладанный путь), проложенный еще во II тысячелетии до н.э. Она начиналась на западе с южной оконечности Аравийского моря и следовала на север, до торговых пунктов на востоке Средиземного моря и Месопотамии, Отсюда часть благовоний перемещалась в Европу, другая часть отправлялась по направлению Китая. Очевидно, именно этим путем в Персию и Среднюю Азию поступали ароматизирующие материалы из Йемена, о чем позднее (в IX - X вв.) писал ибн Хордадбех¹.

В конце бронзового века – эпохе античности в Средней Азии и Персии господствовали протозороастрийские течения и зороастризм – религии, обряды которых предусматривали обязательное использование благовоний, следовательно, можно говорить о возможности поступления посредством Пути благовоний в эти регионы больших партий ароматизирующих веществ из Йемена. Несмотря на это, реализация ароматизирующих веществ осуществлялась по высокой цене, так как ими также обеззараживали инфекционные заболевания. По этой причине такие товары были малодоступны, приобретать их в достаточных количествах могли себе позволить состоятельные жители, прежде всего аристократы.

Благодаря торгово-экономическим связям происходило не только обеспечение разных районов мира заморскими товарами, но и

---

¹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 81-82, 116, 123.

распространение знаний о материалах и способах получения разной продукции, в том числе косметического и ароматизирующего назначения¹.

В эпоху Кушан согдийские и бактрийские купцы поддерживали тесные связи с Индией. В это время функционировал торговый путь из Индии к Черноморскому побережью, который проходил через Бактрию по Амударье, по берегам Каспия и через Закавказье². Кушанская империя служила важным и необходимым звеном торговой цепи между Западом (Римской империей) и Дальним Востоком. Караванные пути этих взаимоотношений проходили как через Парфию, так и в ее обход. Бытует мнение, что именно эта географическая роль торгового посредника являлась главным источником богатства Кушанского государства.

В средневековье проложенные торговые пути, пересекавшие Среднюю Азию, в своих основных направлениях и разветвлениях сохранились. Изменения происходили в зависимости от разрушения прежних и возникновения новых торгово-ремесленных центров, а также от политических взаимоотношений между разными, прежде всего соседними, государствами.

Так, в раннем средневековье (VI – VII вв.) ввоз-вывоз косметических материалов и благовоний, наряду с другими товарами, между Средней Азией и Византией осуществлялись по северному пути, так как переговоры между Тюркским каганатом и империей Сасанидов оказались безрезультатными. Из Самарканда караваны направлялись в сторону Хорезма, продвигались вдоль Аральского моря, шли далее на запад и пересекали р. Волга, пересекали Северный Кавказ и по восточному побережью Черного моря выходили на границу Византии. Часть завезенных в Византию среднеазиатских товаров, затем отсюда вывозилась в Европу. Караваны доставляли из Средней Азии на

---

¹ Буряков Ю. Торговля и предпринимательство Средней Азии в раннем и развитом средневековье [Электронный ресурс].

² Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. – С. 169.

южное побережье Черного моря товары различного вида, среди которых важное место имела согдийская ткань занданачи. Многочисленные образцы этой шелковой материи, хранящиеся в различных музеях Турции и Западной Европы (в том числе в музее бельгийского г. Юи), а также обнаруженные археологами на Северном Кавказе, в частности в могильнике Мощевая Балка, служат свидетельством того, что торговые отношения по указанному пути были весьма активными¹.

В VIII в. благодаря распространению власти Арабского халифата на громадном пространстве Евразийского континента сети торговых коммуникаций значительно расширились и стали более надежными. В XI - XII вв. в Мавераннахре городская жизнь сопровождалась развитием, соответственно, происходил быстрый рост торговли, чему немало способствовал прогресс в ремесленной деятельности. В городах появились многочисленные рынки и торгово-ремесленные центры, склады и караван-сарай. Базары и караван-сарай создавались и в крупных селениях. Так, в XII в. еженельно собирался специальный базар в бухарском селении Гиждуван, куда активно съезжались жители близлежащих населенных пунктов. В городах и селениях, кроме того, организовывались сезонные и периодические ярмарки².

В этот период большое торговое значение имел Великий Шелковый путь, который брал начало в Багдаде и проходил на восток через Мерв, Амударью, Бухару и Замин, где разветвлялся. Из Самарканды торговые пути вели в страны, расположенные во всех направлениях. Сухопутные пути торговли контролировались согдийскими купцами, ими были обустроены колонии от Востока (Япония, Китай) до Запада (Кавказ, Европа). Они караванами возили товары из Мавераннахра в Византию, Хазарию, Восточную Европу, на Кавказ, в Китай и возвращались с заморскими товарами обратно. Несколько

---

¹ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. – С. 292.

² Там же.

переправ было создано на Амударье, причем крупнейшая из них связывала Самарканд через Амуль с Мервом. Другим перекрестком торговых путей была Бухара, которая была связана торговыми нитями с Насафом, Чаганианом и на севере с Хорезмом. Через Хорезм товары Мавераннахра поступали в Хазарию, Булгарию, Византию, русские княжества, на Кавказ и побережье Черного моря¹.

Потребителями косметических и ароматизирующих материалов выступали также кочевники, которые приходили на рынки со степей для обмена пушнины на разнообразные товары земледельцев и ремесленников.

В раннем средневековье в декоративной косметике широко использовали индиго – глубокого синего цвета. Ею красили веки. Эту краску тохаристанцы поставляли даже в Китай, хотя в Среднюю Азию, как известно по письменным источникам средневековья, а также как следует из названия, ее доставляли большими партиями из Индии. Также известно, что из Тохаристана в Китай поступали душистые снадобья. Для ароматизации одежды широко использовался путчук или специальный корень, дающий летучее масло с неповторимым запахом фиалки. Из Кабадиана он вывозился на восток. В качестве пудры тохаристанки использовали мирдасант – окись свинца. Во всяком случае - это косметическое средство поставляли в танский Китай иранские народы. Считалось, что мирдасант полезен при пятнах на лице, он входил в состав разных мазей для лица. Его широко применяли и раньше - ещё бактрийские женщины².

Исходя из географии происхождения, средневековые источники упоминают три вида мускуса: тюркский (киргизский, от «хирхизов»), китайский и индийский. Отмечается, что олени (газели), пригодные для получения у них мускуса, обитали в горах Сарандеб (в Шри-Ланке, на острове Цейлон) и Тибет (в Киргизии и Китае). Другим пунктом, откуда в

---

¹ История таджикского народа. – Т. 3. – С. 141-143.

² История одежды Средней Азии [Электронный ресурс].

Мавераннахр поступал индийский мускус, был Кашмир. При всем том, наиболее чистым и самым лучшим считался мускус тибетский, который продавался, естественно, дороже. На запад (в Мавераннахр и Персию) его доставляли через Бадахшан¹.

Мавераннахр был не только регионом завоза благовоний, он служил в качестве перевалочного пункта, откуда, к примеру, мускус, вывозили в другие страны². Очевидно, здесь идет речь о Персии на западе и территории современного Казахстана на севере.

Вместе с тем, факт доставки в Мавераннахр такого благовония из острова Цейлон на первый взгляд кажется сомнительным. Как-никак, расстояние между этими регионами достаточно протяженное. Однако А. Дженкинсон во второй половине XVI века писал о завозе в Бухару мускуса из Китайских стран³. Скорее всего, под «Китайскими странами», английский путешественник имел в виду все государства, расположенные к югу от Мавераннахра, к каковым можно причислить и Шри-Ланку. Хотя не исключено, что он мог иметь в виду ту же страну киргизов, расположенную по соседству с Китаем.

Ибн Хавкал при описании Мавераннахра пишет, что мускус местного происхождения, добываемый в Тибете и Хирхизе, известен своей добротностью и высокой стоимостью и что его вывозят в разные места⁴.

Ибн Хавкал, разместив в своих сведениях Вахан и Шугнан на границе с Вахшем и Хутталем, отмечает, что указанные горные края населяют неверные и оттуда вывозят мускус и амбру. Очевидно, что этот ваханско-шугнанский мускус и был известен, как тибетский, ведь по словам

---

¹ Худуд ул-Олам. – С. 16-17, п. 423-424, с. 69.

² Истахри. Китаб масалик ал-мамалик («Книга путей государств»). – С. 17; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 66.

³ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558–1560 гг. – С. 177.

⁴ Ибн Хавкал. Сурат ул-арз. – С. 135.

указанного географа, “между Ваханом и Тибетом расстояние незначительное”¹.

Ибн Хордадбех писал о торговле более широкой номенклатурой благовоний. По его словам, в Мавераннахр и Хорасан из Китая привозили мускус, алоэ и камфару, из Индии – камфару и серую амбру, из Йемена – амбру. Много мускуса, по его словам, хранилось в святилищах Йемена². И естественно, здесь накапливалось много ладана – ароматизирующего вещества, давшего другое название знаменитому Пути благовоний, берущему исток в Аравийском полуострове еще со II тысячелетия до н.э. Нельзя исключить, что среди хранившихся там благовоний, были и привозные. Во всяком случае, другие, помимо амбры, ароматизирующие вещества.

Мы отмечали факт вывоза из Мавераннахра ароматизирующих веществ, в том числе привозных, на территорию Персии. Вместе с тем, можно также полагать, что имел место и обратный процесс, когда в Мавераннахр и, тем более, в Хорасан, поступали благовония из центральных районов Персии. О том, что мускус и розовая вода – гулоб значились в числе товаров Исфахана, писал анонимный автор «Худуд ул-Олама»³.

Говоря о завозе в Мавераннахр косметических материалов с запада, можно указать также на сообщение указанного источника о том, что в качестве центров добывания сурьмы выступали хорасанские провинции Тус (в Восточном Иране) и Гузганан (в Северном Афганистане)⁴.

Средневековая индийская провинция Сарандеб помимо вывоза мускуса славилась также богатством растительных благовоний. Ибн Хордадбех пишет, кроме того, об обитании в этих горах животного (циветта),

---

¹ Ибн Хавкал. Сурат ул-арз. – С. 145.

² Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 81-82, 116, 123.

³ Худуд ул-Олам. - П. 365.

⁴ Худуд ул-Олам. - С. 60, 64.

выделяющего вещество забад (цибет) с сильным приятным запахом¹. Можно предполагать, что такое благовоние животного происхождения, наряду с мускусом, тоже завозилось в Среднюю Азию. К слову, это вещество в странах Востока для производства духов и благовоний употребляется и в наши дни.

Большое значение имели материалы косметического и ароматического назначения и в торговых взаимоотношениях государства Хорезмшахов с монголами до вторжения последних в Мавераннахр. Так, торговый караван, который в 1218 году Чингизхан отправил в Хорезм вместе со своим посольством, помимо разных других товаров перевозил и партию мускуса².

Значительное развитие получила внешняя торговля Мавераннахра в эпоху господства Тимуридов. Главным центром торговли при императорстве Хромого Тимура становится столичный Самарканд, находящийся на пересечении путей мировой торговли из Китая и Индии в страны Средиземноморья. Установились прямые сношения с Москвой и странами Западной Европы. В Мавераннахре и Хорасане прилавки торговых ларьков изобиловали товарами из Китая и Египта, Малой Азии и Европы. Сюда съезжались купцы из Турции и Сирии, Ирака и Феодосии, Трапезунда и других стран для покупки местных заморских товаров.³

В XVI веке Мавераннахр Шейбанидов поддерживает активные торговые связи с Индией, Персией, Турцией, Китаем и Россией. Во второй половине указанного столетия происходит активизация торговли региона с Русским государством – через Астрахань, Казань, Тобольск, Тюмень, Тару. Бухарские купцы доставляли свои товары непосредственно в Москву и Архангельск.

---

¹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 79.

² История таджикского народа. – Т. 3. – С. 266.

³ Там же. – С. 494-498.

В XVII – первой половине XIX века в Мавераннахр завозилось в больших количествах и разного вида товары из Афганистана, Индии, Персии и Китая¹. Доставленные товары разгружались по большей части в караван-сараях г. Бухары и затем отсюда вывозились в разные города, расположенные в туманах и вилаятах Бухарского ханства.

В 1670-71 г. приехавшие с 2 караванами в г. Тобольск бухарцы привезли в числе китайского и бухарского товара 10 фунтов (4 кг) мускуса. А в 1671-72 г. трое приезжих бухарцев зарегистрировали в Тобольской таможене наряду с другими товарами 1,5 пуда (24,8 кг) мускуса². В 1681 году из Астрахани в направлении Бухары отправился некий купец от имени патриаршего крестьянина, в числе товаров которого также значились “17 дюжин белильниц”(204 шт. сосудов для хранения белил)³.

К сожалению, формулировки типа “бухарский товар” в большинстве записей из русских таможенных книг без указания названия самих товаров не позволяют более детально разобраться в вопросе о том, какие именно косметические и ароматизирующие вещества и в каких количествах принимали участие в торговых сношениях Бухары с Россией.

П. И. Демезон, посетивший Бухару с дипломатической миссией в первой половине 1830-х годов, перечислил хину и усму в числе товаров, завозимых в Бухару из Индии через Кабул. Помимо индийской, бухарцы имели возможность приобрести на базаре и собственно кабульскую усму⁴.

Во второй половине XIX века отдельные районы компактного проживания таджиков в Средней Азии были частично включены в состав России, а другие территории региона оказались в вассальной зависимости от этой империи. В тот период, благодаря наступлению относительного

---

¹ Сухарева О. А. Бухара. XIX - начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). - С. 234.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР [Электронный ресурс]. – Табл. 1.

³ Там же. – Табл. 6.

⁴ Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. – С. 54-55.

спокойствия, торговля получила дальнейшего развитие и, более того, выросла многократно¹.

Положение Мавераннахра как промежуточного звена караванных путей международной торговли способствовала также пополнению местных рынков (базаров, тимов) товарами, необходимыми для населения региона. Изобилие заморских товаров помогало снижению цены на продукцию местного производства. В крупных городах косметические вещества и благовония продавались, как на базарах общего назначения, так и на специальных базарах. Так, в дореволюционной Бухаре столетиями, скорее всего, с XII века, функционировал базар Тими Атторон («Рынок торговцев благовониями, базар москательщиков»). Он представлял собой ряды торговых лавок и размещался у мечети Магоки Аттори («Яма москательщиков»). Данная профессиональная специализация дала название и расположенным здесь же городским воротам – Дарвозаи Атторон («Ворота москательщиков»)². Здесь в лавках продавали местному населению и приехавшим со степей кочевникам помимо благовоний также лекарственные снадобья и красители для прихорашивания лица. Описание этих рядов дано в самом конце XIX века А. А. Семеновым следующим образом: «Удушливый воздух, пропитанный какими-то острыми испарениями... огромные бутылки и маленькие бутылки с каким-то желтым и красным содержимым, черные зерна каких-то странных растений, темно-бурые, белые и зеленые порошки, сухие травы...»³. Большая часть косметических и ароматизирующих веществ приготавливалась здесь же, в процессе их продажи.

Немаловажное значение для развития международной торговли имели караван-сарай как места остановки приезжих купцов и складирования их товаров.

---

¹ Сухарева О. А. Бухара. XIX - начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). - С. 40-41.

² Там же. – С. 50.

³ Семенов А. А. В святой Бухаре // Русские ведомости. – М.: 1899. - № 361.

Во второй половине XIX столетия Средняя Азия была частично присоединена, частично впала в вассальную зависимость от Российской империи. Наладились интенсивные торгово-экономические связи региона с Россией, соответственно, на местном рынке появились различные русские товары, в том числе косметического и парфюмерного назначения. Так, из России привозили в кусках свинцовые белила упо¹, сурьму для ресниц², фуксин и красную вату как румяна³.

В конце XIX – начале XX в. из Индии и Афганистана в Бухарский эмират завозили косметическую усму⁴. Очевидно, здесь речь идет о высушенных листьях такого растения. Из Индии сюда привозили для продажи также много хинь⁵. Такой косметический материал в города Бухарского эмирата доставлялся и из Персии⁶. Для нанесения на лицо родинок находило применение индиго - красильный материал индийского происхождения⁷.

При всем том, в XX веке, особенно после образования Союза Советских Социалистических Республик, наибольшее значение имела торговля региона с районами, расположенными к северу от него.

Таким образом, сведения, приведенные в данном разделе исследования, указывают на важное место, которое занимала торговля косметическими и ароматизирующими веществами, в хозяйственно-экономических взаимоотношениях, как внутри среднеазиатского рынка, так и в сношениях региона с другими краями. Торговые пути, обеспечивавшие ввоз-вывоз таких

---

¹ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

² Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. – С. 448.

³ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - С. 398.

⁴ Демезон П. И. Записка П.И. Демезона. – С. 52-53; Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 148.

⁵ Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. – С. 52.

⁶ Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области. – С. 107.

⁷ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. – С. 254.

товаров в Средней Азии, функционировали еще в конце бронзового века и продолжали действовать с определенными изменениями вплоть до XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты исследования

1. Истоки парфюмерно-косметических традиций в Центральной Азии, зафиксированные в материалах археологической науки (миниатюрные флакончики, шкатулки, аппликаторы), проявляются уже в неолите. Обнаружение материальных следов использования косметики и ароматизирующих средств по большей части из женских погребений служит показателем того, что эта области материальной культуры была связана, в первую очередь, с женским костюмом [1-А];

2. Заключение археологической науки о зарождении парфюмерно-косметических традиций в неолитический период находит свое отражение и в народной мифологии, материалах древней религиозной литературы, эпических поэмах иранских народов, исторической литературе, хронологически охватывающей период от сотворения мира, а также в средневековых ученых трактатах [11-А];

3. Эпоха древности знаменует собой важный этап в развитии искусства декоративной косметики и парфюмерии на просторах Центральной Азии. Материалы письменных источников и художественные памятники служат свидетельством того, что оседлые и кочевые предки таджикского народа к этому времени уже наработали свои традиции в сфере получения и применения косметических красок и благовоний. В скифо-ахеменидскую эпоху они последовательно совершенствовали соответствующие знания и навыки. Зарождается профессия косметолога, в том числе на правах раба, – человека, который в совершенстве обладает навыками декоративной, лечебной и ухаживающей косметики [4-А, 9-А].

4. В зороастризме запрещалось использование косметики, однако подкрашивание сурмой имело ритуального значения. Но стремление к достижению установившегося идеала женской красоты обуславливало использование и других, запрещенных, декоративные красок [2-А];

5. Каноны зороастризма способствовали развитию парфюмерии, так как религиозные обряды и повседневный быт его приверженцев предполагали широкое использование благовоний [2-А];

6. В мусульманское средневековье законы шариата выступили важным стимулом для активного использования женщиной декоративных красок и благовоний. Профессия косметолога – машшота освободилась от рабского статуса. У таджиков установился традиционный парфюмерно-косметический набор хархафт / хафткалам, а косметический обряд хинабандон стал неотъемлемой частью свадебного ритуала невесты [4-А; 15-А];

7. В эпоху Саманидов уже были известны все основные виды традиционных косметических материалов и благовоний, а также приемы их использования. Положительные и отрицательные потребительские свойства этих материалов были тщательно изучены и зафиксированы в медицинских трактатах, например, в трудах Абуали ибн Сино [6-А, 11-А];

8. Торгово-экономические связи районов исторического компактного проживания таджиков с соседними и отдаленными регионами запада и востока, севера и юга способствовали развитию в национальной культуре и быте традиций, связанных с использованием косметических и парфюмерных материалов широкого ассортимента [3-А];

9. Памятники письменности позволили сформулировать идеалы мужской и женской красоты народа, принятые в конце XIX – начале XX вв., установить роль косметики в достижении эталона привлекательности, определить природные и социальные факторы, положительно и негативно влиявшие на типичные облики жителей горных и равнинных районов [14-А];

10. Интенсивное внедрение в конце XIX – первой половине XX вв. в культуру и быт жителей Средней Азии европейских инноваций на их парфюмерно-косметических традициях, особенно в горных районах, отобразились незначительно. В видовом отношении инновации зафиксированы лишь в средствах для ухода за кожей лица, когда в дополнение к традиционным средствам, распространились декоративные краски русского производства [9-А; 10-А];

11. В первой половине XX века, несмотря на вхождение в употребление фабричных парфюмерно-косметических материалов, на среднеазиатском рынке они не смогли вытеснить такие товары традиционного образца. В этой реальности наглядно отражается преимущество традиций таджикского народа, показывающая, что феномен этничности ярко проявляется и через сохранение и развитие народной косметики и парфюмерии [14-А].

Рекомендации по практическому использованию результатов

1. Целесообразно проведение этнографических исследований во всех, в особенности отдаленных, районах Республики Таджикистан и за его пределами для научного фиксирования сохранившихся обрядов и ритуалов с использованием элементов традиционной косметики и парфюмерии.

2. Требуется активизация деятельности средств массовой информации по привлечению историков, этнографов, культурологов, искусствоведов, медицинских работников, дизайнеров по костюму для популяризации в таджикском обществе обрядов, связанных с использованием традиционных парфюмерно-косметических средств.

3. Проведение фестивалей и конкурсов под девизами «Лучший народный косметолог», «Мастер-парфюмер» и т.п. могут стать важным стимулом для популяризации и сохранения в национальной культуре

традиционных явлений, предусматривающих элементы народной эстетики и культуры костюма.

4. Для ознакомления подрастающего поколения и молодежи основам традиционной эстетической культуры целесообразно выделение в рамках обучения предметов «Технология» в средних общеобразовательных школах, «История костюма» в средних и высших профессиональных учебных заведениях республики специальной темы «Народная косметика и парфюмерия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Использованные источники**

- [1]. Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные главы / Сост. У. И. Каримов, Э. У. Хуршут. – Ташкент: Фан, 1993. – 531 с.
- [2]. Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. – Тегеран, 2001. – Т. 1. – 824 с.; Т. 2. – 817 с.
- [3]. Авеста // Литература Древнего Востока. Иран, Индия (тексты). – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 4-40.
- [4]. Аджайб ад-дунья («Чудеса мира») // Серия «Памятники письменности Востока». – М.: Наука, 1993. – 540 с.
- [5]. Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаярхана / М. Алибеков // Ежегодник Ферганской области. – Т. 2. – Новый Маргелан, 1903. – С. 79-118.
- [6]. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) / М. С. Андреев. – Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии, 1953-1958. – Вып. 1. – 250 с.; Вып. 2. – 526 с. – (Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- [7]. Ахмад Дониш. История мангитской династии / Перевод, предисл. и прим. И. А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967. – 143 с.
- [8]. Беруни А. Памятники минувших поколений // Абурейхан Бируни. Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1957. – 486 с.
- [9]. Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам / А. А. Бобринский. – М., 1908. – 150 с.

- [10]. Борнс А. Бухара / А. Борнс // Звезда Востока. - № 2. – Ташкент, 1993.
- [11]. Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году / Т. С. Бурнашев // Сибирский вестник. – М., 1818. – Ч. 2, отд. 2. – С. 37 – 74 (247 - 284); Ч. 3. – С. 75 - 110 (95 - 130).
- [12]. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии / А. Вамбери. – М., 1865. – 221 с.
- [13]. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства / Варыгин М. А. // Известия Императорского Русского географического общества. – Т. 52. - Вып 10. – Петроград: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1916. – 67 с. – (Отд. оттиск).
- [14]. Верещагин В. В. Из путешествия по Средней Азии / В. В. Верещагин // Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина. — СПб., 1883.
- [15]. Веселовский П. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего / П. Веселовский. – СПб., 1877. – 366 с.
- [16]. Виткевич И. В. Записка И. В. Виткевича / И. В. Виткевич // Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 84-129.
- [17]. Вульфсон Э. С. Как живут сарты / Э. С. Вульфсон. – М., 1908. – 117 с.
- [18]. Гаврилов М. Рисола сартовских ремесленников: Исследование преданий мусульманских цехов. - Ташкент, 1912. – 59 с.
- [19]. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / М. Н. Галкин. – СПб., 1868. – 340 с.
- [20]. Гамильтон А. Афганистан / А. Гамильтон (перев. с англ.). – СПб., 1908. – 334 с.

- [21]. Гейер И. И. Туркестан / И. И. Гейер. – Ташкент, 1909. – 366 с.
- [22]. Геродот. История: В 10 т. / Геродот. Пер. Г. А. Стратановского. – М., 1972.
- [23]. Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (тадж.): В 3-х т. – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1987. – 480 с.; Т. 2. – 1988. – 416 с.; Т. 3. – 1989. – 304 с.
- [24]. Гребенкин А. Д. Таджики / А. Д. Гребенкин // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. – М., 1872. – Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – С. 1-50.
- [25]. Демезон П. И. Записка П. И. Демезона / П. И. Демезон // Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П.И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 17-83.
- [26]. Джамал ал-Карши. Мулхакот ас-Сурах / Джамал ал-Карши. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 268 с.
- [27]. Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558–1560 гг. / А. Дженкинсон // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – М.: Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 1937. – С. 167-192.
- [28]. Долгорукий Д. Пять недель в Кокане / Д. Долгорукий // Русский вестник. – № 1. – 1871. – С. 244-318.
- [29]. Дониш А. История мангитской династии / А. Дониш. – Душанбе, 1967.
- [30]. Древние памятники письменности (тадж.). – Т. 1. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 478 с. – (Таджики в зеркале цивилизации. № 2).
- [31]. Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. – Душанбе: Дониш, 1985. – 343 с.
- [32]. Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки / К. Ельницкий. – СПб, 1895. – 136 с.

- [33]. Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию / Ф. Ефремов. - Казань, 1811. – 159 с.
- [34]. Зарубин И. И. Сказание о первом кузнеце в Шугнанах / И. И. Зарубин // Известия АН СССР (отд. оттиск). – Серия 6. – Т. 20. – Вып. 12. - М., 1926. - С. 1165-1170.
- [35]. Ибн Хавкал. Сурат ул-арз // Худуд ул-Олам, Ибн Хавкал. Сурат ул-арз, Мухаммад Абид Иршод Чахорбоги гулхо (тадж.). – Душанбе: Адиб, 2008. – С. 103-191.
- [36]. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Ибн Хордадбех. – Баку: Элм, 1986. – 428 с.
- [37]. Истахри. Китаб масалик ал-мамалик («Книга путей государств») / Истахри // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – Вып. 1. – М.: Наука, 1973. – С. 15-24.
- [38]. История Систана (Та'рих-и Систан) / Перев. с перс., введ. и комментарий Л. П. Смирновой. – М.: Наука, 1974. – 575 с.
- [39]. Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С подробным маршрутом от Ташкента до Бухары / Л. Ф. Костенко. – СПб., 1871. – 110 с.
- [40]. Краузе И. И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края / И. И. Краузе // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 2. – СПб., 1873. – С. 447-449.
- [41]. Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского / В. В. Крестовский. – СПб., 1887. – 431 с.
- [42]. Кун А. Л. Очерк Коканского ханства / А. Л. Кун. – СПб., 1976. – 12 с.
- [43]. Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области / В. И. Кушелевский // [Соч].

- В. И. Кушелевского. – Т. 2. - Новый Маргелан: Ферганский обл. стат. комитет, 1891. – 479 с.
- [44]. Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах / В. И. Липский: В 3 ч. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1902. - Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896. – 1902. – 818 с.; Ч. 2. Гиссар. Хребет Петра Великого. Алай. 1897 г. – 541 с.; Ч. 3. Хребет Гиссарский и Восточная Бухара: хребет Дарвазский, Мазарский и Петра Великого. 1899. – 785 с.
- [45]. Литвинов Б. Через Бухару на Памиры / Б. Литвинов // Исторический вестник. – № 12. – 1904. – С. 297-1087.
- [46]. Маев Н. А. Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 года / Н. А. Маев // Военный сборник. – 1877. - № 8. – С. 297-308.
- [47]. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк / Махмуд ал-Кашгари. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
- [48]. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Е. К. Мейендорф. – М.: Наука, 1975. – 182 с.
- [49]. Мозер Г. В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882-1883 гг. // Русская старина. - 1888. – № 1. – С. 138-167; № 3. – 1888. – С. 606-627; № 5. – С. 384-405.
- [50]. Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции / А. Мустаджир (тадж.). – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
- [51]. Мухаммад Абид Иршод. Чахорбоги гулхо // Худуд ул-Олам, Ибн Хавкал. Сураат ул-арз, Мухаммад Абид Иршод. Чахорбоги гулхо (тадж.). – Душанбе: Адиб, 2008. – с. 192-208.
- [52]. Мухаммад ибн Махмуд ибн Ахмад Туси. Аджайб-наме (“Аджайб ул-махлукот ва гарайб ул-мавджудот”) / Мухаммад ибн Махмуд ибн Ахмад Туси (тадж.). – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 604 с.

- [53]. Мухаммад Ибн Наджиб Бекран. Джахан-наме («Описание мира») / Материалы по истории киргизов и Киргизии / Мухаммад Ибн Наджиб Бекран. – Вып. 1. – М.: Наука, 1973. – С. 46-51.
- [54]. Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' / Мухаммадхусайн Бурхон (тадж.). – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1993. – 416 с. – Т. 2. – 2004. – 424 с.
- [55]. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии / Ф. Назаров. – М.: Наука, 1968. – 80 с.
- [56]. Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь / В. П. Наливкин. – М., 2004. – 114 с.
- [57]. Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы / В. П. Наливкин, М. Наливкина. – Казань, 1886. – 245 с.
- [58]. Омар Хайам. Наврузнаме (тадж., рус., англ.) / Омар Хайам. – Душанбе: Адиб, 2012. – 352 с.
- [59]. Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы / Н. П. Остроумов. – Вып. 1. – Ташкент, 1890. – 137 с.
- [60]. Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки / П. И. Пашино. – СПб., 1866. – 179 с.
- [61]. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе («Арда Вираз намаг») и другие тексты. – М.: Восточная литература, 2001. – 206 с. - (Памятники письменности Востока. № 126).
- [62]. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника / В. В. Радлов (перев. с нем.). – М.: Гл. ред. вост. литературы, 1989. – 752 с.
- [63]. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. – Т. 19. Туркестанский край. – СПб., 1913. – 861 с.
- [64]. Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Рюи Гонзалес де Клавихо (под ред. И. И. Срезневского). – СПб., 1881. – 455 с.

- [65]. Саади Шерози. Газели (тадж.) / Саади Шерози. – Душанбе: Адиб, 2014. – (Звезды литературы).
- [66]. Сафи Ф. А. Латоиф ат-тавоиф (тадж.) / Фахриддин Али Сафи. – Душанбе: Адиб, 2011. – 336 с.
- [67]. Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.) / А. А. Семенов // Исторический вестник. - Т. 87. - 1902. – Ч. 1. Куляб. - № 3. — С. 961-992; Ч. 2. От Куляба до Сарая. – № 4. - С. 98-122.
- [68]. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза / А. А. Семенов. - М., 1903. – 131 с.
- [69]. Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.): В 2 т. (тадж.) – М.: Сов. энциклопедия, 1969. - Т. 1. - 952 с.; Т. 2. – 952 с. - (АН Тадж. ССР. Ин-т языка и литературы им. Рудаки).
- [70]. Страбон. География / Страбон. Пер. Г. А. Стратановского. – Т. 11. – М.: Ладомир, 1994.
- [71]. Стремоухов. Н. П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) // Русский вестник / Н. П. Стремоухов. – М., 1875. - № 6. – С. 630-695.
- [72]. Таджикско-русский словарь / Под ред. М. Рахими, Л. В. Успенской. – М.: Государственное изд-во словарей, 1954. – 789 с.
- [73]. Татаринов А. С. Семимесячный плен в Бухарии / А. С. Татаринов. – М.-СПб., 1867. – 138 с.
- [74]. Терентьев М. Туркестан и туркестанцы / М. Терентьев // Вестник Европы. - Ч. 3 – М., 1875. - С. 142-172.
- [75]. Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане / А. П. Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 2. – СПб., 1873. – С. 49-52.
- [76]. Фирдоуси. Шах-наме: В 9 т. / А. Фирдоуси (тадж.) – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1987. – 468 с.

- [77]. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края / А. П. Хорошхин. – СПб., 1876. – 531 с.
- [78]. Хотифи Абдулло. Ширин ва Хусрав (тадж.). – Душанбе: Дониш, 1981. – 116 с.
- [79]. Хофиз Шерози. Сборник сочинений / Хофиз Шерози (тадж.). – Душанбе: Ирфон, 1983. – 672 с.
- [80]. Худуд ул-Олам // Худуд ул-Олам, Ибн Хавкал. Сурат ул-арз, Мухаммад Абид Иршод. Чахорбоги гулхо (тадж.). – Душанбе: Адиб, 2008. – С. 3-129.
- [81]. Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. - Ч. 1 (Этнография) / А. П. Шишов // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. – Ташкент, 1904. – Т. 11. – С. 1-492.
- [82]. Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование / А. П. Шишов. – Алматы, 2006. – 392 с.
- [83]. Шубинский П. Очерки Бухары / П. Шубинский // Исторический вестник. - № 10. – М., 1892. – С. 118-142.

Исследования (монографии, брошюры, статьи)

- [84]. Алёкшин В. А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки / В. А. Алёкшин // Древние культуры Евразии. – СПб., 2010. - С. 34-43.
- [85]. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба / Л. И. Альбаум. – Ташкент: Фан, 1975. – 160 с.
- [86]. Аманбаева Б. Э. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) / Б. Э. Аманбаева, А. Е. Рогожинский,

- Д. Мерфи // Археологические исследования в Узбекистане. 2004-2005 годы. – Выпуск 5. – Ташкент: Фан, 2006. - С. 256-263.
- [87]. Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда / М. Аминджанова // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1962. – Вып.3. – С. 87-100.
- [88]. Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – 378 с.
- [89]. Аскарлов А. А. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана) / А. А. Аскарлов, Б. Н. Абдуллаев. - Ташкент: Фан, 1983. – 120 с.
- [90]. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана / А. А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1977. – 230 с.
- [91]. Аскарлов А. А. К передатировке культуры Заманбаба / А. А. Аскарлов // Культура и искусство древнего Хорезма. Сборник статей. – М.: Наука, 1981. - С. 99-110.
- [92]. Аскарлов А. А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде / А. А. Аскарлов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1970. - №. 122. Археологическое изучение Средней Азии. - С. 64-66.
- [93]. Аскарлов А. А. Сапаллитепа / А. А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1973. – 172 с.
- [94]. Байпаков К. М. Археология Казахстана / К. М. Байпаков, Ж. К. Таймагамбетов. – Алматы, 2006. – 355 с.
- [95]. Баруздин Ю. Д. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия) / Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1962. – 128 с.
- [96]. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов) / А. М. Беленицкий // Живопись Древнего Пянджикента. – М., 1954. - С. 25-82.

- [97]. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура / А. М. Беленицкий. - М.: Искусство, 1973. - 68 с. + 54 л. ил.
- [98]. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента / А. М. Беленицкий. – Материалы и исследования по археологии СССР. – № 66. – 1958. – С. 104-154.
- [99]. Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Л.: Наука, 1973. – 389 с.
- [100]. Бенуа А. Некоторые мысли о косметике на Ближнем Востоке в III тысячелетии до н. э.: контейнеры и содержимое / А. Бенуа (англ.) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. - Т. 3. – СПб.: Алетейя, 2010. - С. 312-321.
- [101]. Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара / С. Бобомуллоев. – Душанбе: Дониш, 2015. – 206 с.
- [102]. Бобомуллоев С. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана / С. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Б. Бобомуллоев // Записки Института истории материальной культуры РАН. - № 11. – СПб., 2015. - С. 47–66.
- [103]. Бобомуллоев С. Результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана весной 2014 г. / С. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Б. Бобомуллоев // Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе, 2017. - Вып. 1. - С. 42–67.
- [104]. Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям (тадж.) / М. У. Бобомуродова. – Душанбе, 2014. – 167 с.
- [105]. Боровкова Л. А. Народы Средней Азии III – VI веков (по древним китайским и западным источникам) / Л. А. Боровкова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 368 с.

- [106]. Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира / М. А. Бубнова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.
- [107]. Булатова Б. А. Древняя Кува / Б. А. Булатова. - Ташкент, 1972. – 95 л. + 10 л. илл.
- [108]. Виноградова Н. М. Новые исследования могильника эпохи средней бронзы – Фархор в Южном Таджикистане / Н. М. Виноградова // Доклад на семинаре «История и культура Древнего Востока в свете новых открытий», 17.02.2016. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016.
- [109]. Голан Л. Формула совершенства (Paperback) / Л. Голан, Н. Виноградова. – М.: AND Group, 2006. – 192 с.
- [110]. Горбунова Н. Г. Древний Ферганский косметический прибор / Н. Г. Горбунова // Культура и искусство древнего Хорезма. Сборник статей. – М.: Наука, 1981. - С. 178-183.
- [111]. Гюиз Ф. Древняя Персия / Ф. Гюиз (перев. с франц.). – М.: Вече, 2007. – 336 с.
- [112]. Длужневская Г. В. Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане / Г. В. Длужневская // Туркестан в старых фотографиях и керамике. – М.: Государственный музей Востока, 2007. - С. 9-26.
- [113]. Древнейшие государства Средней Азии и Кавказа. – М.: Наука, 1985. – 495 с.
- [114]. Древняя и средневековая культура Чача / Отв. ред. Г. В. Шишкина. – Ташкент: Фан, 1979. – 182 с.
- [115]. Дубова Н. А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-депе / Н. А. Дубова // Культура номадов Центральной Азии. Материалы международной конференции (Самарканд, 22-24 ноября 2007 г.). – Самарканд, 2008. - С. 82-97.

- [116]. Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии / М. М. Дьяконов // Живопись Древнего Пянджикента. – М., 1954. – С. 83-158.
- [117]. Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда / Т. Г. Емельяненко // Лавровский сборник: Материалы 33-х Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 259-264.
- [118]. Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. – Душанбе, 1969. – 81 с.
- [119]. Ершов Н. Н. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков / Н. Н. Ершов // Доклады АН ТаджССР. – Вып. 3. – Душанбе, 1952.
- [120]. Жуков В. Д. Обследование городища Старая Кува / В. Д. Жуков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 80. – М., 1960. – С. 80-84.
- [121]. Иброхимов М. Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология / М. Ф. Иброхимов. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 210 с.
- [122]. История таджикского народа / Отв. ред. Р. М. Масов. – Душанбе, 1998-2013. – Т. 1: Древнейшая и древняя история. – 1998. – 752 с.; Т. 2: Эпоха формирования таджикского народа. – 1999. – 792 с.; Т. 3. XI – XII века. – 2013. – 580 с.; Т. 4. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – 2010. – 1124 с.; Т. 5. Новейшая история (1917 – 1941 гг.). – 2001. – 829 с. (АН Респ. Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша).
- [123] Кирчо Л. Б. Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н.э.) / Л. Б. Кирчо // Записки Института истории материальной культуры РАН. – № 19. – СПб., 2018. – С. 56 – 69.

- [124]. Кожомбердыев И. Новые данные о Кенкольском могильнике / И. Кожомбердыев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 80. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – С. 70-75.
- [125]. Крюкова В. Ю. Жертвоприношение в традиционной практике ираноязычных народов Центральной Азии / В. Ю. Крюкова // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 1. – СПб: Наука, 2007. – С. 13-40.
- [126]. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / Е. Е. Кузьмина. – М., 1966. – 150 с.
- [127]. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. / Л. М. Левина. – М.: Восточная литература, 1996. – 396 с.
- [128]. Литвинский Б. А. Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. – Душанбе, 1962. – 405 с.
- [129]. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М., 1972. – 258 с.
- [130]. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М., 1973. – 211 с.
- [131]. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М., 1978. – 216 с.
- [132]. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М.: Наука, 1978. – 217 с. + 40 с. илл. – (Могильники Западной Ферганы. IV).
- [133]. Литвинский Б. А. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. – М.: Наука, 1985. – 263 с.

- [134]. Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана / В. Г. Луконин. – М.: Искусство, 1977. – 232 с.
- [135]. Майтдинова Г. М. История таджикского костюма / Г. М. Майтдинова. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. – 280 с.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. – 254 с.
- [136]. Мардонова А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области / А. Мардонова // Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. - С. 106-115.
- [137]. Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток / В. М. Массон. – Л.: Наука, 1964. – 467 с.
- [138]. Мирзоев А. Сайидо и его место в истории таджикской литературы / А. Мирзоев (тадж.). – Душанбе: Дониш, 2018. – 262 с.
- [139]. Мухиддинов И. Обычай и обряды памирских таджиков, связанных с жилищем. Конец XIX – начало XX в. / И. Мухиддинов // Советская этнография. – М.: Наука, 1982. - № 2. – С. 76-82.
- [140]. Негматов Н. Н. Средневековый Шахристан / Н. Н. негматов, С. Г. Хмельницкий. – Душанбе, 1966. – 222 с. (Материальная культура Уструшаны. Вып. 1).
- [141]. Первашова М. С. Классификация и характеристика предметов туалета раннесредневекового Тохаристана / М. С. Первашова // 10 корпус. – № 2. – Елец, 2016. – С. 72-75.
- [142]. Пещерева Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 – 1935 гг.) / Е. М. Пещерева // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1957. - Вып. 17. - С. 22-94.
- [143]. Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии / Ш. Р. Пидаев. – Ташкент, 1978. – 144 с.

- [144]. Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы / А. К. Писарчик // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 113-122.
- [145]. Писарчик А. К. Одежды таджиков Нурата / А. К. Писарчик. – Душанбе: Сафир, 2003.
- [146]. Писарчик А. К. Примечания и дополнения // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) - Сталинабад, 1958. – Вып. 2. - С. 277-486.
- [147]. Полосьмак Н. В. Пурпур и золото тысячелетий / Н. В. Полосьмак // Наука из первых рук. – М., 2005. № 1(4). - С. 46-48.
- [148]. Полосьмак Н. В. Некоторые вопросы исследований материалов из «замерзших» могил Укока методами естественных и точных наук / Н. В. Полосьмак // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. – М., 1999. – С. 123-125.
- [149]. Прищепова В. А. Взгляд со стороны: урда, джаляп, бача (по фотоколлекциям МАЭ РАН 1870-1920 годов) / В. А. Прищепова // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). – СПб., 2006. - С. 104-119.
- [150]. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры / В. А. Прищепова. - СПб.: Наука, 2011. - 452 с.
- [151]. Прищепова В. А. Традиционная культура народов Центральной Азии по фотоколлекциям Музея народоведения в собраниях МАЭ (1920-1930-е гг.) / В. А. Прищепова // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 2. – СПб., 2009. – С. 323-374.
- [152]. Прищепова В. А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН)

/ В. А. Прищепова // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 1. – СПб., 2007. – С. 223-260.

- [153]. Пугаченкова Г. А. Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана / Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент: Фан, 1978. – 240 с.
- [154]. Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Фан, 1989. – 204 с.
- [155]. Пулатов У. П. Чильхуджра / У. П. Пулатов. – Душанбе, 1975. – 256 с.
- [156]. Сагдуллаев А. С. В стране золотого огня / А. С. Сагдуллаев, Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент: Узбекистан, 1983. – 93с. – (Поиски, находки).
- [157]. Сазонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма / М. В. Сазонова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 90-106.
- [158]. Сариниди В. И. Афганистан: Сокровища безымянных царей / В. И. Сариниди. – М.: Наука, 1983. – 159 с.
- [159]. Сариниди В. И. Гонур-депе. Город царей и богов / В. И. Сариниди (туркм., рус., англ.). – Ашгабад, 1995. – 327 с.
- [160]. Сариниди В. И. Два уникальных флакона из Бактрии / В. И. Сариниди // Вестник древней истории. – М.: Наука, 1992. - № 3/202. – С. 81-89.
- [161]. Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана / В. И. Сариниди. – М., 1977. – 168 с.
- [162]. Сариниди В. И. Древности страны Маргуш / В. И. Сариниди. – Ашгабад, 1990. – 314 с.

- [163]. Сарияниди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане) / В. И. Сарияниди. – М., 2010. – 200 с.
- [164]. Сарияниди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса / В. И. Сарияниди // Древняя Бактрия. – М., 1976. – Вып. 1. – С. 21-86.
- [165]. Сарияниди В. И. Косметические флаконы из Бактрии / В. И. Сарияниди // Советская археология. – М., 1979. – № 1. – С. 255-260.
- [166]. Сарияниди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб / В. И. Сарияниди (рус., англ.). - Ашгабад, 2002. – 341 с.
- [167]. Сарияниди В. И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры / В. И. Сарияниди (туркм., рус., англ.). – Ашгабад, 2008. – 360 с.
- [168]. Сарияниди В. И. Некрополь Гонур и языческое владычество / В. И. Сарияниди (рус., англ.). – М., 2001. – 246 с.
- [169]. Сарияниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе / В. И. Сарияниди. - М., 1989. - 240 с.
- [170]. Сарияниди В. И. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. / В. И. Сарияниди, Н. А. Дубова // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 5. Исследования Гонур Деве в 2011-2013 гг. – М., 2014. – С. 92-111.
- [171]. Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья / А. В. Седов. – М.: Наука, 1987. – 200 с.
- [172]. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз / Т. Н. Сенигова. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 218 с.
- [173]. Сокровищница устного творчества (Баёзи фольклори тоҷик): В 6 т. / Сост. Р. Амонов и др. (тадж.). – Т. 1. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 288 с.

- [174]. Сорокин С. С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох) / С. С. Сорокин. – Труды Государственного Эрмитажа. - Т. 5. – Л., 1961. – С. 123.
- [175]. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры / Б. Я. Ставиский. – М.: Наука, 1977. – 284 с.
- [176]. Ставиский Б. Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда / Б. Я. Ставиский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 80. – М., 1960. - С. 101-102.
- [177]. Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.) / О. А. Сухарева. - М.: Наука, 1982. - 140 с.
- [178]. Сухарева О. А. Бухара. XIX - начало XX в. (Позднефеодальный город и его население) / О. А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.
- [179]. Тамара Талбот Райс. Античное искусство Средней Азии (англ.). - 1965.
- [180]. Тимофеев В. И. Памятники каменного века Центральной Ферганы / В. И. Тимофеев // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 176. Средняя Азия и Кавказ. – М.: Наука, 1983. - С. 63-68. – (АН СССР, Ордена Трудового Красного знамени Институт археологии).
- [181]. Топрак-кала. Дворец / Отв. ред. Ю. А. Рапопорт, Е. Е. Неразик. – М.: Наука, 1984. – 321 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. XIV).
- [182]. Фрибус А. В. Керамический сосуд с изображением «фасада храма» с юго-западной территории (раскоп 12) Гонур-депе / А. В. Фрибус, С. П. Грушин // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 6. – М., 2016. - С. 327-334.
- [183]. Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана / Хамза Камол. - Душанбе: Деваштич, 2005. – 208 с.

- [184]. Хамиджанова А. Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли / А. Х. Хамиджанова. – Душанбе: Дониш, 1974. – 180 с.
- [185]. Хисматуллин А. А. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме / А. А. Хисматуллин, В. Ю. Крюкова. – СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 1997. – 272 с.
- [186]. Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа / И. Н. Хлопин. – М.-Л., 1964. – 172 с.
- [187]. Хлопин И. Н. Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении / И. Н. Хлопин. – Л.: Наука, 1969. – 84 с.
- [188]. Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников / И. Н. Хлопин. – Л.: Наука, 1983. – 244 с.
- [189]. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Э. Шефер. - М., 1981. – 608 с.
- [190]. Широкова З. А. Одежда / З. А. Широкова // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230.
- [191]. Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. / З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 199 с.
- [192]. Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана / З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 206 с.
- [193]. Шишкин И. Б. У стен великой Намазги / И. Б. Шишкин. – М.: Наука, 1977. – 191 с.
- [194]. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.) / Г. В. Шишкина. – Ташкент: Фан, 1979. – 164 с.

- [195]. Шоинбеков А. Праздник Курбан в селе Тусиён Западного Памира / А. Шоинбеков // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 1. – СПб: Наука, 2007. - С. 261-266.
- [196]. Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи / А. Ю. Якубовский // Живопись Древнего Пянджикента. – М., 1954. - С. 7-24.
- [197]. Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы) / С. А. Яценко. – М.: Восточная литература, 2006. – 664 с.
- [198]. Яценко С. А. Костюм / С. А. Яценко // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М.: Вост. литература, 2000. – Т. 4. - С. 296-384 + 17 табл.
- [199]. Яценко С. А. Костюм Джетыясарской культуры на фоне соседних народов / С. А. Яценко // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции (Туркестан, 23-24 ноября 2006 г.). – Туркестан, 2006. – С. 320-328.
- [200]. Яценко С. А. Характерные черты кушанского мужского костюма II-III вв. н.э. / С. А. Яценко // Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Амударьи: Тез. докл. Межд. научного симпозиума. – Чарджоу, 1993. – С. 42-44.
- [201]. Яценко С. А. Центральноазиатские элементы в костюме Тиллятепе / С. А. Яценко // Тез. докл. конф. «Культура и искусство Центральной Азии». – Л., 1988.

Диссертации

- [202]. Ходжаев Ш. Р. История ремесленного производства Хутталя (по материалам городища Хульбук) / Ш. Р. Ходжаев: Дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2014. – 190 с.
- [203]. Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции / С. А. Яценко: Дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – 582 с.

Электронные ресурсы

- [204]. Акшахан-кала (Казаклы-Яткан) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://meros.org/ru/wonder/view?id=640>. Дата обращения 16.12.2017.
- [205]. Александрова Ю. Традиции и обычаи афганцев / Ю. Александрова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43748546752/traditsii-i-obyichayi-afgantsev>. Дата обращения 26.09.2018.
- [206]. Буряков Ю. Торговля и предпринимательство Средней Азии в раннем и развитии средневековье / Ю. Буряков, Эм. Ф. Вульфферт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ia-centr.ru/experts/1228/>. – Дата обращения 27.12.2019.
- [207]. В ЮКО археологи закончили раскопки четырех погребений на Борижарском некрополе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.caravan.kz/news/v-yuko-arkheologi-zakonchili-raskopki-chetyrekh-pogrebenijj-na-borizharskom-nekropole-167755/>. – Дата обращения 30.07.2016.
- [208]. Довудшох Сулаймонцох. Точикони берунмарзии мо. Шева бо фирдавс дорад хамсарй [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ozodi.org/a/blog-about-tajiks-who-live-in-sheva-unical-valley-in-afghanistan/25440048.html>. Дата обращения 20.10.2018.

- [209]. История одежды Средней Азии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.samuzinfo.net/> / Дата обращения 14.09.2017.
- [210]. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI - XVII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVI/1580-1600/Mat_Uzb_Tadz_Turkm_I/index.htm / Дата обращения 31.12.2019.
- [211]. Прокопенко В. Обзор предметов поясной одежды исламского мира (XVI-XVIII вв.) / В. Прокопенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kitabhona.org.ua/costum_etno/shalvar1819.htm. Дата обращения 14.08.2018.
- [212]. Рахими С. Пять забытых ритуалов красоты таджикских женщин / С. Рахими [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theworldnews.net/tj-news/piat-zabytykh-ritualov-krasoty-tadzhikskikh-zhenshchin><https://theworldnews.net/tj-news/piat-zabytykh-ritualov-krasoty-tadzhikskikh-zhenshchin>. Дата обращения 25.12.2018.

Список публикаций соискателя ученой степени

Статьи в журналах, включенных в Перечень ВАК при Президенте РТ

[1-А]. Хакимова З. Г. О косметике жителей Маргианы эпохи энеолита – бронзового века / З. Г. Хакимова // Вестник Таджикского национального университета. - № 3 / 6. - Душанбе, 2017. – С. 49-52.

[2-А]. Хакимова З. Г. Отношение к косметике и парфюмерии в зороастрийской культуре // З. Г. Хакимова // Муаррих (Историк). – Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАН РТ, 2019. - № 2(18)2019. – С. 139-145.

[3-А]. Хакимова З. Г. Внешние связи Средней Азии в области торговли косметическими и парфюмерными материалами (древность – начало XX века) / Х. Камолов, З. Г. Хакимова // Муаррих (Историк). – Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАН РТ, 2019. - № 4 (20). – С. 147-153.

[4-А]. Хакимова З. Г. Использование декоративной косметики в Средней Азии эпохи раннего средневековья / З. Г. Хакимова // Вестник Таджикского национального университета. - № 6. - Душанбе, 2019. – С. 68-73.

Статьи в других журналах и сборниках научных трудов и методические указания

[5-А]. Хакимова З. Г. Символика узора в мужских четырехгранных тубетейках таджиков / З. Г. Хакимова, М. Ф. Иброхимов, А. Б. Ишматов // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(24). – Душанбе, 2015. - С. 38-40.

[6-А]. Хакимова З. Г. Древние косметические традиции в мужской среде персидских народов (на основе памятников изобразительного искусства) / З. Г. Хакимова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 2(27). – Душанбе, 2016. - С. 188-191.

[7-А]. Хакимова З. Г. Вязаная одежда в мужских костюмах древних иранских народов (по материалам художественных памятников) / З. Г. Хакимова, А. Б. Ишматов // Матер. Республ. научно-практической конфер. «Обеспечение продовольственной безопасности и качества продуктов первой необходимости в условиях деятельности Республики Таджикистан во Всемирной торговой организации и Таможенного союза» (Технологический университет Таджикистана, 28 мая 2016 г.). – Душанбе: Бахманруд, 2016. – С. 52-55.

[8-А]. Хакимова З. Г. К истории тубетеек / З. Г. Хакимова, А. Б. Ишматов (тадж.) // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(26). – Душанбе, 2016. - С. 78-81.

[9-А]. Хакимова З. Г. К вопросу об использовании натуральных материалов для украшения бровей в таджикской традиции / З. Г. Хакимова (тадж.) // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(28)2017. – Душанбе, 2017. – С. 173-175.

[10-А]. Хакимова З. Г. Историография развития косметических традиций таджикского народа / З. Г. Хакимова, С. А. Содикова // Матер. Республ. научно-практической конфер. «Наука и техника для устойчивого развития» (Технологический университет Таджикистана, 28 апреля соли 2018 г.). – Душанбе, 2018. - Ч. 1. –С. 86-88.

[11-А]. Хакимова З. Г. Праздники Мехргон и Сада как отражение национальных ремесленных традиций, обрядов и ритуалов / З. Г. Хакимова, М. Ф. Иброхимов // Мехргон и Сада в зеркале цивилизаций народов Центральной Азии (исследования). – Душанбе: Дониш, 2017. - С. 229-238. - (НАН Республики Таджикистан, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Международный научный центр музыкальной культуры народов Востока (Борбад)).

[12-А]. Хакимова З. Г. Историография вязального дела таджикского народа / З. Г. Хакимова, С. А. Содикова // Матер. Республ. научно-практической конфер. «Наука и техника для устойчивого развития» (Технологический университет Таджикистана, 28 апреля соли 2018 г.). – Ч. 1. - С. 80-82.

[13-А]. Хакимова З. Г. Волшебные свойства одежды / З. Г. Хакимова, Х. Т. Самадов // Матер. Республ. научно-практической конфер. «Наука и техника для устойчивого развития» (Технологический университет Таджикистана, 28 апреля соли 2018 г.). – Ч. 1. - С. 78-80.

[14-А]. Хакимова З. Г. Типичный таджик. Типаж и идеал красоты народа в глазах дореволюционных русских авторов / З. Г. Хакимова, М. Ф. Иброхимов // Матер. Республ. научно-практической конфер. «Актуальные проблемы индустриализации Республики Таджикистан» (Технологический университет Таджикистана, 26-27 апреля соли 2019 г.). – Т. 1. – Душанбе, 2019. – С. 179-182.

[15-А]. Хакимова З. Г. История костюма и моды. Методические указания по выполнению самостоятельной работы студентов / З. Г. Хакимова, М. Ф. Иброхимов, Д. К. Раджабова. – Душанбе, 2020. – 28 с.